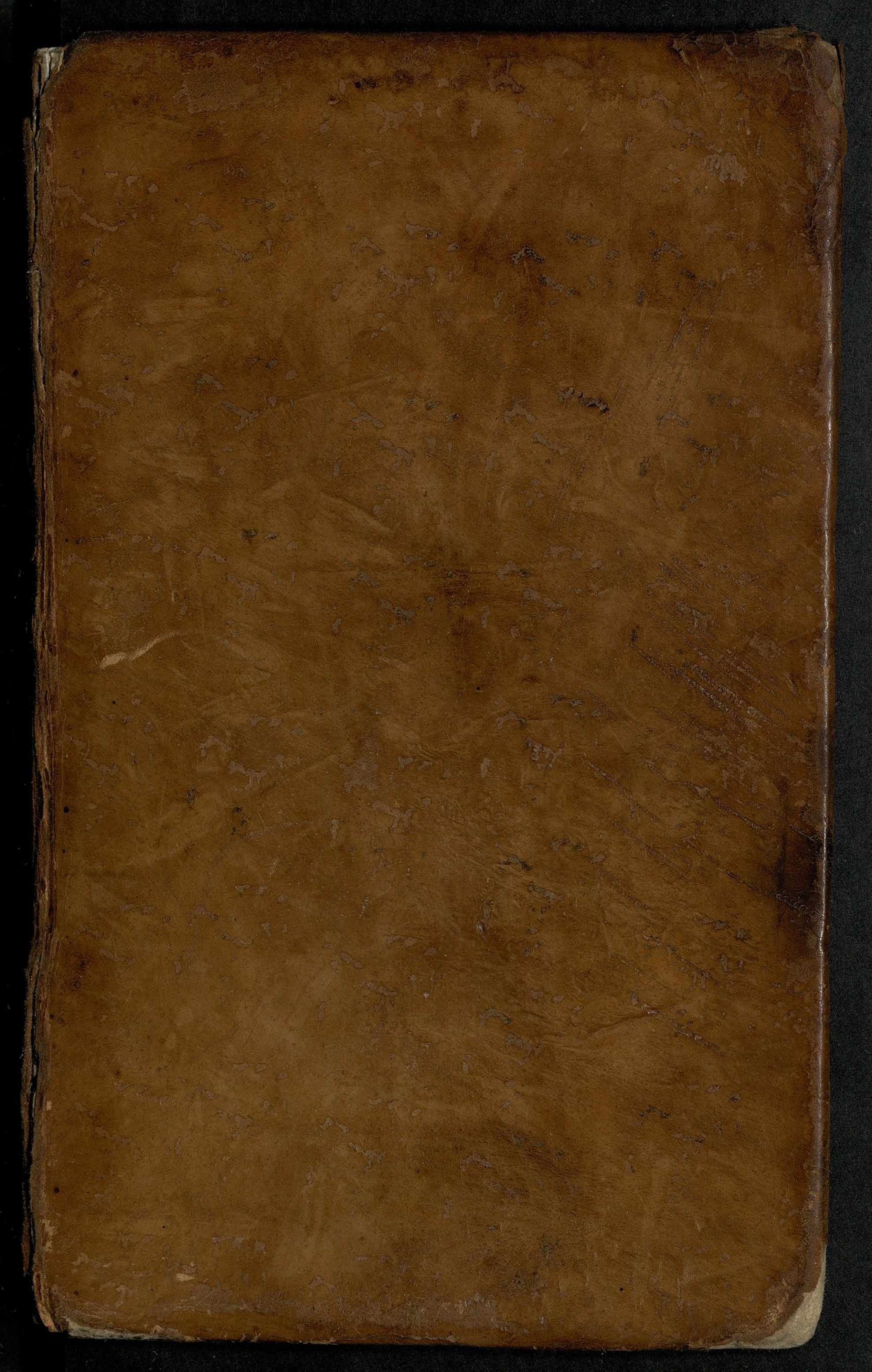
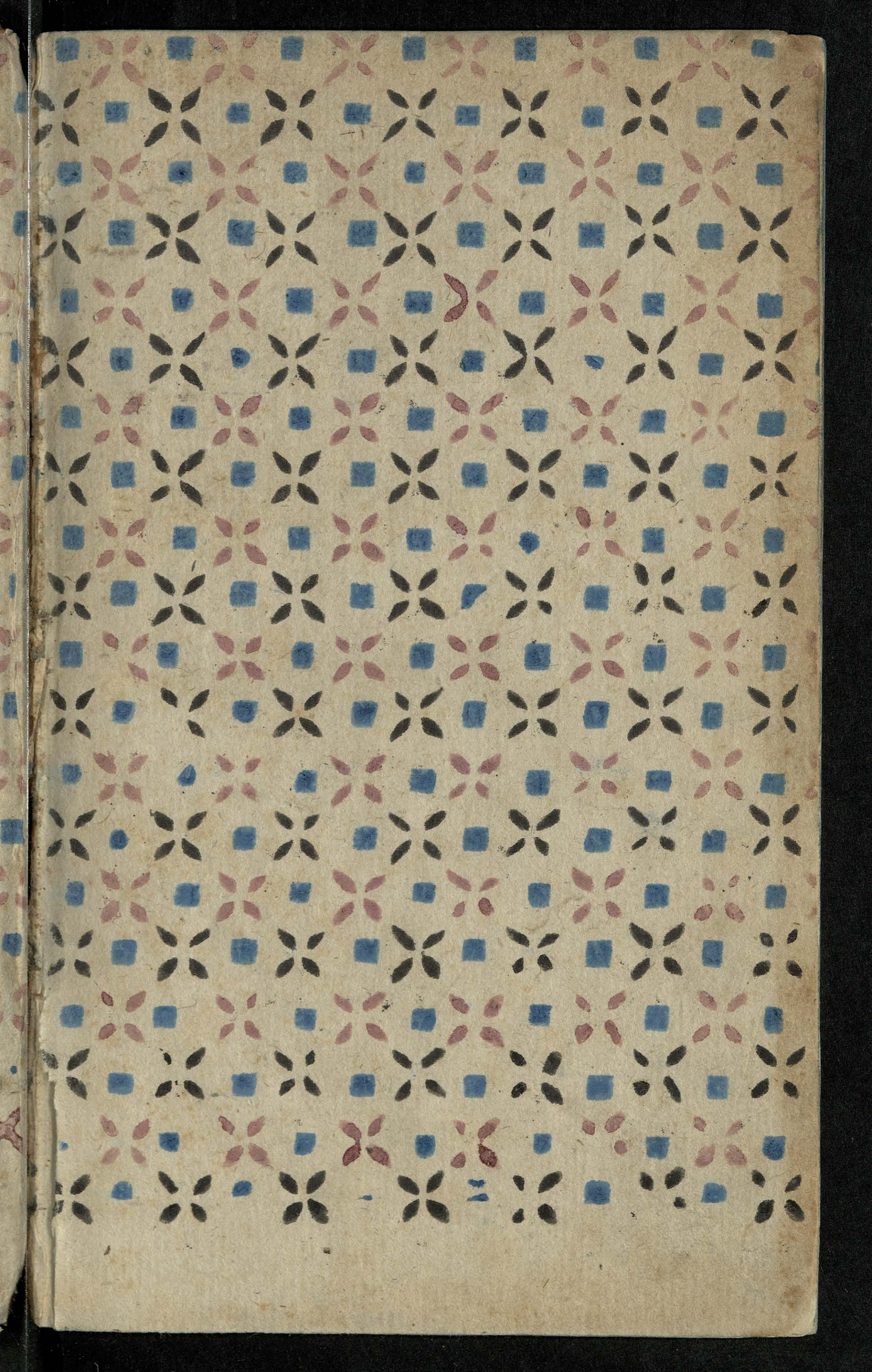
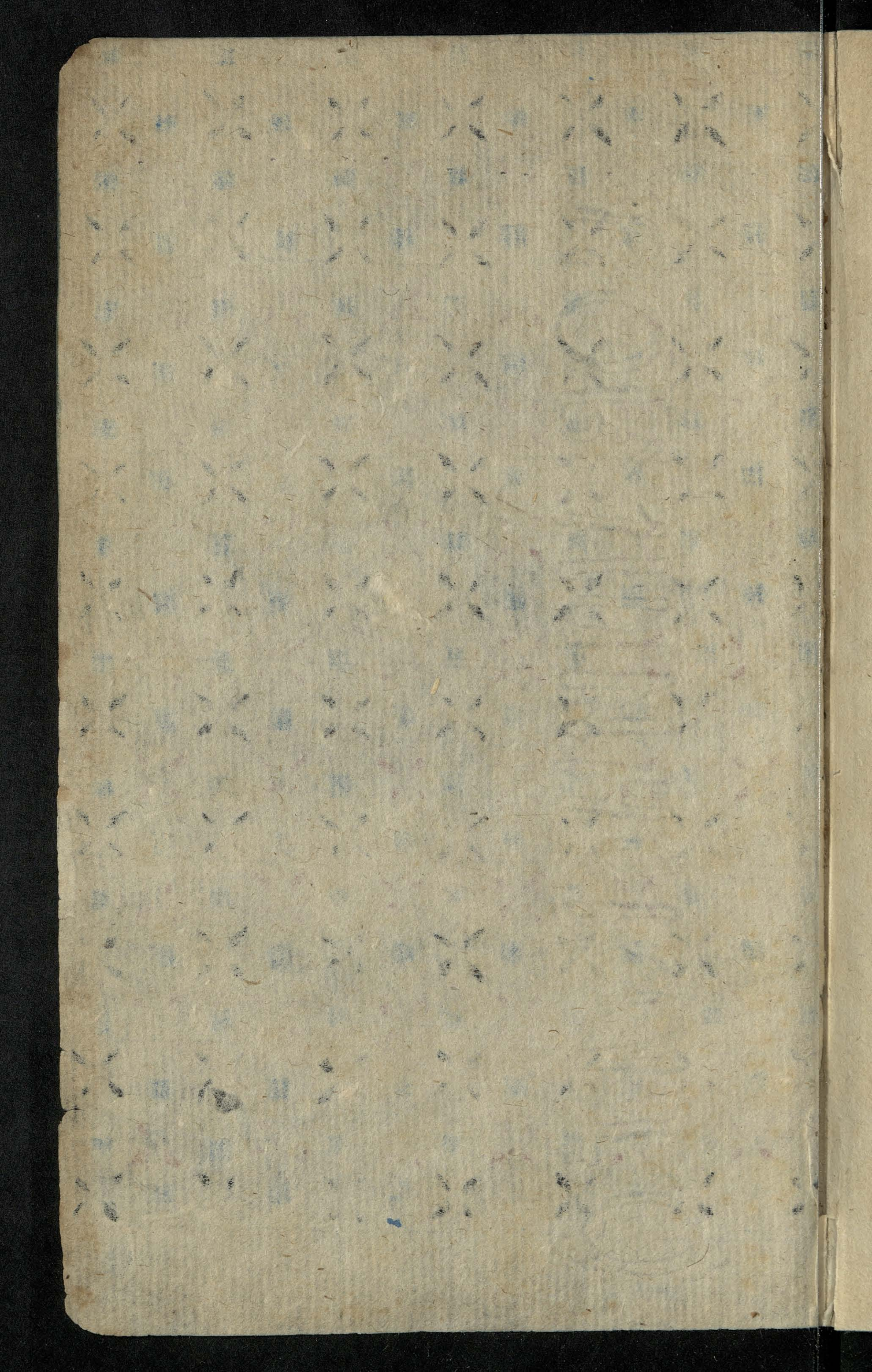










Грав: Н Малютинъ

Когдаже кончатся мои беспокойствия?

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО ФРИДЕРИКА КОРОЛЯ ПРУССКАГО

взятое

Изъ Анекдотовъ самыхъ достовѣрнѣйшихъ о военной, Философской и приватной его жизни.

Сочиненія Г. Бурде

Наставника въ наукахъ и художествахъ Ея Королевскаго Высочества Принцессы Вильгельмины Прусской.

Перевелъ съ Французскаго

С. Николай Яценковъ.



МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.
1789.

Съ Указнаго дозполенія.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ

ЛЕЙБГВАРДІИ

КОННАГО ПОЛКУ

ПРЕМІЕРЪ-МАІОРУ

Ордена Святаго Георгія четвер. класса

КАВАЛЕРУ

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ

БАБАРЫКИНУ

Всеусерднѣйшее приношеніе.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

Милостивый Государь!

Дерзновеніе, которое я принялъ украсить сію книгу высокимъ именемъ Вашего Превосходительства, есть истинная жертва чистосердечной признательности къ знаменитымъ Вашимъ достоинствамъ, отличнымъ заслугамъ и всѣмъ великодушно оказываемымъ отеческимъ милостямъ, прославившимъ по всюду Ваше имя. Какъ пошло ужъ въ обыкновеніе посвящать труды свои высокимъ и знаменитымъ особамъ; то я слѣдуя,

какъ общему оному обыкновенію, такъ и сердечнымъ чувствованіямъ, поистиннѣ никому столь приличнѣе не могъ посвятить Изображеніе Великаго Фридерика, какъ знаменитой особѣ Вашего Превосходительства, яко мужу имѣющему отличную приверженность къ военной службѣ и особенно въ оной отличившемуся.

Удостойте, Милостивый Государь! съ благоволеніемъ принять сію малую жертву не по маловажности оной, но

по

по великости моего къ Вамъ усердія и чувствительной признательности; примите меня въ высокое Ваше покровительство, и уверьтесь, что ищущій онаго ни чѣмъ другимъ къ тому непобужденъ, кромѣ уваженіемъ и почтеніемъ къ добродѣтелямъ и достоинствамъ Вашего Превосходительства. Щастливымъ почту себя, и щастливымъ стократно, естьли угодна Вамъ будетъ сія жертва; естьли слабой переводъ мой заслужитъ вниманіе

Вашего Превосходительства и удостоится толикожъ благосклоннаго принятія съ какою искренностію подноситъ Вамъ его.

Милостивый Государь!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

всепокорнѣйшій слуга.

Николай Яценковъ.

Предувѣдомленіе.

Не многіе Государи столь заслужили, какъ Фридерикъ, имя великаго, имя безсравненное! солдатъ не устрашимой, Генералъ искусной и храброй, законодатель, другъ людей, Государь и согражданинъ трудолюбивый, Философъ просвѣщеный, человѣкъ любви достойный, нѣжный другъ, онъ былъ столь великъ, сколь казался простъ, онъ несравненной Государь.

Сія всеобщность принадлежитъ истинному духу; онъ единъ разомъ можетъ обнять величайшіе предметы и малѣйшія подробности; и сіе-то наипаче изображаетъ свойства Героя нашихъ временъ. Онъ управлялъ съ равною похвалою скипетромъ, мечемъ и перомъ. Такія свойства соединившіяся и какъ бы сліявшіяся съ прочими способностями великой его души, сами однѣ прославили многихъ Государей. Да извинятъ меня читатели въ слѣпомъ моемъ и всего отечества моего восторгѣ. Фридерика болѣе ужъ нѣтъ на свѣтѣ; слѣдовательно жертва сія есть безпристрастна. Я находился принемъ шестьнатцать лѣтъ; удивлялся

дѣяніямъ сего великаго человѣко-Короля и прилагалъ всевозможныя старанія всегда его видѣть; но никогда не быть отъ его видиму.

О Фридерикъ! прости меня, свѣтскаго человѣка, дерзающаго мѣшать полевыя цвѣты въ лавры покрывающіе гробъ твой. Нашъ Гомеръ упредилъ смертію своего Героя; Ксенофонтовъ ужъ нѣтъ; но твои дѣянія говорятъ; онѣ составятъ все мое краснорѣчіе.

Я не остановлюсь на физическомъ изображеніи сего Великаго мужа: онъ былъ выше посредственнаго росту; собою тонокъ; имѣлъ тѣло нѣжное; но въ трудахъ неутомимое; черты изображающія свойства безсмертной его души обѣщался я описать. Да прославится исторія его вѣка повѣствованіемъ о его царствованіи и о воинскихъ подвигахъ! Столь высокое пареніе превосходитъ силы мои, естьли я съ успѣхомъ изображу человѣко-Короля; то мое предпріятіе будетъ уже исполнено.

Ве-

Великое множество достопамятныхъ дѣяній, которыми наполнена Фридерикова жизнь, моглибъ показаться глазамъ нашихъ потомковъ собраніемъ разныхъ произшествій въ сію книгу, взятыхъ изъ жизни великихъ и ученыхъ мужей многихъ вѣковъ; но истинна явно будетъ свидѣтельствовать противъ лжи въ разсужденіи такого Героя, на котораго цѣлая Европа устремляла глаза свои въ теченіи 46 лѣтнаго его царствованія. Сверьхъ того, во время пребыванія моего въ Потсдамѣ, болѣе трехъ знатныхъ особъ, доставили мнѣ случай справиться съ особами составляющими Королевское общество во всѣхъ анекдодахъ, которые я здѣсь буду расказывать.

Многіе изъ сихъ анекдотовъ изданы уже въ свѣтъ; но безпорядочно; безъ всякого выбору и достовѣрности; что единственно побудило меня къ сочиненію сей книги, въ которой я наипаче старался представить великаго мужа безъ всякаго пристрастія, и точно такимъ, какимъ долженъ онъ быть представленъ потомству.

Красно·

Красноречивая похвала, сдѣланная Прусскому Королю Графомъ Гуибертомъ кажется достигла сей цѣли. Перо мое должно бы быть чрезъ сіе отвращено отъ предпріятія; но онъ изобразилъ его въ величественномъ видѣ; а подробности представляли мнѣ еще довольно богатую жатву. Онъ описывалъ его въ видѣ воина и государственнаго человѣка; а я въ видѣ чувствительнаго человѣка предпріемлю его изобразить. И между тѣмъ, какъ ученой Панигеристъ приноситъ жертву на гробѣ Великаго Фридерика, да будетъ мнѣ позволено возложить на оной сіе слабое приношеніе; оно есть жертва удивленія; оно есть долгъ человѣческаго рода, которой я съ своей стороны хочу исполнить.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОГРѢШНОСТИ

Стран.		строк.	напечатано	читай.
2	-	6	разочитывать	расчитывать.
9	-	10	справедливое	несправедливое.
17	-	19	Верлинскимъ	Берлинскимъ.
20	-	23	побѣдителымъ	побѣдителемъ.
21	-	8	алчнымъ:	алчнымъ,
21	-	11	гнѣву,	гнѣву.
23	-	12	окрадываемъ	оправдываемъ
25	-	12	лаврамъ лавры	лаврамъ, лавры.
31	-	6	удивились	удивлялись
37	-	34	привелъ	привлекъ
42	-	18	непорицала	непокидала
46	-	11	и въ которомъ	въ которомъ;
48	-	18	спѣшиялъ	спѣшилъ,
54	-	9	вопросъ, такъ	вопросы такъ,
54	-	21	вздумали вмѣсто	вздумали, вмѣсто
57	-	23	прошеніе	прошеніе
58	-	1	успѣхи	услуги
61	-	-	- - - - - -	VI.
61	-	15	нечувствовалъ	несуществовалъ
63	-	6	довѣренности,	довѣренность
63	-	11	а вторая	а второе
75	-		IX - - -	VIII.
64	-	14	себя себя	себя себѣ
89	-		X - - - - -	VIII.
92	-	9	дающая	дающа
93	-	18	въ ремесленническомъ	въ ремесленное
94	-	14	безпрестанной	безпрестанно
65	-	19	застегнули	застягнули

Страк.

Стран.	строк.		
104	4	при глазѣ	при гласѣ
110		XI	IX.
125		XII	X.
128	23	всею	все
134	25	съ ними	съ нами
138	11	тѣхъ	ихъ
140	14	тамъ: спорились	такъ спорились:
145		XIII	XI.
148	22	радость	робость
149	20	но которой	которой
150	13	брезлувской	Бреславской
164	10	нои	но и
165	20	своихъ	сихъ
167	14	что сдѣлался	что онъ сдѣлался
172		XIV	XII.
177	1	многолѣтія,	многолѣтія
185		XV	XIII.
186	1	всемъ	всѣмъ
186	14	всемъ	всѣмъ
188	14	обратила	обратили
190		XVI	XIV.
191	6	руки	руку
197	11	въ его	въ своемъ
198		XVII	XV.



ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО ФРИДЕРИКА.

I.

О воспитаніи его.

Первое воспитаніе Фридерика было солдатское; ружье составляло дѣтскія его игрушки. Какъ принужденъ онъ былъ пройти по порядку всѣ военные чины, что многіе видѣли его, когда онъ шелъ съ ружьемъ на караулъ къ Дворцовымъ воротамъ отца своего. Онъ не менѣе былъ подверженъ, какъ и прочіе, строгой дисциплинѣ Прусскихъ солдатъ, и опасно было оказывать ему снизхожденіе въ семъ случаѣ.

Между тѣмъ молодой Принцъ сочинялъ Французскіе стихи и игралъ на флейтѣ,

чрезъ что открывались его пріятности; онъ былъ подобенъ розѣ, растущей между колючимъ терномъ. Сверьхъ сего любилъ онъ великихъ мужей. Какая противность глазамъ такого отца, которой умѣлъ только оныхъ прогонять, разсчитывать свои доходы и строго командовать отводомъ идущихъ на караулъ солдатъ! Естьли когда случалось, что молодой Принцъ бралъ не во время книгу, или флейту въ руки, тотъ же часъ книга летѣла въ окошко, а флейта была изломана, и Король, видя наслѣдника своего столь опорочивающаго славу его отечества, думалъ, что все было потеряно. „Этотъ вертопрахъ, часто кричалъ онъ, „все перепортитъ!„ Такимъ-то именемъ называлъ онъ его, такъ какъ и Принца Генрика, третьяго изъ четырехъ своихъ сыновей (*). Наказаніе и сильныя тѣлодви-

(*) Находится еще и нынѣ въ палатахъ Принца Генрика картина, изображающая Короля, отца его, въ табачной комнатѣ, окруженнаго Генералами, въ дыму, исходящемъ изъ дватцати курительныхъ трубокъ. Два молодые Прин-

движенія обыкновенно слѣдовали за отеческими его увѣщаніями. Напослѣдокъ Королевскій Принцъ, доведенный до крайности, просилъ позволенія путешествовать, и получа въ томъ отказъ, рѣшился оное предпринять противъ воли родительской (*). Его молодые друзья, Каттъ и Кейтъ, должны были сопровождать его бѣгство; но по открытіи сего намѣренія Каттъ былъ пойманъ, Кейтъ по щастію убѣжалъ въ Голландію, а Принцъ отведенъ былъ въ Кистринскую крѣпость. Король, почитая его обыкновеннымъ бѣглецомъ, именно приказалъ не давать ему ни книгъ, ни флейты, и даже не зажигать свѣчь въ извѣстное время: Сіе безъ сомнѣнія немалую бы причинило ему скуку въ темницѣ, естьлибъ Офицеръ, его стерегущій, не нарушалъ приказанія, зажигая ему свои свѣ-

 чи,

Принца, Фридерикъ и Генрикъ, изображены также на оной картинѣ въ положеніи, изъявляющемъ ихъ отвращеніе, и въ самомъ превосходномъ образѣ тогдашняго времени.

(*) Въ 1730 году. Фридерику былъ тогда 18 годъ.

чи, когда потушали у Принца его, говоря, что не упомянуто въ приказѣ о собственныхъ свѣчахъ.

Король довольствовался, искушая такимъ образомъ его терпѣніе; но между тѣмъ приближалась нещастная минута чувствительной отъ природы его душѣ.

Онъ находился въ темницѣ уже нѣсколько недѣль, не зная, чѣмъ сіе кончится, какъ вдругъ увидѣлъ вошедшихъ туда четырехъ гренадировъ, преслѣдуемыхъ однимъ старымъ воиномъ, которой проливалъ слезы. При семъ зрѣлищѣ Принцъ ни мало не сомнѣвался, что они пришли лишить его жизни. Онъ немедленно рѣшился; но будучи неустрашимъ, не могъ онъ снести нечаяннаго свиданія съ молодымъ своимъ другомъ Каттомъ, котораго показали ему изъ окна, и котораго голова находилась уже подъ смертоноснымъ мечемъ палача.

„ Каттъ! ахъ Каттъ! вскричалъ тогда онъ, простирая къ нему руки; извини..... „ извини меня!„ —— „ Въ чемъ? отвѣчалъ ему Каттъ, брося презрительной взоръ на

на умерщвляющее орудіе; по томъ оборотясь съ нѣжностію сказалъ: „ Прощайте Принцъ! „ прощайте Принцъ! „ —— Фридерикъ упалъ безъ чувствъ, и Катта ужь больше не было: Увы! сколь должно быть чувствительно для Государей истреблять такими ударами славныхъ мужей!

Неупросимый Король желалъ, чтобъ и сынъ его былъ осужденъ; но судьи въ томъ отказались, и Карлъ VI принялъ участіе въ жребіи молодаго Принца. Раздраженный симъ препятствіемъ Вилгельмъ I вскричалъ съ великимъ жаромъ въ собранномъ Совѣтѣ: „ Какъ! естьли мнѣ, Королю, прекословятъ „ въ Берлинѣ: то я отвезу сына своего въ „ Кениксбергъ; тамъ я ни отъ кого не зави„ шу, какъ только отъ единаго Бога. „

Почтенный Пасторъ Ринбекъ, вставши при сей угрозѣ, съ горячностію отвѣтствуетъ ему: „ Тому же самому Богу, Ваше „ Величество, должны вы будете дать от„ четъ въ крови вашего сына. „ Крайняя горячность, съ какою сей достойный Пасторъ защищалъ преемника престола, укро-

 тила

шила гнѣвъ Королевскій. Дѣйствительно имѣлъ онъ истинное о Принцѣ сожалѣніе, и первыя движенія его гнѣва скоро прекратились. Однако рѣшился онъ учинить преемникомъ Короны втораго своего сына Августа Вилгельма, котораго чрезъ долгое время весьма горячо любилъ, равно какъ и Принца Фердинанда, самаго младшаго изъ четырехъ своихъ сыновей, и льстился надеждою, что Фридерикъ, получивши отъ него прощеніе, охотно предпочтетъ заботамъ о царствѣ Философскую независимость, къ которой оказалъ онъ толикую уже склонность, и что не усомнится отказаться отъ Короны, дабы тѣмъ свободнѣе было ему путешествовать, сочинять стихи и играть на флейтѣ, сколько разсудится.

Представлено было сіе предложеніе молодому Принцу, которой принялъ оное съ радостію и показалъ себя готовымъ сдѣлать въ семъ удовольствіе Королю, отцу своему, съ тѣмъ однакожь условіемъ, чтобы прежде объявленъ онъ былъ незаконнымъ.

Мо-

Можно вообразить себѣ новое замѣшательство, въ какое сей неожиданный отвѣтъ привелъ Короля столь суроваго нравами, какіе имѣлъ Вилгельмъ I. Онъ довольно видѣлъ, что не удобно ему имѣть Фридерика незаконнымъ сыномъ, и что желаніе его было играть на флейтѣ, дѣлать Французскіе стихи, управлять королевствомъ и просвѣщать Прусаковъ, не взирая на его предосторожности; и можетъ быть также преобразить нѣкогда его великихъ гренадировъ въ гайдуковъ.

Въ ожиданіи сего облегчилъ онъ наказаніе, оставя его на полтора года въ Кистринѣ, и не прежде, какъ по полученіи согласія отъ своей дочери, которая до сего времени не соглашалась выходить за мужъ за Маргграфа Барейтскаго, и по согласію Фридерика, которому назначилъ онъ въ супружество Принцессу Елисавету Брунзвикскую, склонился онъ наконецъ на увѣщанія Королевскія и на слезы своей супруги. Но Королевскій Принцъ, не преставая тайно отсовѣтывать своей сестрѣ отъ брачнаго союза, который казался ему не весьма приличнымъ, не

не желалъ ее по возвращеніи своемъ видѣть. Наконецъ она съ нимъ увидѣлась, и какъ представляла ему, что свобода любимаго ею брата была цѣною сей жертвы: „Я лучше бы „ умеръ!„ отвѣтствовалъ онъ ей съ жаромъ.

Въ сей-то Кистринской темницѣ Фридерикъ, по приказанію отца своего, учился собирать государственные доходы; ученіе, отъ котораго показалъ онъ толикую пользу, будучи Королемъ! Здѣсь-то подъ руководствомъ Генерала Грумкова сей молодой Принцъ отправлялъ должность простаго Посланника государственныхъ волостей. Нѣкогда, какъ отослалъ онъ ко Двору три записки, Король примѣтя, что одна изъ оныхъ была написана его рукою, а на двухъ прочихъ онъ только подписался, написалъ въ письмѣ къ Генералу: „ Фридерикъ не долженъ только подписываться, но онъ долженъ самъ „ писать. „

Всѣми почти принято сіе мнѣніе, что Вилгельмъ I желалъ сдѣлать сына своего Фридерика домостроительнымъ солдатомъ, и что воспитаніе его было пренебрежено. Соб-

ствен-

ственнымъ своимъ разумомъ пріобрѣлъ онъ все прочее. Но сіе мнѣніе не опровергается ли тѣми, которые пеклись о его воспитаніи, какъ-то Генераломъ Финкенштейномъ и Генераломъ Кальштейномъ? Безъ сомнѣнія не симъ достойнымъ мужамъ Король повѣрилъ бы его воспитаніе, естьли бы опасался помраченія славы отъ своего преемника.

Впрочемъ истина принуждаетъ меня истребить справедливое впечатлѣніе, которое дѣйствія, доселѣ объявленныя, могли бы вкоренить объ отцѣ нашего Героя. Нравъ Вилгельма I былъ иногда суровъ; но онъ никогда не отступалъ отъ законовъ точной справедливости. Самое его предразсужденіе о Принцѣ Фридерикѣ было основано на началахъ предвѣданія, по которымъ почиталъ онъ всѣ изящныя его дарованія средствами къ поврежденію королевства, и все ухищреніе во нравахъ его къ разрушенію онаго. Во гнѣвѣ несправедливъ, но въ разсужденіяхъ справедливый, умѣлъ онъ признавать и исправлять свои проступки. Напослѣдокъ Вилгельмъ I былъ Сѣверный Катонъ, а Фридерикъ II Сѣверный Платонъ.

II.

О любви его къ словеснымъ наукамъ.

Королевскій Принцъ послѣ своей женидьбы поѣхалъ жить въ небольшой полевой городокъ Ринзбергъ, отстоящій на десять миль отъ Двора. Скоро его уединеніе учинилось пристанищемъ музъ; съ того времени душа его, какъ сотоварищъ и другъ славнѣйшихъ мужей, усугублялась сообществомъ оныхъ. Будучи алченъ ко славѣ всякаго рода, старался онъ получить Марсовы лавры чрезъ мудрое въ войнѣ управленіе, а Аполлоновы чрезъ вкусъ въ наукахъ. Извѣстно, что онъ нѣкогда сказалъ, видя представляемую Волтерову Заиру, что „отдалъ бы всѣ свои по„бѣды, естьлибъ оную самъ могъ сочинить.„

Чрезъ знаніе древнихъ Писателей пріобрѣлъ онъ то познаніе о истинномъ добрѣ и ту основательность въ разумѣ, въ которыхъ никто ему не спорилъ. Въ семъ то неизчерпаемомъ источникѣ почерпнулъ онъ первыя идеи тѣхъ искусныхъ расположеній своего войска, чрезъ которыя много-

крат-

крашно награждалъ недостатокъ солдатъ, и устоялъ въ седмилѣтнюю войну противъ вооруженной Европы.

Его стараніемъ завелось общество молодыхъ Героевъ въ Ринзбергѣ. Онъ назвалъ ихъ *Кавалерами безъ страха и укоризны.* Славный Баярдъ былъ ихъ заступникъ, а неустрашимый Фуке главный начальникъ (*). Въ ихъ пиршествахъ всегда хранилась вѣрность и даже чистосердечіе древняго Кавалерства; и сіе учрежденіе, достойное паки быть возобновлено другимъ Фридерикомъ, было училище храбрости, которою по томъ всѣ они прославились (**).

Фри-

(*) Баронъ де ла Моттъ Фуке, одинъ изъ наилучшихъ Генераловъ своего вѣка, былъ не менѣе славенъ по истинному дружеству, каковымъ почтилъ его Фридерикъ Великій до самой своей смерти.

(**) Орденъ Баярда состоялъ изъ двѣнатцати Кавалеровъ, которые брали на себя новыя имена при вступленіи своемъ въ оной; какъ-то Фридерикъ назывался Постояннымъ; имя, которое по томъ Европа перемѣнила назвавъ его *Уединеннымъ.*

Фридерикъ, влекомый природною склонностію своего духа, обнялъ всѣ роды учености. Прилѣжное ученіе людей научило его въ семъ ихъ превзойти. Проницательной и острой глазъ его, проникнувъ облака, окружающія ложное величество, удалилъ оныя и очистилъ для себя обыкновенной горизонтъ Королей. Философія, къ неустрашимости нашего Героя, присовокупила ему спокойствіе духа; сія-то наконецъ наука, сія просвѣщающая и укрѣпляющая Философія, подкрѣпила его въ злоключеніяхъ, умѣрила въ успѣхахъ, посѣяла въ немъ сѣмена трудолюбивой жизни, утѣшала его въ слабостяхъ долговременнаго житія и во всякое время была его прибѣжищемъ.

Будучи Королевскимъ Принцемъ, имѣлъ онъ переписку съ Волтеромъ, Ролленомъ, Мо-

нымъ. Кавалерія сего Ордена былъ мечь, лежащій на лавровомъ вѣнцѣ съ сею надписью: *безъ страха и укоризны.* Подражаніе Героямъ прежнихъ временъ, изслѣдованіе самыхъ труднѣйшихъ проблемъ, наконецъ совершенство въ знаніи военнаго искусства, суть предметы занимающіе сихъ Кавалеровъ; и надобно признаться, что они достигли оныхъ.

Мопердіемъ, Алгароштомъ, Маншефелемъ, Жорданомъ и съ прочими. Лишь только учинился Королемъ, то сіи славные мужи, привлеченные его благодѣяніями, составили общество съ разумнымъ Маркизомъ д' Аржансомъ и храбрымъ де Шасотомъ (*), д' Арно-

(*) Фридерикъ, пошедши нѣкогда съ отцемъ своимъ осматривать Французской станъ въ Филиппсбургѣ, увидѣлъ тамъ Графа де Шасота, завелъ съ нимъ дружество и просилъ его притти къ себѣ въ Ринзбергъ. Учинившись же Королемъ, пожаловалъ онъ его Маіоромъ драгунскаго Барейтскаго полку. Извѣстно, что сей полкъ прославился при Гогенъ-Фридбергѣ; де Шасотъ наипаче доказалъ собою, сколь Фридерикъ былъ знающъ въ выборѣ людей. Шестьдесятъ шесть непріятельскихъ знаменъ, которыя повергъ онъ къ ногамъ своего Короля послѣ сей баталіи, доставили ему честь носить Прусской орелъ на домашнемъ его гербѣ; тогда Король писалъ въ Нормандію письмо къ матери де Шасатовой, поздравляя ее, что произвела на свѣтъ столь храбраго мужа, и съ онымъ письмомъ послалъ ей золотую табакерку, осыпанную бриліантами. Нѣкогда де Шасотъ, разсердясь на Пазевалка, однимъ ударомъ сломилъ ему голову, и прибѣгнулъ по томъ въ покровитель-

д' Арнодомъ, д' Аржетомъ (*) и Метріемъ. Нѣкоторые изъ сихъ ученыхъ мужей, приглашенные къ Королевскимъ ужинамъ, всякой вечеръ воспоминали о пиршествѣ седми мудрецовъ, которые всѣ безъ сомнѣнія не стоили одного изъ пиршествъ Фридериковыхъ. Здѣсь-то Монархъ, почитая славою положить скипетръ въ нѣдра Философіи, занималъ мѣсто разумнаго и любви достойнаго мужа.

Онъ переписывался уже съ Волтеромъ года съ четыре, какъ увѣдомилъ его о восшествіи своемъ на тронъ и назначилъ ему для свиданія мѣсто подлѣ города Клевъ (**).

Здѣсь

тельство къ Королю, которой не могши освободить его отъ строгости военныхъ законовъ, тотчасъ приказалъ ему ѣхать въ Даннемаркъ, гдѣ по его одобренію де Шасотъ былъ произведенъ управителемъ Любека.

(*) д' Аржетъ, преждебывшій Секретарь Г. Валори, Французскаго Посланника въ Берлинѣ, учинился по томъ Секретаремъ при Фридерикѣ съ д' Арнодомъ, а Метрій былъ Чтецомъ.

(**) Волтеру поручено было выпечатать книгу, *Противникъ Махіавелю* именуемую, которую сочинилъ Фридерикъ на двадцатомъ году своего возраста.

Здѣсь увидѣлись въ первой разъ два великіе мужа своего вѣка. Волтеръ, имѣя тайное отъ Парижскаго Двора приказаніе извѣдать расположенія новаго Прусскаго Короля въ разсужденіи Венгерской Царицы, прибылъ въ Берлинъ въ концѣ того же года (1740). Онъ возвратился въ Клевъ послѣ перваго завоеванія Силезіи, дабы побудить Фридерика соединиться съ Франціею противъ Австрійскаго Двора, и прикрылъ истинную причину своего путешествія тѣмъ подлогомъ, будто желалъ избавиться отъ гоненій Боіера, стараго Епископа Мирепанскаго. Полномочной Министръ Парнасса, живущій въ Потсдамѣ, послалъ Королю отъ Двора своего разсужденія о прекращенныхъ переговорахъ. Фридерикъ отослалъ оныя ему обратно, написавъ на поляхъ свои опроверженія. Какъ нѣкогда Волтеръ написалъ еще къ нему сіе: „Уже ли сомнѣваетесь вы, что Австрійской „Домъ при первомъ случаѣ не потребуетъ „отъ васъ Силезіи?„ то Король отписалъ ему въ отвѣтъ на сторонѣ: „Они, другъ „мой, какъ непріятели будутъ приняты въ „Силезіи.„

Вѣ одномѣ весьма важномѣ разговорѣ Король Прусской, негодуя на Англинскаго, сказалѣ: „ Георгѣ дядя Фридериковѣ, но онѣ „ не дядя Короля Прусскаго; пускай Фран„ція объявляетѣ войну Англіи, я самѣ „ иду!„ Волтерѣ, будучи симѣ доволенѣ, возвратился объявить Французскому Двору о успѣхѣ своего посольства, а Фридерикѣ со ста тысячьми своего войска отправясь вѣ Богемію, учинилѣ тамѣ такой оборотѣ, которой принудилѣ Австрійцовѣ оставить Алзацію.

Не прежде, какѣ по смерти Маркизы Шателеты (вѣ 1750 году) Волтерѣ склонился на многократныя прошенія Фридериковы. „ Я почитаю васѣ своимѣ учителемѣ вѣ „ краснорѣчіи и знаніи, писалѣ кѣ нему сей „ Монархѣ, и люблю какѣ добродѣтельнаго „ друга. Какого рабства, или какой пере„мѣны вѣ щастіи опасаетесь вы вѣ такой „ землѣ, гдѣ васѣ почитаютѣ не менѣе, какѣ „ и вѣ отечествѣ, и у друга, имѣющаго благо„дарное сердце?... Я почиталѣ дружество, „ соединяющее васѣ сѣ Маркизою Шателе„тою, но по ней я былѣ одинѣ изѣ самыхѣ „ прежнихѣ вашихѣ друзей.„

Но

Но не взирая на усильныя прозьбы Короля любви достойнѣйшаго въ Европѣ, Волтеръ, предпочитавшій свою независимость всему, и думая, что благосклонность Царей не что иное есть, какъ золотыя оковы, находилъ себѣ тысячу причинъ въ извиненіе (*). Наконецъ оскорбленное его самолюбіе принудило на сіе склониться. Король въ отвѣтѣ на письмо д'Арнодово написалъ оному, что онъ былъ при его восхожденіи, а Волтеръ при захожденіи. Волтеръ, узнавши сіе, въ полномъ своемъ гнѣвѣ восклицаетъ: „Хорошо! я поѣду..... я поѣду, и дамъ ему „знать, что я еще не сплю!„

Король - Философъ не столько былъ доволенъ по вторичномъ завоеваніи Силезіи, сколько тогда, какъ надлежало увидѣться ему съ Волтеромъ. Онъ летитъ къ нему

 на

(*) Онъ наипаче извинялся Берлинскимъ климатомъ; но жирная дыня, изъ ранжереи Сан-Суси посланная къ нему Метріемъ въ началѣ Іюня мѣсяца, поколебала упорность сего Философа.

на встрѣчу, самъ пособляетъ ему выйти изъ коляски, обнимаетъ его, даетъ во Дворцѣ своемъ ему покои, осыпаетъ его благодѣяніями и честьми, и думаетъ, что этого еще для него мало сдѣлалъ (*).

Съ сего времени два Философа, упражняясь въ своихъ трудахъ, днемъ пересылали другъ другу свои тетради, а вечеромъ вмѣстѣ весело ужинали (**). Мы уже упомянули о ученыхъ мужахъ, которыхъ Фридерикъ принялъ въ свое дружество; но Волтеръ, въ которомъ Король всѣхъ ихъ находилъ, пользовался особеннымъ предпочтеніемъ; наконецъ Волтеръ былъ другъ души его, а Ротембургъ и Фуке его сердца. Искрен-

(*) Онъ пожаловалъ Волтеру орденъ и ключь Камер-Гера, опредѣлилъ ему 20000 ливровъ ежегоднаго доходу, далъ госпожѣ Денисѣ, племянницѣ его, довольную пенсію; не считая 20000 ливровъ, полученныхъ имъ въ Парижѣ на дорожныя издержки, когда онъ ѣздилъ въ Королевскихъ колясках изъ Клева въ Берлинъ.

(**) Волтеръ писалъ жизнь Лудовика XIV, а Фридерикъ исторію о Бранденбургѣ.

Искренность сихъ двухъ знаменитыхъ мужей представляетъ глазамъ ученыхъ столь любопытное зрѣлище, сколь славное для человѣческой природы, ими облагородствованной; и сія искренность безъ сомнѣнія была бы такъ же безсмертна, какъ и они, естьлибъ не жестокая зависть, сей непримиримый врагъ заслуги, древній придворный житель, всегда людей обезславливающій. Моперцій злобствуя, что Король предпочелъ ему Волтера, не могъ сему послѣднему простить въ томъ, что онъ соучаствовалъ въ Коенигѣ въ сомнительномъ успѣхѣ, которой приводилъ тогда въ несогласіе Математиковъ. Скоро святилище музъ учинилось мѣстомъ ненависти и заговоровъ: наконецъ вышла и сатира, и вспыльчивый начальникъ Академіи утверждалъ, что все королевство должно соучаствовать въ его отмщеніи. „ Кто „ презираетъ Котена, тотъ не почитаетъ „ своего Государя, и, по мнѣнію Котенову, „ не имѣетъ ни Бога, ни честности, ни „ закона.„

Хотя Король весьма смѣялся съ Волтеромъ о сатирѣ, однакожъ запретилъ ему

оную выпускать въ свѣтъ; и нарушеніе сего запрещенія озлобило Монарха. Волтеръ съ прискорбностію сіе примѣтилъ: онъ почиталъ въ Фридерикѣ своего друга, но съ сего времени Королевскій видъ ему омерзѣлъ, и будучи въ досадѣ, снявъ крестъ съ себя и ключь: „Возьми, другъ мой, сказалъ онъ, „подавая ихъ Королевскому лакею; освободи меня отъ сихъ знаковъ рабства.„

Король-Философъ, не смотря на причиненное себѣ озлобленіе, видя, что теряетъ великаго мужа, отослалъ ему обратно все и желалъ паки съ нимъ увидѣться. Волтеръ явился къ Королю, держа въ рукѣ сатиру: „Вотъ, Ваше Величество, сказалъ онъ, „остатки той нещастной книги, которая „лишила меня вашей дружбы.„ При окончаніи сихъ словъ бросаетъ онъ сатиру въ огонь. Король немедленно бросается къ печи, желая выхватить ее изъ огня. Волтеръ, держа въ рукахъ клещи, отталкиваетъ его отъ печи. Монархъ и Стихотворецъ другъ другу не уступаютъ; наконецъ побѣдительнымъ на семъ поединкѣ, равно какъ и на всѣхъ прочихъ сраженіяхъ, является Фридерикъ

рикѣ, которой лишась своихѣ манжетѣ, выхватилѣ изѣ огня сатиру. Послѣ сего два Философа встаютѣ, смотрятѣ другѣ на друга, хохочутѣ и обнимаются (*).

Однакожь Моперцій, приведенный вѣ отчаяніе симѣ исправленіемѣ, котораго раздраженное его тщеславіе не могло понять, сдѣлался еще болѣе отѣ сего алчнымѣ. Чтобы воспользоваться первымѣ случаемѣ, которой неосторожность Волтерова представила его гнѣву, оный не умедлилѣ открыться. Генералѣ Манстинѣ сочинялѣ Россійскую Исторію, а Волтерѣ оную ему поправлялѣ. Вѣ одинѣ день, какѣ они вмѣстѣ вѣ семѣ упражнялись, принесены были отѣ Короля стихи: „Другѣ мой! сказалѣ Волтерѣ „Манстину, отложимѣ трудѣ нашѣ

(*) Извѣстно, что Фридерикѣ сожегѣ сію сатиру и пепелѣ оной отослалѣ однимѣ изѣ своихѣ егеровѣ кѣ Моперцію, которой былѣ вѣ Берлинѣ вѣ то время весьма боленѣ, и приказалѣ ему сказать, что оный пепелѣ есть укротительной порошокѣ. Больной далѣ два луидора оному егеру и почувствовалѣ вѣ себѣ великое отѣ сего облегченіе.

„ на время: вотъ прислалъ мнѣ Король въ „ поправку стихи, а вамъ я послѣ поправлю.„ Сіе неучтивое предложеніе, заслуживающее въ другихъ обстоятельствахъ единаго токмо смѣху, было побѣдительнымъ оружіемъ, которое Моперцій употребилъ тѣмъ съ большею надеждою, что насмѣшка, учиненная прежде надъ нимъ Волтеромъ съ толикимъ успѣхомъ, не была уже болѣе страшна; потому что причина оной былъ онъ самъ. Волтеръ, предпочитающій спокойствіе свое, какъ это ужь было примѣчено, тщетной славѣ биться съ непріятелемъ на поединкѣ, рѣшился оттуда удалиться, и уѣхалъ *сочинять лѣтописи о Имперіи* въ герцогство Готѣ.

Удачной заговоръ по видимому и долженствовалъ, ожидая новыхъ жертвъ, опять возобновиться; но отсутствующій Волтеръ былъ еще страшенъ: онъ могъ паки явиться. Находясь въ такомъ страхѣ, не преминули приписать ему ругательное и колкое письмо, которое вышло тогда подъ названіемъ: приватной жизни Фридерика. Данжетъ защищалъ Волтера: „ Нѣтъ, сказалъ „ Ко-

„ Король; сіе ругательство не стоитъ то„ го труда, какой вы пріемлете. Мнѣ над„ лежитъ исполнять мою должность и не „ обѣявлять вамъ преступниковъ.„

Между тѣмъ ненависть Моперціева не прекратилась, и Волтеръ весьма оную примѣтилъ во время путешествія своего въ Франксфортъ, куда племянница его, госпожа Денисъ, просила его пріѣхать (въ 1753 году). Но какъ часто случается, что чѣмъ болѣе хотимъ мы обезславить врага своего, тѣмъ болѣе его окрадываемъ; такъ и Фридерикъ лишь только устремилъ глаза свои на мнимую приватную жизнь, то познавши несправедливость, оказываемую краснорѣчивому сочинителю жизни Лудовика XIV, перестал ъ злобиться; надъ однимъ смѣялся, а другаго исправилъ, помирясь съ Волтеромъ; и послѣ сего переписка сихъ двухъ мужей, сотворенныхъ для взаимнаго удивленія, по смерть продолжалась.

Между многочисленными знаками почтенія, оказанными Фридерикомъ Г. Волтеру, приказалъ Король сдѣлать на фарфорѣ груд-

ной портретъ сего великаго Стихотворца, и послалъ оный ему съ сими словами, внизу написанными своею рукою:

Viro immortali.

Безсмертному мужу.

Волтеръ, показывая любопытнымъ людямъ сей залогъ Королевскаго къ нему дружества, всегда съ горячностію говаривалъ, указывая на надпись: „И вотъ подпись того, который мнѣ сіе посылаетъ.„ Онъ отвѣчалъ Прусскому Королю слѣдующими словами:

„Вы великодушны; Ваши Монаршія милости являютъ мнѣ несказанныя благодѣянія. При старости моей Вы дарите мнѣ землю въ вашихъ областяхъ.„

Какъ ученые Французы сдѣлали между собою пренумерацію въ 1770 году, дабы воздвигнуть пѣвцу Генрика IV статую художествомъ славнаго Пигала: то и Король Прусской писалъ къ Г. Алемберту, объявляя себя соучастникомъ столь законнаго почтенія.

ція. Но самый великолѣпнѣйшій памятникъ воздвигнутъ въ честь Волтеру безсмертнымъ Фридерикомъ, спустя уже восемь лѣтъ по смерти его; гдѣ держа въ одной рукѣ мечь, а въ другой перо, воспѣвалъ онъ въ шатрѣ среди Марсовыхъ подвиговъ похвалу Французскаго Гомера.

Я не буду говорить о ученыхъ сочиненіяхъ, которыя довершили славу сего великаго Государя; полное ихъ собраніе скоро выдано будетъ въ свѣтъ. Оно присоединитъ къ Геройскимъ его лаврамъ лавры Стихотворца, Историка и Философа. Естьлибъ переписки его съ славнѣйшими учеными людьми были всѣ собраны, то онѣ однѣ довольныбъ были его прославить. Переписка же его съ Волтеромъ, продолжающаяся 40 лѣтъ, содержалабъ въ себѣ взаимныя ихъ насмѣшки, критику и философію. Въ ней увидѣли бы двухъ мудрецовъ, одного учителемъ Царей, а другаго учителемъ всѣхъ людей, разсуждающихъ и говорящихъ обо всемъ откровенно, воздвигающихъ трофеи истинѣ въ шуткахъ.

Напрасно Бомелль дерзнулъ написать (*), что Фридерикъ имѣлъ у себя разумныхъ мужей; а Нѣмецкіе напротивъ того Князья держатъ льстецовъ при своихъ Дворахъ; симъ безстыдствомъ подлой Терзитъ навлекъ достойное на себя презрѣніе. Фридерикъ доказалъ свое преимущество, насмѣхаясь надъ симъ язвительнымъ ругательствомъ, и сей новой Зоилъ былъ весьма тѣмъ щастливъ, что Фридерикъ былъ не таковъ, какъ Птоломей (**).

Берлинская Академія Наукъ, основанная въ 1770 году Софіею Шарлотою, славною ученицею *Лейбницкою* и бабушкою нашего Героя, была совсѣмъ оставлена въ царство-

(*) Въ своей книгѣ, названной *мои мысли*.

(**) Извѣстно, что Птоломей Филадельфъ не весьма снизходительно поступалъ съ тѣми, которые осмѣливались злословить Гомера. Впрочемъ сей новой Зоилъ былъ столь малъ противъ древняго, сколь Фридерикъ превосходитъ Египецкаго Царя Птоломея.

ствованіе втораго Прусскаго Короля (*); но Фридерикъ, другъ и покровитель музъ, возобновилъ ее и прославилъ наипаче выборомъ хорошихъ Профессоровъ.

Нѣмецкіе Писатели жалуются на предпочтеніе, какое учинилъ Фридерикъ Французскимъ музамъ предъ Нѣмецкими. Но естьли они сравнятъ ученость обоихъ сихъ народовъ, бывшую въ первой половинѣ осьмагонадесять вѣка: то не будутъ ли принуждены согласиться въ томъ, что Фридерикъ не обманулся въ выборѣ? Геллерты, Лессинги, Клейсты, Виланды и всѣ тѣ, которые славятся теперь хорошими сочинителями, и въ коихъ Франція тогда изобиловала, не были еще извѣстны; большая часть ученыхъ Нѣмцовъ писали только на Латинскомъ языкѣ; всенародной театръ былъ у нихъ грубъ: его Расиновъ, Детушовъ, Волтеровъ, у нихъ еще не примѣтно было.

(*) Сей Король всегда называлъ ученыхъ людей писарями. Выраженіе его на Нѣмецкомъ языкѣ гораздо язвительнѣе; но не льзя благопристойно его перевесть.

было. Столь тѣсное познаніе Нѣмцовъ приличествовало ли духу Фридерикову? и Французской языкъ, представляющій ему пространнѣйшее познаніе учености, не долженъ ли былъ сдѣлаться его (*)? Сверьхъ сего, долговременное его обращеніе съ Профессоромъ Готшедомъ въ Лейпцигѣ 1757 года; почтеніе, оказанное имъ спустя три года послѣ сего въ томъ же городѣ глубокомысленному Геллерту; общество, учрежденное подъ его покровительствомъ въ Кенигсбергѣ для очищенія народнаго языка, и справедливость, какую отдалъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни успѣхамъ Нѣмецкой учености: все сіе довольно доказываетъ, что естьлибъ онъ предпочелъ Французскихъ музъ, то это была бы гораздо большая погрѣшность Нѣмцовъ, не-

(*) Мнѣнія его о Нѣмецкомъ языкѣ находятся въ запискахъ, сочиненныхъ имъ въ 1780 году подъ названіемъ: *о Нѣмецкой учености, о недостаткахъ, въ ней находящихся, и какимъ образомъ можно ихъ исправить.* Одному ученому мужу не менѣе славному въ Государствѣ, какъ и въ Академіи, поручено было отъ Фридерика перевесть сіе сочиненіе на Нѣмецкой языкъ.

нежели какъ несправедливое предубѣжденіе. Естьлибъ онъ царствовалъ половиною вѣка позже, то его выборъ безъ сомнѣнія былъ бы совсѣмъ другой.

III.

О склонности его къ художествамъ.

Сей Принцъ любилъ художества и упражнялся въ нихъ съ успѣхомъ. Прекрасная галлерея въ Сан-Суси, всѣ его комнаты представляютъ множество хорошихъ картинъ. Онъ смотрѣлъ болѣе на искусство какой нибудь картины, нежели на имя ея художника. Фридерикъ, любитель истиннаго добра, умѣлъ благоразумно цѣнить существенную силу вещей, и не былъ никогда столь легковѣренъ, чтобъ судить о чемъ по единой только славѣ. Скоро Адамы и Тассарты, достойные времен Перикловыхъ, украсили своими примѣрными картинами жилище сего великаго Принца, и оживили на мраморѣ Героевъ, которые по дѣламъ своимъ безсмертными учинились.

Кабинетъ древностей Кардинала Полигнака усугубилъ собраніе такихъ достопамятныхъ рѣдкостей.

Будучи не менѣе искусенъ въ художествѣ, Витрусъ называемомъ, удивилъ онъ изумленныхъ Италіянцовъ безпримѣрными картинами, представляющими ихъ отечество въ изображеніи древнихъ Вандаловъ. Фридерикъ выбиралъ и выправлялъ самъ планы для строенія домовъ, которыми украсилъ онъ Берлинъ и Потсдамъ; а планъ Берлинскаго Дворца весь его сочиненія. Его также рука начертила великолѣпной лѣтній Дворецъ въ Сан-Суси. Одинъ оперной домъ, построенной въ его столицѣ по самымъ наилучшимъ Италіянскимъ образцамъ, стоилъ ему полтора милліона ефимковъ, то есть 900000 рублей (*). Число строеній воздвиг-

(*) Новой Дворецъ въ Сан-Суси построенъ былъ въ 1742 году; а оперной домъ начатъ за годъ предъ симъ. Сей годъ тѣмъ наипаче достоинъ примѣчанія, что оный есть самый тотъ, въ которой началась седмилѣтняя война, которая ему не воспрепятствовала украсить свои столы

двигнутыхъ имъ какъ для общественной пользы, такъ и для Царскаго великолѣпія, есть невѣроятно; весь годовой доходъ былъ на сіе опредѣленъ. Развалённые домы по порядку уступали мѣсто палатамъ, и бѣдные граждане удивились, переходя изъ своихъ хижинъ въ жилища гораздо огромныя и великолѣпныя, нежели какъ ихъ прежніе домы.

Каждой годъ приказывалъ онъ приносить къ себѣ множество разныхъ плановъ, изъ коихъ выбиралъ самые лучшіе, распредѣлялъ фасады, украшенія и оставлялъ внутренность хозяинамъ, которымъ стоило только перебраться въ оныя.

Великолѣпной домъ, построенной подлѣ Берлина, былъ пристанищемъ для старыхъ непобѣжденныхъ его солдатъ.

Прекрасныя ранжереи въ Сан-Суси приносили ему во всякое время самые лучшіе Фран-

столы золотою посудою, въ два милліона съ половиною ефимковъ, что составитъ 1,500000 рублей; но при всемъ семъ Фридерикъ не имѣлъ Контролера государственной казны.

Французскіе и Италіянскіе плоды. Ананасы, финики, апельсины и арбузы, прельщали тамЪ глаза и наполняли ранжереи благовонънымЪ запахомЪ. Находясь вЪ оныхЪ, почтешь себя восхищеннымЪ сверъхЪестественною силою со льдистыхЪ береговЪ рѣки Сирен на щастливѣйшіе берега Гангеса.

Король чрезмѣрно любилЪ плоды; здоровое оныхЪ употребленіе уничтожало кислоту вЪ его кушаньѣ, приготовленномЪ сЪ разными соками, каковые онЪ обыкновенно употреблялЪ; а искусство его садовниковЪ всегда награждало его сЪ избыткомЪ за неплодность земли, Природою насажденной терномЪ.

Военное искусство составляло обыкновенное его упражненіе. ОнЪ превосходилЪ всѣхЪ своихЪ АдъютантовЪ, вЪ скорости проходя долгія шеренги солдатЪ своихЪ, надЪ коими былЪ онЪ главнымЪ предводителемЪ. Привычка его, которую послѣ онЪ бросилЪ, сидѣть на лошади непрямо и наклоня голову на правое плечо, была подражаема большею частію его ОфицеровЪ, которые какЪ Александровы, не могли ни вЪ

чемЪ

чемъ другомъ подражать своему Герою, по крайней мѣрѣ принимали на себя положенiе ихъ тѣла.

Невинныя увеселенiя вокальной музыки не были также удалены отъ его знанiя; всѣ музы между собою сестры: слѣдовательно истинный разумъ всѣхъ ихъ обьемлетъ. Тѣ, кои видѣли его, какъ онъ танцовалъ, удостовѣряютъ, что онъ не уступалъ въ семъ и наилучшимъ своимъ танцмейстерамъ, развѣ какъ въ долговременномъ упражненiи, и что еще не рѣдко ихъ превосходилъ въ природныхъ прiятностяхъ, а наипаче въ легкости. Отъ сего-то искусства, въ которомъ онъ во младости своей много упражнялся, получилъ проворность и легкость, какую имѣлъ онъ и въ глубокой старости. Мы видѣли его на 60 году, когда открылъ онъ съ великою учтивостiю балъ, на которомъ хотя самъ тогда и не танцовалъ минуета; но это сдѣлалъ онъ не столько по слабости своей, какъ по хладнокровiю.

Музыка была любезнѣйшею для него забавою; и здѣсь-то есть, чему удивляться;

что онъ могъ, не оставляя другихъ своихъ должностей, столь хорошо успѣть въ теоріи и практикѣ сего художества.

Онъ не хладнокровно слушалъ хорошую музыку. Крайнее чувствованіе его души открывалось во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Пѣлъ онъ со вкусомъ, и игралъ на флейтѣ какъ самые славнѣйшіе учители сего искусства. Но особенно успѣлъ онъ въ адагіо: не льзя было его слушать безъ восхищенія; чувствованіе, съ какимъ онъ игралъ, трогало сердца слушателей; доказательствомъ сему служатъ одни только его музыканты. Всѣ въ томъ согласны, что онъ весьма хорошо зналъ сочинять ноты. Извѣстно также, что часто подавалъ онъ аріи, имъ сочиненныя, музыкальному своему учителю Грону; и что находилъ удовольствіе очищать вкусъ желающихъ учиться сему художеству, коихъ дарованія казались ему способными къ достиженію какого либо совершенства.

Почтеніе, какое оказывалъ онъ Канцу, флейтраверсическому своему учителю, доказываетъ, какое чувствованіе благо-

дар-

дарности въ немъ было врожденно. Во время последней болѣзни сего художника Фридерикъ приказывалъ самъ держать ему діэту, и даже приписывалъ лѣкарства. Одинъ ученикъ, одолженный своимъ щастіемъ обученію сего учителя, не столько о немъ тогда старался, сколько Король.

Благодѣянія, оказываемыя симъ Королемъ, привели его въ изобиліе, превосходящее его состояніе. Отъ каждаго концерта получалъ онъ сто червонцевъ, и по смерти его явилось такихъ денегъ около 300 червонцевъ. Каждой флейтраверсическій концертъ приносилъ ему такую же сумму денегъ, и Фридерикъ получалъ отъ сего весьма великое богатство.

Нѣкогда Канцъ просилъ его послушать своего ученика. Король, удивленной дарованіями сего юноши, отдалъ ему справедливость, но хладнокровно; что оскорбило учителя. Спустя нѣсколько дней послѣ сего: „Ты меня пренебрегъ, сказалъ Король своему учителю; твой ученикъ сему свидѣтелемъ, ибо онъ не столько упражнялся

„сколько я.„ Канцъ признался, что онъ употребилъ въ семъ средство весьма скорое. Король, оскорбленной симъ предпочтенiемъ, желалъ узнать, какое бы то было средство. Но Канцъ сперва не хотѣлъ сего объявить; однако наконецъ, будучи убѣжденъ его прошенiемъ, означилъ оное тѣлодвиженiемъ, показывающимъ худой его прiемъ. „О! что касается до сего средства, от„вѣчалъ Монархъ смѣючись: то я согласенъ, „что я не могъ въ семъ случаѣ иначе по„ступить; будемъ же впредь осторожны.„

Каждой вечеръ была у него музыка; но никто изъ постороннихъ не былъ туда допускаемъ. Два или три концерта, сочиненные Канцомъ, или имъ самимъ, были тамъ играны однимъ разомъ.

Боязливость, коей не былъ онъ сопричастникъ, не допускала его, чтобъ болѣе двухъ или трехъ вѣрныхъ ему музыкантовъ слушали, когда онъ игралъ. Одинъ разъ только вздумалось ему удивить мать свою нѣкоторыми пѣсенками, которыя проигралъ онъ предъ нею; но послѣ былъ симъ столь не-

недоволенъ, что заклялся впредь удерживаться отъ такого опыта.

Какъ изъяснить сію боязливость въ такомъ Героѣ, каковъ Фридерикъ? Приписать ли ее скромной недовѣрчивости просвѣщеннаго человѣка, чувствующаго всю трудность совершенства; или причислить ее къ гордости духа, опасающагося оказаться съ худой стороны? Но гордость не есть соучастница незнанія, которое ни мало не опасно. И такъ скромность была одна изъ великихъ добродѣтелей въ душѣ Фридериковой; и тѣ, которые при немъ находились въ приватной его жизни, удостовѣряютъ, что она придавала еще новой блескъ къ превосходствамъ сего великаго Короля.

Многаго еще недоставало, чтобъ хорошее мнѣніе, какое онъ имѣлъ о Французской учености, простиралось даже и къ ихъ музыкѣ. Его музыканты не безъ причины увѣряли его, видѣвъ многіе тому примѣры, что Французы поютъ въ операхъ съ такимъ же вкусомъ, какъ и въ церквахъ. Но онъ часто сему смѣялся; какъ напослѣдокъ пріѣздъ

вздъ славнаго Дюпорша перемѣнилъ прежнее его мнѣніе. Сей славнѣйшій музыкантъ скоро привелъ на себя все вниманіе Короля; знающаго истинное добро. Но въ послѣдствіи, отъ предубѣжденія къ Французской музыкѣ, оказалъ онъ все свое удивленіе къ художнику, котораго Италіянской вкусъ весьма ему понравился. Сколько ни увѣрялъ сей художникъ, что вкусъ его былъ Парижской, гдѣ онъ и научился сему художеству; что его учитель былъ Французъ, такъ какъ и онъ, и что никогда не бывалъ онъ въ Италіи: однакожъ надлежало для убѣжденія проиграть при немъ аріи; и тогда уже Король приведенъ былъ въ великое удивленіе, чувствуя крайнее удовольствіе отъ такихъ вещей, которыя показывались прежде ему столь смѣшными.

Скоро послѣ сего желалъ онъ послушать Французскую оперу; и не смотря на недостатокъ актеровъ, произошлобъ отъ сего такое слѣдствіе, что Французы взяли бы и въ семъ верьхъ, естьлибъ война, тогда произшедшая за Баварское наслѣдство, не надѣлала Королю другихъ заботъ, и естьлибъ слабость

бость здоровья не отвратила по томъ Фридерика отъ всѣхъ зрѣлищъ. Непосредственно послѣ заключенія Тесшенскаго мира, Король, занятъ будучи политическими дѣлами о заговорѣ разныхъ державъ, совсѣмъ бросилъ музыку и флейту, на которой играть и сильная его подагра болѣе ужъ ему не позволяла.

IV.

О особенныхъ его склонностяхъ.

Пристрастія нашихъ родителей рѣдко переходятъ въ насъ; они еще должны намъ казаться смѣшными, будучи нами зримы въ такихъ лѣтахъ, когда мы ихъ не имѣемъ; а наипаче, естьли еще они намъ и противны; такъ какъ отецъ Фридериковъ, пристрастившійся къ звѣриной охотѣ, требуя отъ сына своего, чтобъ и онъ ее любилъ, тѣмъ болѣе вкоренилъ въ него отвращеніе къ оной.

Нѣкогда вздумалъ Король въ наказаніе поставить его въ такомъ мѣстѣ, чрезъ которое надлежало итти дичи, съ угрозою,

естьли онъ ни одной изъ нихъ не застрѣлитъ, то подвергнетъ его насмѣшкѣ всѣхъ охотниковъ. Молодой Принцъ далъ спокойно пройти мимо себя дичи, ни единожды не выстрѣливъ изъ ружья, самъ смѣялся надъ своими насмѣшниками и не ходилъ ужь болѣе никогда на охоту. Сверьхъ сего почиталъ онъ, что звѣриная охота есть безчеловѣчное удовольствіе, поистиннѣ для тѣла полезное, но для души зловредное, и единое сіе разсужденіе отвращало его отъ оной (*).

Въ

(*) Находится въ одномъ Нѣмецкомъ собраніи анекдотовъ, названныхъ изъявляющими свойство Фридерика, будто онъ любилъ въ молодости своей звѣриную охоту; но что нѣкогда курокъ его ружья, которое держалъ онъ въ рукѣ, спустился и выстрѣлъ прострѣлилъ уголъ его шляпы; съ тѣхъ поръ клялся онъ, что въ послѣдній тогда разъ выстрѣлилъ на охотѣ. Сей анекдотъ опроверженъ свидѣтельствомъ самаго Фридерика, которой стократно говаривалъ о причинахъ отвращенія своего къ охотѣ, какъ я уже выше упомянулъ. Остается теперь Читателю рѣшить, какое изъ двухъ повѣствованій свойственнѣе, и какая опасность могла бы перемѣнить склонность Фридерикову.

Въ юношествѣ своемъ держалъ онъ при себѣ много обезьянъ, коими увеселялся. Разумъ его, отъ природы критическій, открывался въ таковыхъ увеселеніяхъ. Каждая обезьяна называлась особеннымъ именемъ: одна была Совѣтникъ Н*, другая его Канцлеръ, иная Камер-Геръ, а другая Контролеръ Государственной казны и проч. и проч. и проч. Наконецъ дворъ его обезьянъ подобенъ былъ, какъ онъ самъ говаривалъ, Дворамъ многихъ другихъ Государей, и называлъ всегда Дворомъ перваго Фридерика.

Нѣкогда одинъ изъ такихъ четвероногихъ совѣтниковъ куда-то забѣжалъ: Фридерикъ вездѣ его искалъ, и не нашедши его въ своей комнатѣ, подумалъ, что онъ былъ въ сосѣдней; отворяетъ ту дверь говоря громко: господинъ Совѣтникъ! господинъ Совѣтникъ! не здѣсь ли ты? Въ то время и дѣйствительно находился въ той комнатѣ Совѣтникъ его отца, который думая, что Принцъ его кличетъ, немедленно побѣжалъ къ нему. „Пойди, пойди сюда, сказалъ ему „Фридерикъ; это все равно.„

Но естественная вѣроломность сихъ животныхъ скоро уничтожила охоту его къ онымъ, мѣсто которыхъ заняли вѣрнѣйшія собаки; и сія послѣдняя охота въ немъ не перемѣнялась.

Одинъ охотникъ выкормилъ у себя много хорошихъ собакъ, у котораго Фридерикъ бралъ сихъ своихъ любимцевъ и обратно отсылалъ къ нему, когда которая нибудь изъ нихъ ему не показывалась.

Постеля и украшенія Царскія явно изъявляли Циническую вольность безстыдныхъ его придворныхъ; что не соотвѣтствовало политическому и нравственному его поведенію, изъявляющему свойство сего трудолюбиваго Принца.

Любимая его собачка никогда его не порицала, даже и въ самыхъ сраженіяхъ; но приведши, нѣкогда господина своего въ крайнюю опасность, съ того времени потеряла преимущество сопровождать его въ побѣдахъ.

Нѣкогда Король, принужденъ будучи весьма далеко итти пѣшкомъ въ провожа-

нія

вія сей собаки, усмотрѣлъ дорогою вдали идущее противъ себя войско Пандуровъ, котораго не могши избѣжать, бросился онъ въ ровъ, гдѣ и лежалъ, скрывшись подъ худымъ деревяннымъ мостомъ, до тѣхъ поръ, пока непріятельской отрядъ прошелъ чрезъ оный. Вѣрная его собака могла бы въ семъ случаѣ ему измѣнить, залаявши при шумѣ, учиненномъ Пандурскими лошадьми въ переѣздѣ чрезъ мостъ: но щастіе въ семъ случаѣ послужило Фридерику. Устрашенная собака прячется подъ епанчу своего Господина, которой соединясь потомъ съ своимъ войскомъ, сказалъ всѣмъ, показывая собаку: „ Государи мои! вотъ самый наилучшій мой „ другъ. „ Однакожъ съ сего времени навсегда осталась она въ обозѣ.

Какъ на Соорскомъ сраженіи весь Королевской экипажъ былъ непріятелями взятъ, то и плѣненная на войнѣ собака досталась въ добычу Генеральшѣ Надастѣ; и надлежало долго просить сію госпожу, пока согласилась она освободить ее изъ плѣна. Наконецъ собака была отослана къ Генералу Ротембургскому. Король писалъ тогда, сидя на

на стулѣ спиною къ дверямъ, какъ Генералъ принесъ ее къ нему. Увидя своего Господина, бросается она на столъ, кидаетъ съ онаго всѣ его дѣла и кладетъ на плечо Монархово переднія свои лапки: все сіе въ единой моментъ она производитъ. Фридерикъ, удивленной симъ пріятнымъ зрѣлищемъ, не могъ безъ смягченія принять такія ея ласки. Собака, любимая Фридерикомъ, по смерти своей удостоилась памятника и надписи, которая и теперь видна на великомъ валу въ Сан-Суси. Люди, безъ сомнѣнія разумныя, почитаютъ слабостію Фридерикову охоту къ собакамъ; но что! ужели не должно имѣть ему никакой слабости? и какой бы то былъ столь строгой мудрецъ, которой не любитъ находить иногда и въ героѣ человѣка?

V.

О природной его веселости.

Фридерикъ любилъ говорить, и говорилъ хорошо; веселой духъ оживлялъ всѣ его дѣйствія. Голосъ у него былъ громокъ и прі-

пріятенъ, произношеніе легкое и хорошее; отвѣты его были скорые, забавные и часто колкіе. Онъ имѣлъ къ сему особенной отъ природы даръ; и когда хотѣлъ надъ кѣмъ посмѣяться, то никто его въ семъ не превосходилъ.

Нѣкогда одинъ иностранной вертопрахъ, почитая глупость и безстыдство за хорошее поведеніе, началъ хвастаться оными предъ Королемъ. Фридерикъ, смотря нѣсколько времени на него въ молчаніи, вдругъ принимаетъ на себя такой же видъ, проходитъ мимо его, и обернувшись кругомъ всемъ тѣломъ, оставляетъ его безъ всякаго отвѣта.

Ни малѣйшее принужденіе нетерпимо было въ его обществѣ вечеромъ; одна веселость занимала тогда мѣсто въ разговорахъ: Политика, Метафизика, Исторія, обо всемъ весело было разсуждаемо. Онъ не запрещалъ свободно говорить о себѣ критику, которую и самъ весьма вольно употреблялъ надъ другими. Наконецъ Философъ поставлялъ себѣ за удовольствіе позабывать ве-

шеромъ, что онъ Монархъ, котораго должность исполнялъ онъ днемъ; и напомнишь тогда ему Королевское величество, значило его эшимъ озлобишь (*).

Английский Посланникъ Мишхеллъ пріобрѣлъ Королевскую довѣренность чрезъ забавные свои разговоры. Король, нѣкогда съ нимъ разговаривая, между прочимъ сказалъ: „Господинъ Мишхеллъ! я ласкаюсь, что сего „года (1762) Англія употребишъ паки но„выя старанія къ заключенію мира, и въ „которомъ мы всѣ имѣемъ толь великую „нужду.„ — „Ваше Величество! отвѣ„чалъ ему Мишхеллъ, можно надѣяться, „что съ помощію Провидѣнія принудимъ „мы враговъ своихъ къ сему столь желан„ному миру. - Съ помощію Провидѣ ія? „спро-

(*) Есшьли когда случалось, что во время сильнаго спору за ужиномъ Фридерикъ начиналъ сердиться и принималъ на себя величественной видъ: „Тише господа! тотчасъ говаривалъ „Волтеръ; вотъ Прусской Король идетъ„ При сихъ словахъ Фридерикъ смѣялся съ прочими своими друзьями.

„спросилъ паки Король; я не зналъ сего „вашего союзника.„ — „Ахъ, Ваше Ве„личество! онъ-то одинъ не стоитъ намъ „никакого убытку.„ — „А мнѣ казалось, „что Оно служитъ вамъ за деньги.„

Сей Король не весьма хорошихъ былъ мыслей о жителяхъ своей столицы. Нѣкоторой Ораторъ вздумалъ требовать отъ него любви и привязанности къ Берлинскимъ гражданамъ. Король, выслушавши терпѣливо всю его проповѣдь, отступаетъ на два шага, съ важностію надѣваетъ на голову свою шляпу, и принявъ на себя видъ и тонъ проповѣднической, говоритъ ему:

„Повѣрьте мнѣ, смертные, въ томъ, „что я достовѣрно вѣдаю, что сей госпо„динъ Ораторъ не заслуживаетъ быть ва„шимъ учителемъ.„

Не напрасно называли его критикомъ. Нѣкто, желая преклонить его на милость, всяческимъ образомъ старался доказать въ своей челобитной, что онъ происходилъ изъ весьма нещастной фамиліи Н***.

Ко-

Король написалъ ему въ отвѣтъ внизу челобитной: „Я не знаю, чтобъ кто изъ „сей фамиліи былъ нещастливъ; ибо она „вся богатая и глупая.„

Достоинства и чести немедленно были приводимы въ безславіе, естьли слѣдствія, отъ нихъ произшедшія, были не лучше уважаемы, какъ вышепомянутыя.

Двѣ Президентши Клевскія, не могши на дорогѣ разойтися, прибѣгнули къ рѣшенію Фридерика, которой отвѣчалъ имъ: „Самая „глупая изъ двухъ пойдетъ напередъ.„

Онъ рѣдко пропускалъ случаи, въ которые бы только могъ отмстить за союзъ, учиненной противъ его въ 1756 году Французскимъ Кабинетомъ съ Венскимъ Дворомъ (*). Ког-

(*) Кардиналъ Берниссъ, пользуясь расположеніями Помпадуры, отнятой Венскимъ Дворомъ, спѣшилъ заключить миръ, дабы отмстить за нижеслѣдующій стихъ Короля Прусскаго: „Избѣгай, Берниссъ тщетнаго изобилія.„ Одна также госпожа, весьма знатнаго роду, вступила въ заговоръ по причинѣ одной эпиграммы, гдѣ увѣнчанной Стихотворецъ назвалъ ее С.

Parturit mus, nascitur mons.

Когда Кавалеръ Эонъ узнанъ былъ женщиною, то Король сказалъ Французскому Посланнику: „Вотъ какъ случается съ вашими Французами! когда думаешь имѣть „дѣло съ мущинами, а выдетъ по томъ, „что имѣлъ оное съ женщинами.„

Нѣкогда занавѣсь въ оперѣ была такъ поднята, что видны были только однѣ ноги балетчиковъ: то Король тотчасъ началъ смѣяться, и сказалъ тому же Посланнику: „Вотъ сущее изображеніе Французовъ! ноги „безъ головы.„

Безобразной видъ былъ имъ весьма ненавидимъ. Одинъ человѣкъ, чрезмѣрно нестатной и тщеславной, безпрестанно старался показываться пригожимъ; наконецъ Король спросилъ его: кто онъ таковъ? „Я „имѣю честь, отвѣчалъ сей человѣкъ съ „важнымъ видомъ, называться дворяниномъ, „которыхъ Ваше Величество учредили при „возшествіи своемъ на тронъ.„ — „Я „учинилъ тогда знаменитое дѣло!„ сказалъ Фридерикъ, оборотясь къ нему спиною.

Нѣкогда прохаживаясь въ Шарлотенбургскомъ саду, встрѣтился онъ на поворотѣ одной алеи съ Директоромъ пошлинъ съѣстныхъ вещей, истиннымъ Гасконцемъ. Кто вы таковы? спросилъ онъ его. — Какъ! Ваше Величество, уже ли вы не знаете Евреянина изъ Артоа? — „Я имѣлъ бы много дѣла, „отвѣчалъ ему Король, естьлибъ принужденъ былъ знать всѣхъ дураковъ въ моихъ областяхъ.„

Сей Монархъ, разговаривая нѣкогда весело за столомъ съ Аббатомъ Бастіаномъ, сказалъ ему: „Когда вы будете Папою; „ибо я не сомнѣваюсь, что примѣрная ваша жизнь доставитъ вамъ сіе достоинство: то какъ вы меня примете, естьли „я вздумаю пріѣхать въ Римъ для показанія моего благоговѣнія къ ногамъ Вашего „Святѣйшества? — Ваше Величество! „отвѣчалъ Аббатъ, я прикажу принесть „черного орла, чтобъ онъ покрылъ меня „своими крыльями и оберегалъ бы меня своимъ носомъ.„

Аббатъ Пернетти, Королевскій Библіотекарь, будучи нѣкогда почтенъ Жидомъ (по причинѣ въ кружокъ обстриженныхъ волосъ по обыкновенію Берлинскихъ Жидовъ), и прогнанъ лакеями со Двора, въ которой званъ онъ былъ къ обѣду, просилъ у Его Величества позволенія носить золотой крестъ для предупрежденія впредь подобной сему ошибки. „Любезной мой Аббатъ! сказалъ „ему Король; вы великое имѣете право „терпѣть всякое страданіе, естьли хотите.„

Фридерикъ спросилъ нѣкогда Метрія, что бы онъ сдѣлалъ, естьлибъ былъ Прусскимъ Королемъ? „Ваше Величество! отвѣчалъ ему Епикуровъ ученикъ: я завтра „же продалъ бы свое королевство и поѣхалъ „бы въ Парижъ кушать.„

Монархъ, ѣхавши нѣкогда верьхомъ съ однимъ Принцемъ мимо окошекъ, въ которыя смотрѣли много разряженныхъ женщинъ, снялъ для учтивости предъ ними шляпу; при чемъ Принцъ сказалъ ему: „Ваше Величество! что Вы дѣлаете? это С. . . . .

„ А! а! отвѣчалъ ему холодно Король, такъ „ вы ихъ знаете. „

Самыя важнѣйшія упражненія не умаляли въ немъ никогда природной веселости его духа. Во время войны въ 1758 году, когда Прусскія войска сверьхъ всего чаянія Австрійцевъ вошли вдругъ въ Моравію, то Король, приказавши пресѣчь всѣ переписки въ иностранныя земли, писалъ въ Берлинъ къ Маркизу д' Арженсу: „ Я весьма желалъ бы, „ любезный мой Маркизъ, увѣдомить васъ „ о нѣкоторыхъ новостяхъ; но теперь наистрожайше у насъ запрещено писать са„ мое маловажнѣйшее воинское произшествіе, „ случившееся въ шести недѣляхъ. „

Графъ Сиротинъ, содержатель Театровъ, жаловался нѣкогда на замѣшательство и безпокойство, причиняемое ему Французскими комедіями: „ Я весьма о васъ жалѣю, ска„ залъ ему Король, и должно признаться, „ что я гораздо предъ вами щастливѣе „ тѣмъ, что имѣю одно только королев„ ство и одно войско для правленія. „

Фри-

Фридерикъ имѣлъ довольно худое мнѣніе о толстыхъ людяхъ; одинъ изъ его уѣздныхъ судей былъ таковымъ. Король, проѣзжая чрезъ его уѣздъ въ Померанію для смотру своихъ войскъ, никогда не пропускалъ разговаривать съ нимъ о экономіи. Нѣкогда заставши вмѣсто толстаго своего судьи высокаго человѣка, весьма сухощаваго: „Кто „вы таковы? спросилъ онъ его. — Ваше Вели„чество! я уѣздный судья сего мѣста. — „Не правда, отвѣчалъ ему Король; тол„стой человѣкъ здѣсь судьею. — Онъ „ужь померъ, сказалъ на сіе сухощавый, „и я заступилъ его мѣсто.„ Тогда Король, оборотясь къ Генералу, при немъ тогда находившемуся, сказалъ: „Этотъ человѣкъ до„рого мнѣ станетъ, пока выкормлю я его „какъ покойнаго.„ Нѣкогда пригласилъ онъ всю Королевскую свою фамилію въ Потсдамъ, чтобъ повеселить ихъ Комедіею, которая представлена была на новомъ Театрѣ въ СанСуси. Уже все было готово, и ожидали только одного Короля для начатія Комедіи, какъ вдругъ поднялась занавѣсь и явился первой актеръ, имѣя на плечахъ своихъ что-

що похожее на чрезмѣрно великую рыбу (это было въ первое число Апрѣля). Свѣчи, тотчасъ послѣ сего потушенныя, означали, что спектакль уже кончился, и изумленное собраніе вышло въ темнотѣ изъ Театра съ Апрѣльскою рыбою, думая, какъ бы отмстить за сію насмѣшку. Всѣ согласились итти къ Королю и отвѣчать на всѣ его вопросы, такъ какъ естьлибъ ничего чрезвычайнаго въ Театрѣ не происходило. Фридерикъ, удивленной ихъ хладнокровіемъ, началъ было сомнѣваться въ исполненіи своихъ приказаній, какъ вдругъ великой смѣхъ одного Генерала открылъ, чѣмъ кончилась обѣщанная имъ комедія.

Онъ любилъ смѣяться, и всегда находилъ причину кого нибудь подсмѣять. Однакожъ не должно было насмѣшникамъ преступать учрежденнаго имъ порядка. Четверо его балетчиковъ, будучи призваны въ Потсдамъ на балъ, вздумали вмѣсто того, чтобъ записать имена свои на городской заставѣ, какъ обыкновенно всѣ входящіе и выходящіе изъ города обязаны были сіе дѣлать, написать Оберъ-Офицеру сію старую пѣсенку:

Пер-

Первой кумушка моя,	Le prem. Ma comère
Второй, когда я шанцую.	Le second: quand je danse.
Трешій мой минуетъ,	Le tr: mon cotillon.
Четвер. хорошъ ли онъ.	Le quat: va-t-il bien.

Оберъ-Офицеръ, неразумѣющій хорошо Французскаго языка, слово въ слово списалъ сіи четыре смѣшныя имена въ объявленіе о приходящихъ и выходящихъ изъ города, которое Король читалъ ежедневно. Сперва сія пѣсенка привела Короля въ смѣхъ, но по прошесшвіи онаго Фридерикъ приказалъ сказать симъ насмѣшникамъ, что онъ впредь пошлетъ ихъ за сіе шанцовашь въ Спандау.

Баронъ Поясницъ, не смотря на благотворенія, оказываемыя ему Королемъ, никогда не выходилъ изъ долговъ. И какъ нѣкогда жаловался, что не чемъ ему пропишаться: то Фридерикъ обѣщался ему въ семъ помочь. Баронъ истощилъ при семъ случаѣ все свое красноречіе, благодаря Короля, и съ нетерпѣливостію ожидалъ той минуты, въ которую позволитъ онъ ему переѣхать во Дворецъ, гдѣ, какъ Король увѣрялъ его, найдетъ онъ убѣдительные знаки его къ нему почтенія.

 Ба-

Баронъ, вошедши дѣйствительно въ опредѣленную свою комнату, увидѣлъ себя по колѣна въ овсѣ.

Одинъ Полковникъ, которому Прусской Король чувствительной далъ выговоръ на смотру, по прошествіи нѣкотораго времени просился въ отставку подъ видомъ болѣзни. Но Король, при всемъ семъ его почитающій, учтиво ему отказалъ въ прозьбѣ, приписывая его болѣзнь учиненному имъ выговору, и осмѣявши его хорошимъ образомъ за подложную болѣзнь, заключилъ письмо свое такъ: „Хотя и не все дѣлается по моему „желанію, но я не долженъ отказаться един„ственно для сего отъ Королевства.„

Фридерикъ часто поступалъ съ своими Врачами по Моліерову образцу; и какъ онъ хвастался, что лучше ихъ знаетъ сложеніе своего тѣла, то обыкновенно не въ другое какое время ихъ призывалъ, какъ когда былъ въ совершенномъ здравіи. Въ послѣднихъ своихъ болѣзняхъ приказалъ онъ призвать одного Берлинскаго Врача, которой нашелъ его погруженнымъ въ сонную болѣзнь, пода-

дающую мало надежды къ излѣченію. Долго разсматривалъ онъ его въ глубокомъ молчаніи, ожидая перелома его болѣзни: какъ вдругъ Фридерикъ, открывши глаза и посмотря на черное Докторское платье, сказалъ ему слабымъ голосомъ: „Не уже ли вы и „по больнымъ носите трауръ?„ Ослабленіе тѣлесныхъ силъ мало имѣло по видимому вліянія на нравоученіе. За нѣсколько времени предъ своею смертію приказалъ онъ призвать изъ Потсдама славнаго Врача Зиммерманна, и долго разговаривалъ съ нимъ не столько о своей болѣзни, какъ о учености. Между прочимъ спросилъ онъ у него: сколько уже погубилъ онъ людей въ своей жизни? „Не столько, какъ Ваше Величество, и го„раздо съ меньшею славою„ отвѣчалъ ему нынѣшній Эскулапъ.

Фридерикъ умѣлъ, когда ему хотѣлось, соединять краткость рѣчи съ бодростію и твердостію Спартанскихъ Героевъ. Одинъ молодой Кандидатъ лишь только вышелъ изъ Университета, то и подалъ ему прошеніе для полученія мѣста, принадлежащаго

людямъ, великія успѣхи оказавшимъ. Король вмѣсто всякаго отвѣта написалъ ему внизу на челобитной: 2 Кн. Самуила, глава 10, стихъ 5. Кандидатъ побѣжалъ немедленно рыться въ Библіи и нашелъ въ назначенномъ мѣстѣ.

Сіе показываетъ, что всѣ роды учености ему были не безъизвѣстны; слѣдующійже анекдотъ объявляетъ, сколь онъ былъ обходителенъ и съ самыми своими непріятелями.

Въ одномъ свиданьи съ Императоромъ, какъ начали садиться за столъ обѣдать, Генералъ Лаудонъ хотѣлъ сѣсть напротивъ Короля, которой взявши его за руку, въ намѣреніи посадить подлѣ себя, сказалъ ему: „Господинъ Лаудонъ! мнѣ лучше хочется „имѣть васъ подлѣ себя, нежели напротивъ „меня.„

Когда объявили ему, что Іосифъ II установилъ равенство между Жидами и своими подданными: „Я весьма радуюсь о семъ „новомъ установленіи, сказалъ Король; Им„ператоръ особенно обязанъ защищать Жи„довъ; не Царь ли онъ уже Іерусалимской?„

Одинъ

Одинъ знатной Французскій господинъ удивлялся, видя портреты Императорскіе во всякой комнатѣ въ Сан-Суси: „Я никакъ не „долженъ, сказалъ ему Фридерикъ, терять „его изъ вида.„

Весьма бы долго было, естьлибъ разсказывать всѣ остроумныя его нарѣченія, показывающія природную Фридерикову веселость; но я еще нѣкоторыя упомяну; ибо намѣреніе мое состоитъ только въ томъ, чтобъ объявить здѣсь самые достовѣрнѣйшіе анекдоты изъ жизни сего великаго мужа, разсматриваемаго подъ различными видами, какія онъ собою представлялъ.

Сей Герой поистиннѣ ничего такъ не боялся, какъ праздности, къ которой ослабленіе тѣлесныхъ силъ должно было его приневолить. Мысль о смерти никогда не внушала въ него страха, которому хвастуны обыкновенно подвержены. Онъ даже не рѣдко и шутилъ о семъ за столомъ съ своими послѣдними друзьями. „Какъ я прожилъ уже 74 года, „говаривалъ онъ, время мнѣ уже выходить „въ отставку.„

Ког-

Когда Врачи объявили ему, что у него была водяная болѣзнь въ груди: то онъ подробно выспрашивалъ у нихъ о всѣхъ дѣйствіяхъ сей болѣзни, дабы сравнить оныя съ тѣми, какія самъ чувствовалъ; и съ тѣхъ поръ болѣе ничего онъ не опасаяся, продолжалъ исправлять обыкновенныя свои дѣла даже до 15 числа Августа 1786 года, и того же дня привелъ все въ порядокъ съ своими Министрами, и исполнивши въ послѣдній разъ Царскія свои должности, съ такимъ присутствіемъ разума и разсудка, какъ естьлибъ онъ былъ въ вожделѣннѣйшемъ здравіи; отпустилъ отъ себя всѣхъ, нѣсколько времени опочилъ, а по томъ приказалъ принесть къ себѣ соусу, пироговъ и другихъ кушаньевъ, которыя и самой здоровой желудокъ едва бы могъ вмѣстить, и ѣлъ все съ ужаснымъ аппетитомъ, пилъ разныхъ родовъ вины, и въ скорости послѣ сего погрузился въ сонную болѣзнь, которая продолжалась по самую смерть его, случившуюся ночью на 17 число Августа.

Когда онъ былъ погруженъ во снѣ, сидя въ креслахъ: то требуетъ воды, пьетъ нѣ-

нѣсколько капель, и безъ всякагѡ напряженія силъ перестаетъ. Говорили, что онъ перемѣнялъ уже долговременные и трудные свои подвиги на сладчайшій покой вѣчнаго сна. Государственной Министръ, Графъ Герцбергъ, Генералъ Родригъ, Градоначальникъ Потсдама, и Докторъ Селлъ, проводившіе ту ночь въ ближайшей комнатѣ, будучи увѣдомлены слугою, при Королѣ находившемся, видѣли ту нещастную минуту, въ которую душа сего Героя восходила къ Существу существъ. Съ почтеніемъ взирали они на священные остатки великаго Фридерика, и не могли еще въ томъ увѣриться, что онъ болѣе уже не чувствовалъ, какъ августѣйшій его наслѣдникъ прибылъ отдать послѣдній долгъ великому мужу, о которомъ онъ сожалѣетъ и коего занимаетъ мѣсто.

О его философіи.

Съ Маркъ-Аврелія и до нашихъ временъ нахожу я въ шести вѣкахъ одного только увѣнчаннаго Философа. Естьлибъ говорить здѣсь объ остроумныхъ людяхъ, то над-

лежало бы начинать съ перваго Цезаря; но нашъ мудрецъ долженъ его помрачить, и на немъ-то я остановлюсь.

Фридерикъ былъ Монархъ трудолюбивый, неутомимый, твердой и постоянной; Герой непобѣдимый. Онъ презрѣлъ всѣ усилія вооруженныхъ противъ его державъ (*), пренебрегъ болѣзни, обыкновенно случающіяся въ старости, онъ не причастенъ былъ слабостямъ; наконецъ былъ побѣдитель природы и по справедливости немалую сдѣлалъ честь учителю Катону.

Каждое дѣйствіе сего удивительнаго Государя, представляющее его философію, довольно бы было для увѣренія въ семъ пунктѣ; но я не могу удержаться, чтобъ не привести еще здѣсь нѣсколько особенныхъ примѣровъ, въ которыхъ Прусской Мудрецъ самъ себя изобразилъ несравненно лучше, нежели бы я могъ сіе сдѣлать.

Онъ

(*) Фридерикъ воевалъ въ одно время съ Австрійцами, Венгерцами, Цесарцами, Французами, Русскими и Шведами, не считая Саксонцевъ.

Онъ не только не полагалъ Царскаго Величества въ тщетномъ великолѣпіи, но еще думалъ, да и самымъ дѣломъ доказалъ, что чѣмъ болѣе Государь равняетъ себя съ прочими подданными, тѣмъ болѣе заслуживаетъ ихъ довѣренности, и что уваженіе, оказываемое изъ почтенія и благодарности, гораздо болѣе украшаетъ Монарха, нежели то, которое дѣлается отъ страха. Первое есть достоинство Титовъ и Антониновъ, а вторая участь тирановъ. Всѣ Персіяне трепетали предъ тѣмъ, котораго ласкательство назвало великимъ Государемъ; но что сдѣлалось съ высокомѣрнымъ Даріемъ предъ ученикомъ Аристотелевымъ? Идолъ, держащій молнію, упалъ отъ первыхъ ударовъ смертнаго, и сонъ гордости его вдругъ изчезнулъ.

Таковъ-то былъ Августъ III, котораго великолѣпіе не защитило отъ Фридерика II. Онъ имѣлъ хорошихъ у себя придворныхъ, но худыхъ солдатъ; онъ не вѣдалъ, что гордость, которою Государь зараженъ, болѣе возбуждаетъ честолюбивую жадность, ис-

нежели какъ ревность. Фридерикъ напротивъ того держалъ при себѣ истинныхъ друзей, то есть худыхъ придворныхъ (*), но превосходныхъ солдатъ. Надлежало необходимо Августу III уступить мѣсто Фридерику, не смотря на всѣ придворные обряды.

Ничто не утруждало такъ нашего Героя, какъ представленіе, котораго скуку Царское его достоинство не всегда позволяло ему избѣгать. Но онъ былъ весьма различенъ отъ тѣхъ Государей, которые думаютъ возвыситься чрезъ такое театральное представленіе; онъ и безъ сего всегда почиталъ себя себя достойнымъ, и желалъ скорѣе итти къ своимъ друзьямъ, дабы вознаградить себя за сію тягостную работу, обыкновенно имъ такъ называемую.

Когда надлежало ему при возшествіи на престолъ принимать присягу отъ своихъ под-

(*) Герцогъ Орлеанской имѣлъ бывало привычку часто говорить, что истинной придворной человѣкъ не имѣетъ ни нрава, ни честности.

подданныхЪ, що сЪ великимЪ трудомЪ согласился онЪ быть при оной. НемалыхЪ также потребно было прозьбѣ, для убѣжденія, чтобЪ онЪ надѣлЪ великолѣпное Царское платье, сдѣланное ему для торжества. По неотступнымЪ прозьбамЪ онЪ его примѣрялЪ; но только что посмотрѣлся вЪ зеркало, то сталЪ хохотать, скинулЪ немедленно маскерадное сіе платье, надѣлЪ повседневное, и сЪ веселымЪ духомЪ присутствовалЪ на церемоніи.

По окончаніи оной спросилЪ онЪ у одного Француза, за нимЪ тогда идущаго, какЪ думалЪ онЪ, каково кончилась церемонія? „ Прекрасно, отвѣчалЪ ему ФранцузЪ; „ однакожЪ при короновані Лудовика XV „ было гораздо великолѣпнѣе. — О! конечно! „ отвѣчалЪ Король; я еще знаю другаго; „ которой и гораздо былЪ величественнѣе. „ — А кто это таковЪ, Ваше Величество? „ — ОбЪ этомЪ умолчимЪ.„

Когда онЪ уже столь вольно веселился на щетЪ ПринцовЪ, которые великими почитаются по единой подлости своихЪ плѣни-

ников, которыми тщеславіе ихъ окружается: то и того болѣе не щадилъ онъ тѣхъ, которые хвастаясь благородствомъ своихъ предковъ, владѣютъ двадцатью деревнями, а добродѣтели и совсѣмъ не имѣютъ. Однакожъ сіе не значитъ, будто онъ не оказывалъ уваженія къ знатной породѣ; но онъ желалъ, чтобы и заслуга была ей соразмѣрна: кто бы таковъ ни былъ, да дуракъ всегда былъ въ глазахъ его дуракъ (*).

Нѣкоторый Графъ просилъ его письменно принять сына его извѣстнымъ чиномъ въ армію, которой не превосходилъ знатность его породы. Король, чтобъ повеселиться на щетъ тщеславія сего Графа, отвѣтствовалъ ему, что естьли сынъ его согласится оставить Графской титулъ, то онъ охотно опредѣлитъ его къ тому мѣсту; ибо онъ примѣтилъ, что Графы, имѣя обыкновеніе, послуживъ нѣсколько лѣтъ въ полку, выходить въ отставку, приносили ему малую

поль-

(*) Какая помощь слѣпцу, что его родители имѣютъ хорошее зрѣніе? или что пользы въ томъ картавому, что его прадѣдъ былъ красно-рѣчивъ?

пользу; и къ сему отвѣту присовокупилъ ему слѣдующія разсужденія:

„Молодые Графы, ничего незнающіе, во „всѣхъ земляхъ почитаются невѣждами. „Сынъ Англинскаго Короля теперь не иной „кто, какъ простой матросъ на кораблѣ, „которымъ управлять долженъ онъ учить„ся. Но чтобы Графъ значилъ что нибудь „и приносилъ бы пользу свѣту и своему „отечеству, то онъ не долженъ чваниться „своимъ титломъ и знатностію своего „рода; ибо все сіе прилично только глуп„цамъ. Истинная заслуга есть собствен„ная заслуга.„

Фридерикъ.

Онъ часто смѣялся о тщеславіи человѣческомъ, заставляющемъ ихъ добиваться великими издержками до суетныхъ чиновъ. Одинъ благородной человѣкъ, родомъ Саксонецъ, чрезмѣрно богатой, желалъ переселиться въ Брандебургъ, съ условіемъ, чтобъ почтили его при Дворѣ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ его богатству. Король отвѣчалъ его посредственнику, что пожалуетъ

ешъ ему ключь. „Онъ чрезвычайно богашъ, „ошвѣчалъ посредсшвенникъ -- „ Хорошо, ска„залъ ему Король, я сдѣлаю его превосхо„дишельнымъ. — „ Онъ получаешъ 50000 ефимковъ (шо есть 30000 рублей) годоваго доходу, ошвѣчалъ на сіе посредсшвенникъ; изъ чего понялъ Фридерикъ, что шакого богача не менѣе надлежало бы пожаловашь, какъ придворнымъ Маршаломъ; по шомъ узнавши, что онъ владѣлъ прекраснѣйшими землями въ Лузаціи: „ О! я вижу шеперь, „сказалъ онъ шогда, что надобно будешъ „пожаловашь его Принцемъ. За деньги по„чшишь его симъ досшоинсшвомъ не будешъ „несправедливо. „

Слѣдующее письмо покажешъ, что онъ разсуждалъ совсѣмъ иначе о разумныхъ мужахъ. Фридерикъ послалъ оное съ Камер-Герскимъ ключемъ къ Французу Алгорошши, кошорой прежде былъ ошъ него пожалованъ Графомъ и Орденомъ за его заслугу.

„Сіи шишулы раждающъ при Дворахъ „много соперниковъ, производяшъ заговоры „и возмущенія, и дѣлающся посредсшвомъ

„ихъ

„ихъ пронырствъ украшеніемъ дураковъ;
„но въ спокойныхъ мѣстахъ, мною обита-
„емыхъ, я не раздаю оныя дѣтямъ Героевъ:
„ибо они приличны только людямъ, великія
„услуги отечеству оказавшимъ.„

Фридерикъ былъ весьма разборчивъ въ раздаваніи военныхъ чиновъ; и такъ благородной Саксонецъ имѣлъ бы можетъ быть много труда, чтобъ получить и Порутчической чинъ.

Многіе благородные Италіянцы просили чиновъ у Полковника новаго полку, которому отвѣчалъ Король на представленіе, имъ учиненное: „*Любезной Полковникъ!* я весьма
„люблю Италіянцовъ, и хочу сіе доказать
„чрезъ великое жалованье моимъ пѣвцамъ; но
„что касается до военнаго, то это не все рав-
„но; и вы можете учтиво поблагодарить
„сихъ господъ.„

Хотя онъ и предпочиталъ заслугу породѣ, однакожъ не желалъ имѣть у себя неблагородныхъ Офицеровъ. Онъ имѣлъ даже въ семъ нѣкоторое предразсужденіе, но не безъ убѣдительныхъ причинъ. Пруссія, Бран-

дебургія и Померанія преизобилуютъ благородными людьми, изъ которыхъ большая часть бѣдныхъ и не имѣютъ другой помощи, кромѣ арміи.

Сверьхъ того предполагалъ онъ, что титулъ благородства дѣлаетъ нѣкоторую честь въ человѣкѣ, которую неблагородство не всегда внушаетъ въ онаго, и которая должна быть нераздѣльна съ достоинствомъ военнаго человѣка, опредѣленнаго къ управленію великаго числа людей, которыми необходимо надобно, чтобъ онъ былъ почитаемъ. Сіе правило пособствуетъ къ удивительной подчиненности, составляющей всю силу Прусскаго оружія. Чтожъ касается до инженерныхъ его Офицеровъ, то онъ смотрѣлъ только на дарованія, и думалъ напротивъ того, что самые неблагороднѣйшіе способнѣе прочихъ къ сей должности; потому что они обыкновенно бываютъ гораздо расторопнѣе.

Онъ зналъ всѣ благородные домы въ своихъ областяхъ; и когда спрашивалъ своихъ Офицеровъ о ихъ прозваніи и фамиліи, то раз-

разсказывалъ имъ нѣкоторые объ оныхъ анекдоты, которыхъ они и сами не знали. На смотру спросилъ нѣкогда Король у одного Офицера о его прозваніи, которое не было ему извѣстно, и послѣ его отвѣта сказалъ онъ оному Офицеру, что онъ не изъ благородныхъ. „Ваше Величество! холодно „отвѣчалъ Офицеръ, Императоръ Родолфъ II „наложилъ платить по десяти червонцевъ, „кто поусумнится о моемъ благородствѣ. „—— Ахъ! слуга покорный, отвѣчалъ „ему Фридерикъ, отошедши отъ него; при „мнѣ теперь нѣтъ денегъ.„

Какъ Станиславъ Августъ возшелъ на Польской престолъ, то нашъ Король-Философъ писалъ къ нему слѣдующее письмо, показывающее, сколь онъ вѣдалъ должность и опредѣленіе сего высокаго званія:

(*) „Вы избраны на престолъ по выбору, а не по рожденію; и для сего вселен-

 „ная

(*) Не могши достать Французской подлинникъ сего письма, принужденъ я былъ перевести его съ Нѣмецкаго языка; и по тому не столько долж-но

„ная тѣмъ внимательнѣе будетъ взирать „на ваши поступки. Обыкновенно всякъ „довольствуется тѣмъ, что получилъ отъ „Природы: равно такъ и Король, который „царствуетъ по праву рожденія, хотя мож„но требовать отъ него еще чего нибудь „большаго, а требуется отъ него только „то, чрезъ что можетъ онъ сдѣлаться до„стойнымъ короны, которую и пріемлетъ „отъ равыхъ себѣ, и который избранъ „былъ свободнымъ и доброхотнымъ выбо„ромъ своихъ подданныхъ. Благодарность „должна быть первая его добродѣтель; ибо „Провидѣнію и своимъ подданнымъ одолженъ „онъ своимъ достоинствомъ. Государь, цар„ствующій по праву рожденія, естьли что „сдѣлаетъ несоотвѣтствующее его величе„ству, навлекаетъ на единаго себя пори„цаніе; но избранный Король обезчестива„етъ тѣмъ и себя и своихъ подданныхъ.

„Ваше

но смотрѣть на титулъ, какъ на наставленіе, преподаемое въономъ Государемъ. Фридерикъ былъ хорошій учитель, и рѣдко кто другой умѣлъ, такъ какъ онъ, исполнять правила самымъ дѣломъ.

„Ваше Величество извинитъ меня въ „сихъ разсужденіяхъ; они происходятъ отъ „истиннаго къ вамъ почтенія, и не столь„ко могутъ почесться наставленіемъ въ „разсужденіи того, какъ вы должны себя ве„сти, какъ пророчествомъ того, каковымъ „вы впредь будете и проч.„

Послушаемъ еще сего Героя, согбеннаго подъ тяжестью долговременнаго и трудолюбиваго царствованія, когда весною на смотру въ 1778 году обьявляетъ онъ Генераламъ, собравшимся около его, необходимую нужду, въ коей находилъ онъ себя проливать еще человѣческую кровь. „Государи „мои! говоритъ онъ имъ, большая часть „изъ васъ состарѣлись уже, какъ я, въ „службѣ къ отечеству; никто столько не „вѣдаетъ, какъ мы, какіе труды, какія „опасности мы преодолѣли. Я не сомнѣва„юсь, чтобъ пролитіе человѣческой крови „не было и вамъ столь ужасно, какъ мнѣ „самому; но новая опасность, намъ грозя„щая, приводитъ насъ въ необходимую нуж„ду прибѣгнуть къ скорѣйшимъ и дѣй-

„ствительнѣйшимъ средствамъ, чтобы за-
„благовременно отвратить востающую на
„насъ бурю. Я совершенно полагаюсь на ваше
„великодушное ко мнѣ усердіе, которое мнѣ
„уже извѣстно, и за которое во всю жизнь
„мою обязанъ я вамъ благодарностію.

„Я наипаче увѣщеваю васъ, исполняя
„въ томъ священную должность, имѣть
„человѣчество къ непріятелямъ и наблюдать
„точнѣйшую дисциплину между подчинен-
„ными вамъ солдатами. Чтожь касается до
„меня, то вамъ довольно извѣстно, что я
„никогда не желалъ въ своихъ походахъ
„Царской пышности, и еще чувствую от-
„вращеніе къ богатымъ экипажамъ. Одна-
„кожь теперь лѣта и слабость моя приво-
„дятъ меня не въ состояніе безпрестанно
„ѣздить верьхомъ, какъ я прежде дѣлывалъ:
„и такъ во время походу буду я ѣздить
„въ почтовой кибиткѣ; но во дни сраженія
„всегда увидите вы меня передъ фрунтомъ
„войска, мною предводительствуемаго, какъ
„вы и прежде меня видали, и проч.„

Душа великаго Фридерика во всей своей
простотѣ совершенно изображается въ сей
вы-

высокой рѣчи. Въ ней видѣнъ чувствительной Философъ, Другъ человѣческій, уступающій нуждѣ, которая повелѣваетъ Монархомъ. Въ ней усматривается старой Герой, оживленной любовію къ отечеству. При всей своей слабости почтовая кибитка кажется ему роскошью, въ которой почитаетъ за должное извиняться. Какой Государь!

IX.

О его упражненіяхъ.

Какой Государь былъ когда нибудь столько трудолюбивъ, какъ Фридерикъ? Во время сорокошестилѣтняго царствованія потерялъ онъ только одинъ день; и сей день былъ послѣдній въ его жизни (*). Самые при-

(*) Онъ отправлялъ дѣла свои, какъ обыкновенно, и 15 числа Августа, и поистиннѣ былъ только безъ дѣйствія 16 числа, потому что въ слѣдующую ночь въ третьемъ часу онъ скончался. Написаны были на стѣнныхъ часахъ, находившихся въ его комнатѣ, сіи слова Титовы: „Diem perdidi; я нынѣ день потерялъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Монархъ Прусской предварительно избралъ его, чтобъ во всемъ подражать Римлянину.

припадки опасной болѣзни не прерывали теченія его дѣлъ.

Нѣкоторые часы, посвященные имъ на успокоеніе въ ночи, никогда не были всѣ употреблены на оное; ибо въ сіе время спокойствія размышлялъ онъ, что ему надлежало впредь дѣлать, и отъ сего-то произошла поговорка, что Фридерикъ имѣлъ въ своей власти и сонъ (*). Онъ обыкновенно ложился спать въ десятомъ часу, но при концѣ жизни своей въ девятомъ, а вставалъ всегда въ четвертомъ.

Какъ

(*) Это была одна изъ Аннибаловыхъ добродѣтелей; и разсуждая о немъ по достоинствамъ, которыя сдѣлали его славнѣйшимъ Генераломъ тогдашняго времени, можно приложить и къ Фридерику все то, что говорили въ похвалу Кароагенскому Герою. Неутомимъ, попечителенъ, какъ онъ, Прусской Герой также не иное какое время употреблялъ на сонъ, какъ только то, какое оставалось ему послѣ исправленія дѣлъ, не разбирая ни дня ни ночи. Его всѣ видѣли, когда онъ, обернувшись въ епанчу, спалъ на землѣ въ своемъ стану. Аннибалъ первой и послѣдній въ сраженіи, не менѣе обожаемый своими солдатами, подавалъ имъ собою примѣръ въ трудолюбіи и неустрашимости, и единое его имя было для нихъ знакомъ побѣды.

Какъ скоро онъ примѣтилъ, что въ старости своей нечувствительно просыпалъ то время, которое опредѣлялъ на упражненіе: то тотчасъ же въ семъ исправился, приказавъ лакею будить себя въ четвертомъ часу и болѣе не давать спать.

Сей лакей по обыкновенію своему разбудилъ его нѣкогда въ назначенное время. Монархъ, утружденный на канунѣ того дня, сказалъ ему, что еще хочетъ спать; но слуга, наблюдая въ точность данное ему приказаніе, ничего не слушаетъ. Фридерикъ сколько его ни просилъ, однакожъ онъ не давалъ болѣе ему спать, за что онъ весьма разсердился; наконецъ вскочивши съ постели во всемъ своемъ гнѣвѣ: „Бездѣльникъ! сказалъ онъ сему „неупросимому лакею, ты хорошо сдѣлалъ; „въ противномъ случаѣ ты бы въ семъ „раскаивался.„

Находился въ его комнатѣ нишъ, закрытой богатою занавѣсью, вышитою разными цвѣтами. Говорили, что тамъ былъ храмъ Морфеевъ, убранной великолѣпно и вышитой Французскою золотошвейкою. Но

когда

когда открыли занавѣсь, что было тамъ найдено? - Библіотека. Маленькая на ремняхъ кровать, простой тюфякъ за ширмами, составляли Царское ложе.

Вставши съ постели, Король высѣкалъ огонь, брилъ бороду и самъ убирался: все сіе занимало не болѣе четверти часа. Послѣ сего входили къ нему Секретари съ дѣлами отъ его Министровъ, которыя онъ всѣ читалъ, диктовалъ, или самъ писалъ на поляхъ въ краткихъ словахъ свои отвѣты; послѣ обѣда опять приносимы были ему оныя дѣла, совсѣмъ оконченныя; и тогда онъ паки оныя пересматривалъ и подписывалъ. Поутру не читалъ онъ писемъ, на которыя обыкновенно желалъ всегда самъ отвѣчать. Сіе первое его упражненіе, начатое въ пятомъ часу, оканчивалось въ седьмомъ. Съ седьмаго и до осьмаго часу удостоивалъ онъ аудіенціи Градоначальника Потсдамскаго и прочихъ своихъ Адьютантовъ. Онъ слушалъ всѣ ихъ доношенія, освѣдомлялся о всемъ, что происходило на канунѣ, а послѣ сего давалъ приказанія для всего гарнизона.

По

По томъ приносили ему шоколадъ, которой пилъ онъ самъ одинъ. Въ одиннатцатомъ часу ѣздилъ онъ командовать отрядомъ идущихъ солдатъ на караулъ; по окончаніи чего передъ обѣдомъ онъ прохаживался. Иногда въ хорошую погоду ѣздилъ также за городъ для учиненія смотру нѣкоторымъ баталіонамъ. Въ одинъ день, какъ приказалъ онъ выдти для ученія нѣсколькимъ только ротамъ, одинъ иностранецъ, видя ихъ въ семъ упражненіи, спросилъ: какъ называется командующій сими ротами, столь искусно дѣйствующими, старой Маіоръ, коего проворству онъ съ часъ уже удивлялся. Но удивленіе его гораздо усугубилось, когда онъ узналъ, что это былъ самъ Фридерикъ, которой занимался симъ упражненіемъ три или четыре раза съ своими Министрами. По окончаніи сего ученія ходилъ онъ по городу, въ провожаніи пажа или одного кучера, для посѣщенія новыхъ своихъ строеній.

Естьли въ какой день не уходилъ онъ со двора поутру: то обыкновенное его общество приходило къ нему въ двѣнатцатомъ часу; но при концѣ жизни своей отсылалъ

онъ

онъ его въ полдень; ибо любилъ одинъ объдать.

По окончаніи объда Секретари его вторично приходили къ нему съ дълами, кои онъ поутру читалъ; онъ пересматривалъ оныя, подписывалъ и приказывалъ печатать при себъ; и разнощики сихъ писемъ часто были единые хранители подписей, которыя Король самъ писалъ.

Общество приходило опять къ нему въ пятомъ часу, и было до шестаго или до седьмаго. Тогда отсылалъ онъ его, приказавъ притомъ позвать къ себъ музыкантовъ, или, со времени, какъ онъ оставилъ всъ концерты, своего чтеца. Онъ заставлялъ читать его нъкоторыхъ хорошихъ древнихъ Писателей, также и новыя Французскія сочиненія. Иногда бралъ онъ книгу у своего чтеца и самъ вслухъ оную читалъ. Онъ любилъ, чтобъ чтецъ читалъ предъ нимъ книгу весьма медлительно, однимъ тономъ, всегда одинакимъ и безъ всякихъ восклицаній. Всякъ можетъ судить о трудности такого чтенія; ибо при концъ его жизни на-

находилось у него четыре чтеца, которыхъ онъ болѣе не употреблялъ; однакожъ они получали обыкновенное свое жалованье. Послѣдній изъ его чтецовъ былъ весьма малаго росту; отъ чего прозвалъ онъ его скорымъ чтецомъ.

По окончаніи чтенія ужиналъ онъ съ избраннымъ своимъ обществомъ; но при концѣ жизни своей отвыкши ужинать, занимался еще онъ дѣлами наединѣ до самаго того времени, когда готовился чрезъ необходимое отдохновеніе къ понесенію трудовъ наступающаго дня. Такимъ-то образомъ проходилъ день за днемъ, безъ всякаго другаго различія, кромѣ происходящаго отъ разныхъ его упражненій; и, какъ Великій Помпей, Фридерикъ не зналъ инаго облегченія, какъ перемѣны одного упражненія на другое.

Отъ сего-то непремѣняемаго порядка, отъ сего благоразумнаго употребленія времени проистекало непрерывное и удивительное управленіе его Королевства. Никогда не случалось ни малѣйшаго замедленія или

 от-

отсрочки къ другому дню; онъ все самъ видѣлъ, все самъ дѣлалъ: словомъ, онъ управлялъ своимъ Королевствомъ столь легко, какъ искусной откупщикъ правитъ своею мызою.

Военныя его упражненія, не менѣе какъ и прочія, подлежали точнѣйшему и полезнѣйшему порядку, которой почиталъ онъ своимъ закономъ. Съ Февраля мѣсяца всѣ его войска, находившіяся во внутренности Пруссіи и до самыхъ бреговъ Рейна, начинали учиться, между тѣмъ какъ онъ съ своей стороны дѣлалъ расположенія смотрамъ. Въ началѣ Маія Фридерикъ занимался частнымъ смотромъ своихъ полковъ въ Потсдамѣ и Берлинѣ; 15, 16 и 17 числа того же мѣсяца были употребляемы на главной смотръ въ Потсдамѣ; 19 числа ѣздилъ онъ на смотръ въ Спандау; 20 въ Берлинѣ, послѣ котораго возвращался къ обѣду въ Потсдамъ, откуда отправлялся того же дня въ Магдебургъ. Перваго числа Іюня пріѣзжалъ онъ въ Кистринъ, и останавливался на нѣкоторое время въ Новой Маршѣ для осмотрѣнія и продолженія подчинки сея провинціи, кото-

рая

рая наиболѣе претерпѣла разоренія отъ Россійскихъ войскъ. Онъ дѣлалъ въ Статтгардѣ смотръ своимъ войскамъ, находившіся въ Помераніи; по томъ Прусскимъ войскамъ подалѣ Моккерау. По возвращеніи же своемъ въ Потсдамъ, сей неутомимый Монархъ занимался инымъ смотромъ не менѣе перваго полезнымъ, то есть смотромъ своихъ Министровъ. Тогда приходили они давать ему во всемъ отчетъ; представлять состояніе его провинцій, и получать отъ него повелѣнія для годовой поправки, которой провинціи его требовали. Фридерикъ въ тотъ день давалъ онымъ Министрамъ столъ, по окончаніи котораго тотчасъ отсылалъ онъ ихъ въ свои мѣста. На другой день была очередь общаго Управителя государственныхъ доходовъ, который съ своей стороны давалъ ему во всемъ отчетъ. Осмотрѣвши все такимъ порядкомъ, сличивши все и исправивши, съ радостію предпринималъ онъ ежедневное теченіе домашнихъ своихъ упражненій.

Въ Августѣ мѣсяцѣ ѣздилъ онъ на смотръ въ Силезію, послѣ котораго занимался коммерціею сея провинціи. Онъ со-

вѣтовался съ самыми купцами, и не гнушался разговаривать съ ними о маловажнѣйшихъ подробностяхъ, которыя могли поспѣшествовать ко благу общему. Дорогою посѣщалъ онъ свои крѣпости; по томъ возвращался въ Потсдамъ для произведенія важныхъ своихъ осеннихъ дѣйствій, куда великое множество Офицеровъ изъ всѣхъ провинцій пріѣзжали обучаться правиламъ, которымъ вся его армія должна была сообразоваться. Какъ въ 1785 году былъ онъ не въ состояніи болѣе тамъ присутствовать, то не преминулъ оныя на планахъ изобразить. Слухъ о войнѣ принудилъ его на бумагѣ означить движеніе своихъ войскъ; и по такой нетерпѣливости довольно видно, сколь недѣйствіе было ему несносно.

За нѣсколько дней передъ смертію приказывалъ онъ своимъ Адъютантамъ дѣлать смотры войскамъ своимъ въ Силезіи. Мы часто видѣли сего Героя, сражающагося съ опасными болѣзнями, и побѣждающаго самую природу, когда пріѣзжалъ онъ къ своимъ войскамъ во время перелома болѣзни, которая при-

приводила въ крайнюю опасность жизнь его. Двое сильныхъ лакеевъ сажали его на лошадь; тонкое красное покрывало скрывало блѣдность лица его отъ глазъ солдатовъ. Онъ командовалъ тогда отрядомъ войскъ, разводилъ ихъ по карауламъ, и по возвращеніи во Дворецъ безъ сомнѣнія чувствовалъ въ себѣ большую боль, нежели какъ прежде; но душа торжествовала въ семъ случаѣ надъ тѣломъ! Герой былъ этимъ доволенъ. Сверхъ сего находилъ онъ удовольствіе уничтожать слухъ, которому болѣе или менѣе опасное состояніе его здравія было причиною; и сіе необманчивое удовольствіе услаждало его и при смерти.

Государь, столь трудолюбивый, думающій по примѣру Цезаря, что чрезъ всю жизнь свою не сдѣлалъ онъ столько, сколько оставалось еще ему дѣлать, не имѣлъ почтенія къ лѣнивымъ людямъ, коихъ терпѣть при себѣ не могъ. Поощренный примѣромъ своего Государя Кеперъ, старой Государственной Секретарь, и Стелтеръ, умерли за своими дѣлами; но и Фридерикъ уже ли менѣе ихъ сдѣлалъ? „Я называюсь

„Королем не для своего удовольствія,„ говаривалъ сей великій мужъ. Да и дѣйствительно, какая другая должность, какъ не сія такого Государя, на котораго возложена жизнь и надежда толикихъ миліоновъ людей? „Государь, исполняющій свою „должность, есть самый бѣднѣйшій изъ „всѣхъ людей; а пренебрегающій оную, са„мый презрительный,„ сказалъ одинъ Нравоучитель. Выборъ былъ бы жестокъ; но онъ и весьма труденъ: не для того, что лѣнивый Государь могъ бы быть почитаемъ; сей порокъ весьма не приличенъ Царскому состоянію: но трудолюбивой Государь не менѣе поистиннѣ злощастенъ. Онъ можетъ искать щастія, какъ самый послѣдній подданный. Удовольствіе дѣлать людей щастливыми, не всегдашнимъ ли есть для него предметомъ? И можетъ ли онъ сіе сдѣлать, не будучи самъ таковымъ? Сверьхъ сего порядокъ, каковъ можетъ онъ завести въ своемъ правленіи, облегчитъ въ семъ случаѣ его тяжесть, и внутреннее удовольствіе будетъ за сіе ему наградою. Упражненіе есть удовольствіе благоразумнаго человѣка: Фридерикъ всегда оное чувствовалъ; и такое удо-

удовольствіе довольно было кЪ его благополучію. Безпрестанно думая о произведеніи важнѣйшихЪ дѣлЪ, служащихЪ кЪ общественной пользѣ, все онЪ самЪ разсматривалЪ, даже и самыя мѣлочи. Государственные доходы, коммерція, разщетЪ, политика, ученіе, все подлежало его свѣданію; и надлежитЪ нѣсколько лѣтЪ искать другой головы, толикими дарованіями украшенной.

Естьли разсуждать о ученыхЪ его упражненіяхЪ, глубокомЪ знаніи и сочиненіяхЪ: то трудно понять, какое время могЪ отнять ФилософЪ у Монарха для учиненія и вЪ семЪ имени своего безсмертнымЪ. Всѣ тѣ минуты, которыя неблагоразумный обыкновенно почитаетЪ потерянными, ФридерикЪ посвящалЪ оныя МузамЪ, и сЪ радостію вЪ нихЪ упражнялся. Они сопровождали его даже и на Беллонскія поля, веселили его вЪ опасностяхЪ и увѣнчевали лавромЪ главу Героя. ТакимЪ образомЪ МаркЪ Аврелій, стоящій сЪ войскомЪ своимЪ на необработанныхЪ поляхЪ вЪ Германіи, сообщалЪ Философскія свои разсужденія благоразумному мужу, которому надлежало нѣкогда сЪ

нимъ сравниться. По примѣру Катона, Фридерикъ раскаявался, когда провождалъ день не научась чему нибудь. „Ученіе, говорилъ „онъ, изобрѣтено для разсудка, такъ „точно, какъ телескопъ для смотрѣнія; а „упражненія для человѣческихъ рукъ: при„вычка все дѣлаетъ легкимъ.„

Легко судить можно, что Государь, столь рачительно упражняющійся, не любилъ долгихъ посѣщеній; онъ обыкновенно имѣлъ привычку учтиво отпускать отъ себя братьевъ своихъ и сестеръ, или кого нибудь другаго, когда они прожили нѣсколько дней въ Потсдамѣ; куда сверьхъ того пріѣжжали они безъ приглашенія. „Я узналъ, гово„рилъ онъ имъ, что вы хотите завтра „меня оставить; я весьма о семъ жалѣю, „однакожъ не смѣю васъ удерживать (*).„

На-

(*) Король спросилъ нѣкогда у ученаго, въ присутствіи Маршала Милорда, что есть скука? „Ваше Величество! отвѣчалъ ему ученой: ни „вамъ, ни Милорду, ни мнѣ, не должно дѣ„лать такого вопросу; но естьли Ваше Вели„чество пожелаете путешествовать въ другіе „Европейскіе Дворы, то тамъ получите до„воль

Наконецъ или онъ оставлялъ скипетръ, или равновѣсіе Ѳемисы (что у него было одно и то же), чтобъ прибѣгнуть къ последней помощи Царей (*); или, взявши перо, разговаривалъ онъ съ благоразумными людьми, или обучалъ Героевъ. Фридерикъ при каждомъ шагѣ безчисленныхъ своихъ упражненій оставлялъ по себѣ незагладимые знаки славы и наставленія Государямъ.

X.

О его экономіи, или бережливости.

Фридерикъ, будучи Принцемъ, велъ себя расточительно: любовь къ наукамъ не истребляла въ немъ склонности къ увеселеніямъ; но какъ учинился Королемъ, то единыя Музы сопутствовали ему на тронъ: расточительность уступила мѣсто разумной бережливости, а увеселеніе Царскимъ должностямъ.

„вольныя свѣденія о сей болѣзни, и можетъ „быть Ваше Величество будете соучаствовать „въ оной.„

(*) Онъ приказалъ написать на всѣхъ своихъ пушкахъ сіи слова: Vltima ratio Regum.

Одна Французская Актриса, которую онъ осыпалъ нѣкогда подарками, узнавши, что благодѣтель ея сдѣлался Королемъ, спѣшила пріѣхать къ нему въ Берлинъ. Но щастіе въ сей разъ обмануло ее въ надеждѣ, и похвалы, какія она получила, послѣдовали за награжденіемъ столь малымъ, что она не могла удержаться отъ удивленія. „Когда я былъ Королевской Принцъ, сказалъ „ей Фридерикъ: то раздавалъ свое богат„ство; но какъ сдѣлался Королемъ, то я „теперь не иной кто, какъ управитель бо„гатства моихъ подданныхъ.„

Маркъ Аврелій говаривалъ, что онъ ничего не имѣлъ у себя собственнаго; что Дворецъ не ему принадлежалъ: равно такъ и Философъ, Король Прусской, почиталъ, что Королевскимъ достоинствомъ почтенъ для того единственно, чтобы справедливо награждать честныхъ людей. „Я издерживаю „изъ моихъ доходовъ только то, говорилъ „онъ, что выигрываю, и живу однимъ вы„игрышемъ.„ Фридерикъ II весьма былъ различенъ нравами отъ Фридерика I: онъ почиталъ всякую наружную пышность театраль-

атральною декорацією, а великихъ особъ въ пышномъ убранствѣ актерами, которые хотя въ Августовомъ и Цезаревомъ платьѣ, но все тѣ же комедіанты.

Но такое презрѣніе пышности, происходящее отъ философіи, которую не льзя однакожъ приписать по справедливости къ другимъ его чувствамъ, никогда не простиралось на удовольствія, могущія доставить полезныя увеселенія. Онъ имѣлъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и наилучшихъ своего времени Италіянской оперной домъ, превосходной оркестръ и хорошую Французскую комедію. Масленицы были празднуемы въ Берлинѣ чрезвычайно весело и со всѣми возможными забавами. Онъ возобновилъ также великолѣпныя публичныя игры 1750 года въ своей столицѣ, къ удовольствію сестры своей Барейтской и Марграфа ея супруга. Четыре рыцаря, представляющіе Римлянъ, Карѳагенцевъ, Грековъ и Персовъ, были Принцы: Вилгельмъ, Генрикъ, Фердинандъ, братья Фридериковы, и Марграфъ Карлъ. Награжденіемъ были золотыя кольцы, раздаваемыя Принцессою Амеліею побѣдителямъ, которые

рые были Принцы: Вилгельмъ и Генрикъ Прускіе; Герцогъ Фердинандъ Браунзвскій и Генералъ Циттенъ. Волтеръ окончилъ сіе празднество слѣдующимъ прекраснымъ Мадригаломъ, который сказалъ онъ не готовясь:

Ни въ Греціи когда, ни въ Римѣ не бывало
Толико славныхъ игръ, толикихъ наражденій;
Я вижу, Марсовъ сынъ подъ видомъ здѣсь (Париса;
Венера здѣсь видна, дающая яблоко.

Фридерикъ не имѣлъ хорошаго мнѣнія о тѣхъ людяхъ, которыя въ убранствахъ своихъ были слишкомъ щеголеваты. Сколько бы они ни убирались, часто говаривалъ онъ, но уши ихъ всегда видны. Одинъ щеголь пришелъ къ нему въ кафтанѣ, изъ самаго тонкаго и прекраснаго сукна мяснаго цвѣта сдѣланномъ: тотчасъ притворился Король, будто его не видитъ; изъ сего щеголь скоро понялъ, что сіе значило, и пошедши домой, перемѣнилъ платье. Тогда Фридерикъ принялъ его съ обыкновенною своею пріятностію; но между прочимъ спросилъ его: не повстрѣчался ли онъ на дорогѣ съ

од-

однимъ дуракомъ, котораго онъ видѣлъ, какъ прошелъ мимо его окошекъ въ платьѣ мяснаго цвѣта?

Король приказалъ нѣкогда призвать своего портнаго, которой и прiѣхалъ въ замокъ, будучи одѣтъ какъ какая знатная особа. Но Фридерикъ продержалъ его въ передней съ часъ, запретивъ пускать его въ свой кабинетъ. Портной сколько ни кашлялъ, сколько ни переходилъ съ мѣста на мѣсто, сколько ни показывалъ свою мѣрку, и какъ низко ни кланялся при каждомъ движенiи Его Величества: однакожъ Король на него и не посмотрѣлъ. Наконецъ вышелъ онъ изъ передней, чтобы симъ означить свой приходъ; но лакеи насмѣявшись надъ нимъ, показали ему глупость его. Тогда возвратился онъ домой, и переодѣвшись въ ремесленническое свое платье, пришелъ опять къ Королю держа въ одной рукѣ мѣрку, а въ другой ножницы: тогда Фридерикъ немедленно приказалъ ему снять съ себя мѣрку.

Сей Великiй Государь былъ столь простъ въ своемъ убранствѣ, что даже иног-

да й не радѣлъ объ ономъ. Кафтанъ голубаго цвѣту, съ красными обшлагами, желтой камзолъ, и желтые или чорные штаны, большая шляпа, украшенная бѣлымъ перомъ, и сапоги; такая-то была повседневная его одежда. Праздничное же его платье, которое надѣвалъ онъ весьма рѣдко, было: кафтанъ голубаго бархату, съ вышитыми серебромъ петлицами, на подобіе гвардейскаго мундира, вотъ и весь его гардеропъ!

Такой недостатокъ въ платьѣ привелъ его въ крайнее замѣшательство при послѣднемъ смотрѣ въ Силезіи. Тогда шелъ безпрестанной великой дождь; а Монархъ на 74 году почиталъ себѣ за должность подавать собою примѣръ своимъ солдатамъ въ претерпѣніи всѣхъ неудобствъ. Это происходило въ десятомъ часу въ половинѣ; а въ первомъ часу были приглашены Генералы къ его столу. И такъ думалъ онъ высушить въ одинъ часъ кафтанъ свой, камзолъ, штаны, рубаху, сапоги, шляпу и даже толстыя свои кожаныя перчатки. Все платье его такъ отъ дождя вымокло, что опасно было, чтобы каждая изъ сихъ штука высохши не сдѣлалась

лась узкою, и чрезъ то не былъ бы принужденъ Король принимать званныхъ къ обѣду гостей въ праздничномъ бархатномъ своемъ платьѣ, которое было бы уже повседневнымъ.

Лакеи его не сыскали лучшаго средства, какъ раздѣть нѣкотораго крестьянина, почти ровнаго росту съ Королемъ, и сушить на немъ, какъ на нѣкоторомъ образцѣ, вымоченное платье. Сей простосердечной крестьянинъ не зная, чемъ переодѣванье его должно кончиться, дѣлалъ весьма низкiе поклоны, когда хотѣли его раздѣвать, и не могъ изъ почтенiя склониться, чтобъ надѣть Королевское платье; но наконецъ отчасти силою, а отчасти охотно повары и солдаты съ помощiю камердинеровъ повели его въ кухню, гдѣ надѣвши ему на голову Королевскую шляпу, нижнее и верхнее платье, застегнули пуговицами, и распростерши руки ему кресто образно, на которыя надѣли Фридериковы перчатки, приказали ему въ такомъ смѣшномъ положенiи тихонько кругомъ около огня вертѣться. Уповательно, что онъ послѣ сего не заставилъ себя долго просить пере-

переодѣться въ крестьянское свое платье. Фридерикъ, знающій цѣну самаго послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, и вѣдая совершенно, что оными безъ всякой насмѣшки управлять должно Государю, бранилъ своихъ лакеевъ за непристойную насмѣшку, и послалъ крестьянину довольную сумму денегъ, въ награжденіе за то, что онъ имѣлъ честь надѣвать Королевское платье.

На семъ-то смотру всѣ Офицеры Королевской свиты убѣжали отъ дождя подъ деревья, вблизи находившіяся, и Фридерикъ, оборотясь назадъ и никого около себя не увидя, кромѣ одного Маркиза Фаіетта, оказалъ ему величайшее почтеніе, нежели всѣмъ прочимъ. Но увы! нашъ старой Герой, побѣжденной можетъ быть храбростію, въ послѣдній уже разъ презиралъ здѣсь самыя стихіи!

По смерти его не болѣе десяти рубахъ нашлось въ его гардеропѣ; сверхъ сего были онѣ столь изношены, что Маіоръ Енгель, которому поручено было убрать его и положить на одръ, былъ въ великомъ недоумѣніи при выборѣ оныхъ.

Мар-

Марграфша Барейтская ежегодно посылала къ своему брату въ подарокъ по 12 рубахъ, и съ того времени, какъ она умерла, то есть лѣтъ съ 28, никому онъ не давалъ оныхъ шить (*). Но естьли Фридерикъ въ сихъ вещахъ былъ недостаточенъ предъ прочими Государями, то никто напротивъ того не имѣлъ столь хорошихъ книгъ, какъ онъ; и собственная его бережливость довольно доказываетъ, что онъ болѣе помышлялъ о другихъ, нежели о самомъ себѣ.

Головная его прическа была пристойна, хотя и не слишкомъ радиво онъ убирался. Тупей и нѣсколько пуклей, которыя онъ самъ ставилъ, составляли всю головную его уборку. Все его убиранье занимало не болѣе четверти часа, того времени, къ которому онъ поистиннѣ былъ весьма алченъ.

(*) Это покажется невѣроятно, естьли разсуждать, что сестра его ежегодно присылала ему такіе подарки чрезъ 20 лѣтъ. Герцогиня Брауншвигская, другая Фридерикова сестра, посылали также ему каждаго года полукафтанъ, которой служилъ ему потомъ вмѣсто халата. Онъ заплатилъ ей 20000 ефимковъ (12000 рублей).

Столъ его въ Потсдамъ состоялъ изъ восьми кушаньевъ, изъ которыхъ четыре были приготовлены по Французски, два по Италіянски, а два по собственному его вкусу. Къ каждому кушанью приставленъ былъ особенной поваръ. По вечеру приносили ему отъ повара билетъ, на которомъ писалъ онъ, какое кушанье на слѣдующій день готовить; и такъ онъ самъ вѣдалъ всѣ домашніе свои разходы.

Столовой его расходъ, гвардейскихъ его Офицеровъ и придворныхъ людей простирался ежедневно до тритцати трехъ ефимковъ (19 рублей и 8 копѣекъ); не считая вина, плодовъ и дичи, которую охотники доставлять были обязаны, и кромѣ кушаньевъ, приносимыхъ иностранцами, какъ-то Италіянскихъ грибовъ.

Обѣдъ бывалъ у него безъ всѣхъ дальнихъ пріуготовленій; пышность и придворные обряды, при семъ наблюдаемые, были предоставлены для придворныхъ баловъ, которыхъ не могъ онъ избѣгнуть, чтобъ не давать иногда въ Берлинѣ. Тамъ-то велико-

лѣтіе поистиннѣ Царское занимало мѣсто военной и философской простоты, находившейся въ Потсдамѣ. При столѣ, украшенномъ драгоцѣннѣйшимъ золотымъ сервизомъ, служило множество пажей и гайдуковъ, одѣтыхъ великолѣпно. Тогда всѣ знатные его Офицеры одѣвались въ парадное платье и присутствовали на оныхъ балахъ.

Немногіе Государи обращали, какъ Фридерикъ, свою бережливость ко благу своихъ подданныхъ; и для воздаянія достодолжной ему въ семъ справедливости, надлежитъ только устремить глаза на сокращенной щетъ денегъ, употребленныхъ для подчинки его провинцій, изданный въ Берлинской Академіи 25 Генваря 1787 году государственнымъ Министромъ, котораго искусство и вѣрность были приведены въ подозрѣніе клеветниками, заслуги правленія и милости, оказанной ему Государемъ, которые ихъ содержатъ.

По свидѣтельству Государственнаго Министра, Графа Герцберга, число всѣхъ Прусскихъ жителей, простирающееся въ 1740 го-

ду до 2,240,000 душъ, въ 1785 году простиралось уже до 6,000,000, изъ которыхъ много положить, какъ 2000,000 для новыхъ пріобрѣтеній. И такъ не взирая на седмилѣтнюю разорительную войну, число жителей въ царствованіе Фридерика II почти вдвое умножилось. Государственной доходъ отъ фабрикъ простирался въ 1786 году до 34,000,000 ефимковъ (то есть до 20,400,000 рублей).

Вилгельмъ I оставилъ послѣ себя 21 милліонъ ефимковъ, которые Фридерикъ умножилъ до 150 милліоновъ; а армію отъ 60,000 до 70,000, которую онъ утроилъ (*).

Столь

(*) Господинъ Монтескинъ полагаетъ, что какъ единица ко сту, такъ теперешнія войска къ жителямъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Однакожъ одни Прусскія только области содержатъ въ себѣ войска около 24000 человѣкъ; слѣдовательно, по малой мѣрѣ изъ шести милліоновъ служителей будетъ содержаться какъ одинъ къ 25. Франція простирается на двадцать тысячь квадратныхъ миль, что составляетъ по крайней мѣрѣ втрое больше всѣхъ владѣній Прускаго Ко-

Столь усугубленные государственные доходы не произошли отъ несправедливаго стяжанія. Въ Прусскихъ владѣніяхъ не знаютъ еще никакого росту и никакихъ подушныхъ окладовъ. Всѣ государственные доходы получены отъ подашей пріѣзжающихъ, такъ что никакой народъ не можетъ основательно жаловаться, чтобъ онъ былъ хоть малѣйше обиженъ. Великіе доходы служатъ

Королевства. Она содержатъ 20 милліоновъ жителей; но и третьей части оныхъ не можетъ выставить она войска въ разсужденіи того, сколько Пруссія. Но скажетъ кто, что Пруссія отъ сего опустошилась? И то не правда; ея многолюдство по крайней мѣрѣ съ 1745 году удвоилось; при всемъ же семъ надлежитъ помнить, что она двѣнатцать лѣтъ воевала, и войны по большей части были кровопролитныя (то есть въ 1741 и 42 году первая война въ Силезіи; въ 1744 и 45 вторая; въ 1756, 57, 58, 59, 60, 61, 62 годахъ, и наконецъ въ 1778 году). Сіе показываетъ, что Пруссія не кормитъ у себя, какъ Франція, по нѣскольку тысячь безполезныхъ людей; да и одна тысяча стоитъ ей полдюжины защитителей; откуда происходитъ, что число сихъ послѣднихъ должно уменьшиться пропорціонально.

къ усугубленію государственной казны и войска, сихъ двухъ средствъ, могущихъ привести Государя въ состояніе располагать войною и миромъ. Фридерикъ довольно доказалъ пользу, отъ великой государственной казны и сильнаго войска происшекающую, когда завладѣлъ Силезіею, прежде нежели Австрійцы приготовились ее защищать (*).

Миръ,

(*) *Нравоучители болѣе умствующіе, нежели, что самымъ дѣломъ испытующіе, говорили, что истинное сокровище хорошаго Государя должно находиться въ рукахъ его подданныхъ. Они доказываютъ сіе примѣромъ того Государя (я не вспомню его имени), которой отвѣчалъ на укоризны, ему учиненныя въ томъ, что не имѣлъ у себя государственной казны; что его подданные суть расположители его сокровища; и чтобъ доказать сіе, притворился онъ, что имѣетъ нужду въ знатной суммѣ денегъ, которою каждой старался его снабдить и сверьхъ его желаній. Но Фридерикъ конечно зналъ сію исторію; но притомъ вѣдалъ и приключеніе Птоломеево, которой, не имѣя денегъ для произведенія войны съ Селевкомъ, Сирскимъ Царемъ, ласкался сыскать оныя въ кошелькахъ своихъ друзей; но они отравили его ядомъ, дабы оныхъ не начинать.*

Миръ, которымъ Прусской Король наслаждался съ 1763 по 1778 годъ, былъ употребленъ на возобновленіе всѣхъ городовъ и селъ, въ седмилѣтнюю войну разоренныхъ (*). Безчисленное множество новыхъ деревень, поселеній и овечьихъ стадъ, покрывали поля не задолго предъ симъ пустыя; порядочные домы повсюду строились для новыхъ поселянъ, которымъ давали безденежно земли, привилегіи, и даже снабжали скотомъ. Высохшія болоты, песчаныя земли, удобренныя трудолюбивою рукою, сдѣлались плодоносными полями; насажденіе шелковичныхъ деревъ было ободряемо, и шелковой червь, раждающійся въ Сѣверѣ, перенесъ въ его Королевство сокровища Индіи и Италіи.

Фридерикъ ежегодно употреблялъ два или три милліона ефимковъ на единое землепашество. Знатная сумма денегъ была разда-

(*) Извѣстно, что онъ не трогалъ казны въ седмилѣтнюю войну. Приходы изъ Саксоніи и необычайныя контрибуціи замѣнили мѣсто того, что онъ потерялъ въ разхищенныхъ своихъ провинціяхъ; Аглинскія сокровища докончали остальное.

даваема Дворянамъ, которые выплачивалибъ свои долги и обрабатывали земли. Рачительные ученики, обучающіеся на его содержаніи, истребили невѣжество при глазѣ Короля - Философа; многочисленные манифактуры обогатили города. Рѣки, Одеръ, Гавель, Эльба, соединенныя каналами, равно какъ Веcтула съ Нетзомъ, приносили Прусскимъ провинціямъ богатства всего океана.

Солдатскія дѣти и сироты были воспитываемы и обучаемы на содержаніи общаго отца.

Славная фарфоровая фабрика, заведенная въ Берлинѣ, въ скорости не уступала въ достоинствѣ Мессинской и Севской фабрикамъ. Фридерикъ паче всего старался о семъ заведеніи, и удовольствіе, отъ успѣха проистекающее, было единымъ для него награжденіемъ, какое могъ онъ ожидать отъ полезныхъ своихъ учрежденій. Когда онъ умеръ, то и въ то время ожидали еще пригону овецъ изъ Испаніи, которыхъ приказалъ онъ накупить для шерсти въ Бранденбургію.

Ве-

Великое число праздниковъ, которыми наполненъ былъ Календарь, казалось ему зловреднымъ для рачительныхъ упражненій; чего для въ 1754 году оставилъ онъ только праздники: Рождество и Воскресеніе Христово, Пятьдесятницу, Святую Среду и день Покаянія, для Протестантовъ, а прочіе всѣ уничтожилъ. Многіе художники праздновали однакожъ и другіе, но не отъ набожности сіе дѣлали, а по другимъ причинамъ.

Морская торговля равномѣрно привлекла на себя вниманіе Фридериково. Емденъ сдѣлался вольною пристанью; лѣсъ для строенія кораблей покупаемъ былъ за половинную цѣну; Азіатическое общество для Китая и Бенгалы было учреждено по плану Кавалера Туша, въ коемъ Дворянство могло соучаствовать; но неудобство предпринимателей привело оное въ упадокъ.

Фридерикъ въ ежегодныхъ своихъ путешествіяхъ, которыя предпринималъ для удостовѣренія о состояніи своихъ войскъ, приказывалъ деревенскимъ старостамъ къ себѣ приходить. Въ какой только деревнѣ въ

дорогѣ онъ останавливался, то они являлись къ нему и давали точной отвѣтъ въ своихъ уѣздахъ, въ скотѣ, въ качествѣ земли, въ произведеніяхъ, въ лѣсахъ, въ невспаханныхъ поляхъ, въ безполезныхъ болотахъ, наконецъ во всѣхъ возможныхъ поправленіяхъ. Сіи старосты часто провожали его отъ одного уѣзда до другаго, отвѣчая на всѣ его вопросы. Здѣсь-то сей удивительный Король употреблялъ время дороги для узнанія и обозрѣнія всего; что необходимо заставляло тѣхъ, коимъ поручено было управленіе деревень, рачительно отправлять свою должность. Форстмейстеръ, и даже самые городскіе Президенты были подвержены такому же непосредственному допросу. Фридерикъ разсматривалъ ихъ доношенія, наказывалъ лѣность, а напротивъ того прилѣжаніе награждалъ; и трудно было имъ обмануть въ чемъ нибудь такого Государя, котораго опытной и прозорливой глазъ все проницалъ. Онъ самъ слушалъ челобитчиковъ, обиралъ у нихъ челобитныя, и правосудіе его никогда не оставляло безъ удовлетворенія ихъ прозьбы. Погорѣлые дворы, при-

веденные пожаромъ въ несостояніе поправиться, въ скорости были строены на щетъ Королевской, и разоренные непредвидимыми нещастіями граждане одолжены были ему новымъ своимъ благополучіемъ.

Самая лѣность земледѣльца была предупреждена нѣкоторымъ обыкновеніемъ, во всѣхъ его деревняхъ исполняемымъ. Естьли когда случалось, что крестьянинъ по лѣности своей или по какой другой причинѣ оставитъ поле свое невспаханнымъ, тогда прочіе крестьяне той деревни требуютъ отъ него денежнаго штрафу вмѣсто хлѣба. Отъ сего средства нигдѣ не видно было невспаханныхъ полей, и сіе Королевство не претерпѣвало нещастія или презрѣнія отъ своихъ соотечественниковъ. Тѣ напротивъ того, которые особенною своею рачительностію отмѣнили себя отъ прочихъ, могли несомнѣнно надѣяться соразмѣрнаго награжденія.

Одинъ Офицеръ, получившій отъ отца своего небольшую часть земли въ наслѣдство, надѣялся получить прибыль отъ необработанной земли, населивши на оной новыхъ

выхъ поселянъ, число которыхъ чрезъ нѣсколько лѣтъ простиралось до 40 дворовъ. Король, сїе узнавши, желалъ видѣть сего бережливаго Офицера. Разговоръ ихъ не долго продолжался; но многїе Государи и совсѣмъ въ такїя дѣла не входятъ. Я съ позволенїя моихъ Читателей разскажу здѣсь ихъ разговоръ: онъ немногимъ понравится; а другой можетъ его и не читать.

Король.

Для чего ты не прибѣгнулъ ко мнѣ просить помощи?

Экономъ.

Ваше Величество! я не могъ надѣяться получить въ семъ успѣхъ.

Король (улыбаясь).

Никого еще столь честнаго я не видалъ. Сколько стоило тебѣ завести поселенїе?

Экономъ.

Для постройки домовъ стоило мнѣ только заплатить за привозъ моего лѣсу.

Король.

Но откуда ты набралъ поселянъ?

Эко-

Экономъ.

Частію изъ Саксоніи; а частію изъ Лузаціи.

Король (дружески ударивъ его по плечу).

Нехудо, другъ мой, нехудо. — И разговоръ ихъ кончился подаркомъ двѣнатцати тысячь ефимковъ.

Изъ сего достовѣрно можно заключить, что Государь, умѣющій такъ щедро награждать прилѣжность, умѣлъ также наказывать худые поступки. Нѣкоторой Баронъ между прочими испыталъ сіе на себѣ. Онъ, проигравшись въ Парижѣ, пріѣхалъ въ Пруссію и просилъ у Короля помощи, которой вмѣсто отвѣта послалъ къ нему въ маскѣ лакея.... Сей поступокъ приводитъ мнѣ на память другой подобной сему примѣръ, которой явственно докажетъ, сколь Фридерикъ не любилъ безразсудныхъ расходовъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно посылать по нѣскольку тысячь ефимковъ вдовой Принцессѣ А. *** Но узнавши, что она нѣкогда проиграла сію сумму въ карты, въ слѣдующій годъ вмѣсто денегъ послалъ ей четыре ко-

ро-

робочки, которыя сдѣланы были на заказъ на фарфоровой его фабрикѣ.

XI.

О его справедливости.

Платонъ говорилъ, что свѣтъ былъ бы благополученъ, естьлибъ Цари были Философы, или естьлибъ Философы были Царями. И дѣйствительно такой Государь всегда былъ бы справедливъ.

На двадцатомъ году своего возраста Фридерикъ открылъ себя цѣлой Европѣ въ сочиненіи своемъ противъ Махіавеля; но лишь только вошелъ на престолъ, то соединя примѣръ къ правиламъ, собралъ онъ своихъ Министровъ и говорилъ имъ: „Государи мои! во всякое время, когда частная моя польза будетъ соединена съ общею, предпочитайте вы всегда общую „моей.„ Фридерикъ, имѣя еще едва 29 лѣтъ, сіе говорилъ. Послушаемъ же его по сорокочетырехлѣтнемъ царствованіи; мы и тогда столь же справедливымъ его увидимъ.

Во время послѣдняго путешествія своего въ Пруссію, въ 1784 году, сказалъ онъ Г. Массову. „ Я сдѣлалъ васъ Президентомъ, „ и для того по справедливости должно мнѣ „ васъ знать; ибо я первой наблюдатель „ правосудія въ моихъ областяхъ. Но я не „ могу все самъ отправлять, для чего не- „ обходимо надлежитъ имѣть мнѣ такихъ „ людей, какъ вы, для вспомоществованія. „ На меня возложена трудная должность; „ ибо я не только долженъ дать отвѣтъ „ во злѣ, мною содѣланномъ, но и въ добрѣ, „ котораго я не дѣлаю. Вы теперь находи- „ тесь въ такомъ же состояніи. Вообще долж- „ ны вы справедливо судить, не разбирая „ ни Принца, ни Дворянина, ни крестьянина; „ слушаете ли? Сіе паче всего я вамъ при- „ казываю; или. . . . мы поссоримся. . . „ Есть ли у васъ земли? — Нѣтъ, Ваше Ве- „ личество. — Намѣрены ли вы купить? „ — Ваше Величество! я не имѣю потреб- „ наго къ сему достатка. — Хорошо. И „ такъ вы знаете, что такое есть бѣдность, „ а тѣмъ паче будете ревностны въ защи- „ щеніи утѣсняемой бѣдности. „

Во время войны 1756 года Король, находясь зимою въ Берлинѣ, посѣтилъ нѣкогда одну госпожу, которая хвасталась хорошими лакеями. Когда уходилъ онъ уже отъ нее, то сказалъ нѣкоторымъ Офицерамъ, при немъ тогда бывшимъ: „Это весьма жалко, что такія хорошія люди служатъ у „женщины.„ Тогда одинъ изъ его Офицеровъ отвѣчалъ ему, что Его Величество можетъ ихъ у себя имѣть: „Весьма бы хорошо было, отвѣчалъ Король, естьлибъ „это могло сдѣлаться честно.„ Они наконецъ и въ самомъ дѣлѣ ему достались; но что же? Въ скорости по томъ его Офицеры не понявъ точнаго смыслу послѣднихъ его словъ, и почитая себя уполномоченными брать всѣхъ къ себѣ въ лакеи, кто бы только ни попался въ городѣ; и такъ подлѣкари, перукмахеры и мальчики, шатающіеся на рынкѣ, были ихъ участью; отъ чего повсюду распространился страхъ, и каждой заперщись сидѣлъ дома. Но Фридерикъ лишь только провѣдалъ о семъ злоупотребленіи, то немедленно приказалъ увѣрить всѣхъ запершихся о безопасности; по томъ оборотясь

къ зачинщикамъ такого насилія: „Сей день,
„ сказалъ имъ, есть самой непріятнѣйшій
„ для меня изъ всѣхъ дней, со времени мо-
„ его царствованія.„

Изъ сего случая довольно онъ узналъ, сколько Государь долженъ остерегаться въ своихъ предложеніяхъ предъ такими людьми, которыя всегда толкуютъ его слова, такъ какъ имъ хочется, а наипаче когда не поймутъ точной силы оныхъ.

Мы уже видѣли, что сей Монархъ именно приказывалъ своимъ Министрамъ всегда предпочитать общую пользу собственной его. Но слѣдующіе анекдоты покажутъ, что поступки его и рѣчи основывались на одномъ основаніи.

Ему чрезмѣрно хотѣлось разпространить окружность Сан-Суси; и для сего намѣренъ онъ былъ захватить небольшую частицу земли, на которой стояла вѣтреная мѣльница, весьма ему въ семъ препятствовавшая. Но сверьхъ его чаянія хозяинъ оной отвергнулъ всѣ прибыльныя предложенія, учиненныя ему со стороны Короля.

Фридерикъ приказалъ призвать его къ себѣ; онъ давалъ ему другую мѣльницу, гораздо лучшую его, и много земли, отъ которой могъ бы онъ получать великой доходъ. Но упорной мѣльникъ отвѣчалъ Королю, что его дѣдъ построилъ сію мѣльницу; что при смерти своей отдалъ онъ ее отцу его въ наслѣдство, и что онъ равномѣрно хочетъ оставить ее своимъ дѣтямъ. „Но знаешь „ли ты, сказалъ ему Король сердитымъ „голосомъ (ибо какой бы Государь противо„рѣчіемъ не раздраженъ былъ), вѣдаешь „ли ты то, что я могу взять твою мѣль„ницу за ничто, естьли только захочу?„ – „Конечно, могли бы вы, спокойно отвѣчалъ „мѣльникъ, естьлибъ не было въ Берлинѣ „суда на неправосудіе.„ Король при сихъ словахъ весьма много смѣялся, и съ того времени болѣе уже не думалъ о распространеніи Сан-Суси. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ мѣльница обвалилась; но Фридерикъ приказалъ возобновить ее на свой щетъ.

Нѣкоторые граждане города Риппина, въ которомъ онъ жилъ, будучи еще Королевскимъ

вкимъ Принцемъ, давши тогда ему знатную сумму денегъ въ займы, пришли, какъ онъ сдѣлался Королемъ, обратно оную требовать. Но Король весьма тогда ихъ бранилъ за то, что они, пренебрегши приказаніе Короля, отца его, повѣрили ему въ толикой суммѣ. Они возвратились отъ него въ великомъ неудовольствіи; но пришедъ домой, сколь они были удивлены, нашедши тамъ Королевской ящикъ съ деньгами, превосходящими число данныхъ въ займы Королю.

Король, завладѣвши Саксоніею въ 1756 году, для уменьшенія числа своихъ непріятелей и для поправленія на щетъ ихъ сей земли отъ военныхъ разореній, назначилъ довольную сумму изъ государственныхъ доходовъ; и нашедши въ сей области одного Іезуита Гварина, Духовника Польской Царицы, которой получалъ отъ нее 12,000 ефимковъ (7200 рублей) годоваго доходу; искусно вытеръ первую цифру что составило 2000 ефимковъ (1200 рублей) вмѣсто 12000; да и этого бы много.

Слѣдующій анекдотъ убѣдитъ насъ мыслить справедливо о нашемъ Королѣ-Философѣ. Нѣкоторой Дворянинъ, заключенный уже нѣсколько лѣтъ въ крѣпости Спандау, долженъ былъ еще три или четыре недѣли пробыть въ оной до окончанія назначеннаго сроку, какъ вздумалъ онъ оставить Лютеранской законъ, а принять Реформатской, котораго былъ и Король, надѣясь, что такое отступленіе отъ вѣры исходатайствуетъ ему у Короля милость. Фридерикъ отвѣчалъ на его представленіе, что онъ не безъ причины полагался на его правосудіе, и что онъ не остался бы болѣе года въ Спандау.

Одинъ старой сержантъ просилъ отставки изъ полку и опредѣленія къ сташской должности; и какъ его дѣло представлено было Королю, которой тотъ же часъ вспомнившій, что за тритцать лѣтъ до того сей человѣкъ во время войны 1744 года поступалъ съ подчиненными ему немилосердо, а съ непріятелями обходился по варварски, а не по солдатски, вмѣсто того, чтобъ подписать его челобитную, поступая по своему

ему правосудію, начертилъ внизу оной висѣлицу (*).

Понятіе, какое онъ имѣлъ о своемъ могуществѣ, было достойно Короля-Философа. Какъ отецъ своихъ подданныхъ, наказывалъ онъ невѣрнаго слугу, во зло употребившаго его довѣренность для утѣсненія его дѣтей. Узнавши, что люди, коихъ опредѣлилъ онъ для сбиранія подушнаго окладу, жестоко поступали съ крестьянами, иногда ихъ даже били, немедленно приказалъ объявить указъ, въ силу котораго всѣ тѣ, кои впредь будутъ немилосердо поступать съ крестьянами, лишатся своего мѣста и на шесть лѣтъ будутъ заключены въ крѣ-

 пости

(*) Не смотря на безчисленныя политическія, военныя и ученыя его дѣла, сей Монархъ имѣлъ по самую смерть весьма удивительную память. По прошествіи сорока лѣтъ узнавалъ онъ тѣхъ солдатъ, которыми командовалъ будучи еще Королевскимъ Принцемъ. Столь хорошая память часто приводила въ замѣшательство его Офицеровъ, когда онъ на смотру спрашивалъ сверьхъ ихъ чаянія о какомъ нибудь отсутствующемъ солдатѣ, котораго, они думали, что онъ никогда не примѣтилъ бы.

ности Спандау. Сей Король, от природы тихой и снизходительной к обидѣ, ему учиненной, был напротив того весьма строг, когда его подданные в оной принимали участіе; но и самая его строгость не менѣе достойна была почтенія, как и милосердіе.

Сверх сего власть, какую каждый из его подданных имѣл доносить самому ему свои жалобы, была сильным обузданіем от несправедливости. Его Дворец всегда был отверзт для всѣх людей: самой бѣднѣйшій из его подданных безпрепятственной имѣл к нему доступ. Судьи никого безвинно не утѣсняли, и Монарх самым дѣлом доказал, что и Казначей государственных доходов ничего ему не стоит, когда он нарушает правосудіе, обвинив несправедливо самаго послѣдняго из его подданных (*).

Он

(*) Не мнѣ принадлежит рѣшить сіе дѣло, здѣсь мною упомянутое, произшедшее во время войны 1778 года; или по нѣкоторому стремленію, или желая показать собою пример, сей Монарх по любви своей к справедливости, всегда оную наблюдал. В сомнительных случаях денежной штраф никогда не налагаем был на бѣдняка.

Онъ никого по правосудію своему не производилъ въ вышшіе чины изъ армейскихъ Офицеровъ, кто не окажетъ какого нибудь славнаго дѣйствія. Отъ сего-то повышеніе въ чины, которое во всякомъ другомъ случаѣ почиталось унынiемъ, сдѣлалось ревнованіемъ: цѣлые корпусы войскъ испытали его милость, или негодованіе, смотря по храбрымъ или трусливымъ ихъ поступкамъ.

Какъ драгуны Барейтскіе отмѣнно отличили себя при Гогенфридбергѣ въ 1745 году, то Фридерикъ послалъ имъ письменное свидѣтельство о ихъ храбрости съ жалованною грамотою, въ которой всѣ Офицеры были наименованы. Это была безсмертная для нихъ слава, чему другаго подобнаго примѣра я не знаю. Выше было уже упомянуто, какое особенное награжденіе получилъ въ семъ случаѣ неустрашимый Шассотъ. Другой напротивъ того полкъ, не храбро дѣйствующій въ Саксоніи на войнѣ 1756 года, потерялъ свое оружіе и нѣсколько ротъ солдатъ; но не прежде, какъ по исправленіи сего стыда, позволено было оной дополнить.

Никто не награждалъ столь щедро истинную заслугу, какъ Фридерикъ: онъ не только не приписывалъ себѣ славу другихъ, но еще скорѣе самъ признавался въ своихъ проступкахъ, нежели другихъ въ оныхъ винилъ; однакожъ онъ старался оные исправить. Послѣ сраженія при Зорндорфѣ бывшаго, Англинскій Посланникъ Митхеллъ сказалъ ему: „Ваше Величество! Небо даровало вамъ еще прекрасной день. — Естьли бъ не Зейдлитцъ, отвѣчалъ ему Король, „онъ былъ бы весьма зловреденъ (*).„

Но

(*) Генералъ Зейдлитцъ, предводительствующій конницею, овладѣлъ непріятельскими батареями. Лѣвое крыло сухопутнаго Королевскаго войска приведено было въ безпорядокъ; Зейдлитцъ немедленно летитъ занять мѣста убитыхъ солдатъ, устремляется на непріятеля и принуждаетъ уступить себѣ побѣду. Фридерикъ послѣ сраженія обнялъ его, говоря громко сіи слова: „Я вамъ одолженъ еще и сею побѣдою.„ — „Не мнѣ, Ваше Величество, отвѣчалъ ему Зейдлитцъ, но храбрымъ солдатамъ, которыми „я предводительствовалъ, а наипаче Лейбгвардіи и Капитану Ваненитцу, котораго Ваше

„ Ве-

Но самое убѣдительнѣйшее доказательство о его справедливости (участь истиннаго геройства, которое довольно своею славою, не причастна зависти, и почитается даже въ самыхъ своихъ соперникахъ) оказалось на войнѣ въ 1778 году, когда достойный его наслѣдникъ провелъ въ наилучшемъ порядкѣ чрезъ безчисленныя опасности войско имъ предводительствуемое въ Богеміи, что Фридерикъ сказалъ ему, вышедши на встрѣчу: „Съ сего дня почитаю я васъ не „такъ, какъ своего племянника, но какъ „роднаго своего сына; вы сдѣлали все то, „что самый опытной и искусной Генералъ „могъ бы сдѣлать.„

„Величество должны щедро наградить; ибо онъ „сражался какъ левъ.„ Зейдлитцъ еще въ своемъ младенчествѣ оказалъ знаки природной своей неустрашимости. Нѣкогда засталъ его отецъ упражняющагося верькомъ на лошади между крылами вѣтреной мѣльницы. Прусская конница обязана ему своею славою, такъ какъ сухопутное войско одолжено своею старому Принцу Ангалту Дессау, которой предводительствовалъ онымъ сорокъ лѣтъ еще во время Вильгельма I и Фридерика II.

Съ какимъ чистосердечіемъ отдавалъ сей Герой справедливость и самымъ даже своимъ непріятелямъ, въ письмѣ, писанномъ имъ къ Маршалу Милорду послѣ нещастнаго дня при Коллинѣ!

„Императорскіе гренадеры, писалъ онъ „къ нему, составляютъ безсравненное вой„ско. Сто ротъ защищали одно возвышен„ное мѣсто, которымъ наилучшее сухопут„ное мое войско завладѣть не могло. Фер„динандъ, онымъ предводительствующій, „седьмь разъ отступалъ отъ атаки. Не„пріятели преимуществовали безчисленною „артиллеріею, и притомъ весьма хорошею. „Она дѣлаетъ честь Лихтенштейну. Я „имѣлъ весьма малое число сухопутнаго „войска, а конница моя хотя и вся тамъ „находилась, однако ничего не дѣйствовала, „кромѣ какъ въ одной только атакѣ, ко„торую я сдѣлалъ съ оною. Много полковъ „съ нашей стороны побиты. Я весьма бо„юсь, чтобы и братья мои не подпали „такому же жребію; ибо они весьма от„важны. Щастіе намъ не доброжелательстве-

„вало

„вало: двадцать три баталіона не могли „прогнать 60000 непріятелей, на удобном „мѣстѣ расположившихся. Въ другой разъ „мы поступимъ умнѣе; а сего дня щастіе „намъ совсѣмъ не благопріятствовало. Я „его и прежде предвидѣлъ; оно есть жен„щина, а я не любовникъ. Оно доброжела„тельствуетъ госпожамъ, которыя имѣютъ „со мною войну. Что скажете вы о семъ „союзѣ противъ Маркиза Брандебурга? Что „сказалъ бы великой Фридерикъ Вильгельмъ, „естьлибъ увидѣлъ внука своего въ распрѣ „съ Россіянами, Австрійцами, почти со „всею Германіею, и со сто тысячью Фран„цузовъ? Я не знаю, стыдно ли бы мнѣ „было имъ уступить; но то достовѣрно „вѣдаю, что имъ не удастся меня по„бѣдить.„

Самые его непріятели принуждены были отдать ему въ семъ справедливость.

Во время набѣга, учиненнаго Россіянами и Австрійцами въ 1760 году на Берлинъ и Потсдамъ, Принцъ Естергази ничего не хотѣлъ взять въ Потсдамѣ, кромѣ одного пор-

порптрета великаго Фридерика. Подобно тому, какъ въ древности, когда Римскіе Преторы обогащались разореніемъ своихъ провинцій, Катонъ не взялъ себѣ ничего изъ всѣхъ Тирренскихъ сокровищъ, кромѣ одного портрета Зенонова.

Самые храбрѣйшіе Французскіе солдаты весьма хорошихъ были мыслей о Фридерикѣ. Одинъ изъ нихъ, будучи плѣненъ въ Ганновѣрѣ 1761 года Англичанами, говорилъ своимъ побѣдителямъ (гораздо съ большею силою, нежели какъ я могу выразить): „Естьли бъ мы имѣли предводителемъ Фридерика, то бы вашъ Британской островъ ни что иное былъ, какъ одинъ изъ нашихъ „конскихъ заводовъ; а вы . . . . . нашими „чесальщиками шерсти (*).„

Послѣ сраженія, при Розбахѣ бывшаго, Фридерикъ, видя одного Французскаго гренадира, защищающагося отъ многихъ его гусаровъ, и никакъ недающагося въ плѣнъ, ска-

---

(*) Шерсть и лошади должны считаться между наилучшими Англинскими произведеніями.

сказалъ ему, приказавъ сперва гусарамъ его оставить: „Почитаешь ли ты себя теперь „непобѣдимымъ?„ — „Ваше Величество! „отвѣчалъ ему Французъ, я былъ бы не„побѣдимъ, естьлибъ вы были моимъ пред„водителемъ„

Орлеанская Герцогиня оказала достопамятной знакъ своего почтенія къ нашему Герою, когда курьеръ Принцъ Субизскаго объявилъ *Лудовику XV*, что Король Прусской, не могши болѣе удержаться (въ Розбахѣ), скоро пріѣдетъ въ Версалію. „Я вос„хищаюсь отъ радости, сказала тогда Гер„цогиня, что увижу хотя одинъ разъ во „всю жизнь мою Короля.„

XII.

О его умѣренности.

Фридрикъ любилъ славу; но просвѣщенъ будучи ученіемъ Философіи, любилъ славу полезную. На войнѣ Марсъ, во Дворцѣ Нума: единое простое и спасительное названіе Отца отечества удовлетворяло все его

честолюбіе. Но коль-крашно получалъ онъ отказъ въ желаемомъ миръ, котораго цѣну единое его сердце довольно чувствовало! Сколько разъ не силились его побѣдить для полученія онаго! Письмо, которое онъ писалъ къ Маріи Терезіи по взятіи Бреслау въ 1757 году, подтвердитъ сіе разсужденіе. Въ немъ увидимъ слова побѣдителя, жалѣющаго проливать человѣческую кровь.

„Правда, Ваше Величество получали „нѣкоторые доходы отъ Силезіи, но они „не долго продолжались; и я съ прискорбно„стію воспоминаю о пролитой человѣческой „крови въ послѣднее сраженіе (*). Я воз„поль-

(*) Побѣда при городѣ Лиссѣ, или Левтенѣ, одержанная самымъ Королемъ съ 30000 человѣкъ 6 Декабря 1757 года, доставила Королю всю Силезію, кромѣ города Швейдница, которой былъ уже осаждаемъ; и за сею побѣдою послѣдовало взятіе Бреслау девятагонадесять числа того же мѣсяца. Гарнизонъ, находившійся тамъ, простирался до 17,536 человѣкъ, и весь взятъ былъ въ плѣнъ. Сіи два сраженія стоили неприятелямъ Королевскимъ 46,236 человѣкъ; а Фри-

„пользовался побѣдою, взявши вторично „Бреслау; и уповаю, что и Цвейдлитцъ въ „скоромъ времени подвергнется моей вла„сти, а чрезъ сiе приведетъ меня въ со„стоянiе войти въ Богемiю и Моравiю (*). „Подумайте о семъ, сестрица (**), и раз„судите, на кого вы полагаетесь. Вы увидите, „что сами причиняете разоренiе своимъ про„винцiямъ; что будете раскаиваться въ „пролитiи человѣческой крови, и что не „возможно вамъ побѣдить того, которой, „естьли бы вы имѣли его своимъ другомъ, „привелъ бы съ вами всю Европу въ тре„петъ„ и проч.

Когда

Фридерикъ съ своей стороны потерялъ на оныхъ весьма мало. Сiи славныя сраженiя, одержанныя въ 1757 году, прославили храбрость Пруссiянъ, такъ какъ и прочiя восемь сраженiй. Фридерикъ выигралъ изъ нихъ самъ четыре, а проигралъ только одно.

(*) Цвейдлитцъ былъ взятъ 15 Апрѣля; въ Маiѣ мѣсяцѣ Фридерикъ осаждалъ Олмуцъ: и такъ нашъ Герой сдержалъ свое слово.

(**) Марiя Терезiя доводится Фридерику двоюродная сестра.

Когда Король Станиславъ предложилъ городъ свой Нанси для мирныхъ переговоровъ, то Фридерикъ отвѣчалъ ему на сїе такъ:

„Ваше предложенїе заслуживаетъ моей „благодарности, и я съ радостїю принялъ бы „оное. Но никто изъ Государей не имѣетъ „столь миролюбивыхъ чувствованїй, какъ „Ваше Величество. Дворы Венской и Пе„тербургской отвергли предложенїя, Англин„скимъ Королемъ и мною имъ учиненныя. „Нѣтъ въ томъ сомнѣнїя, что они при„нудятъ Французскаго Короля къ продолже„нїю войны, отъ которой обѣщаютъ себѣ „имѣть наищастливѣйшїй успѣхъ; но они „также будутъ едиными виновниками крови, „которая паки будетъ проливаема. Почто „всѣ Государи не слышатъ, какъ Ваше Ве„личество, вопїющаго къ нимъ гласа пра„восудїя и человѣчества? Свѣтъ сей не „былъ бы болѣе театромъ опустошенїй и „убїйствъ.„

Фридерикъ несправедливо былъ обвиняемъ въ томъ, будто онъ всею силою похищалъ; но напротивъ того онъ отказался

отъ

отъ владѣнія Корсики и доволенъ былъ только тѣмъ, чтобъ ему возвращены были права его предковъ; притомъ же и самими побѣдами онъ не иначе пользовался, какъ чтобы чрезъ нихъ принудить непріятеля къ миру.

Приватная его жизнь представляетъ намъ примѣры его умѣренности, которые не менѣе приносятъ чести Философу, какъ Герою. Фридерикъ, пришедши нѣкогда на развалины Кистринской крѣпости, которая Россійскими войсками была бомбардирована, не могъ воззрѣть безъ ужаса на такіе плачевные знаки кровопролитной войны. Когда же правитель сего нещастнаго города всячески извинялся предъ нимъ о великихъ ошибкахъ, сдѣланныхъ имъ въ защищеніи сей крѣпости: „Оставимъ это, сказалъ ему Фридерикъ; „я долженъ о семъ разсуждать; я, кото„рому ты ввѣрилъ жизнь свою.„

По отнятіи крѣпости Цвейдница въ 1761 году, толь скорая сдача учинила вѣрность Прусскаго Коммендамта подозрительною; но Фридерикъ писалъ къ нему письмо,

не съ тѣмъ однакожъ намѣреніемъ, чтобъ ему дѣлать выговоры, но дабы вывесть его изъ страха и утѣшить его въ плѣну у Австрійцевъ: „Сіе произшествіе безъ сомнѣ„нія должно меня удивить, писалъ къ не„му Фридерикъ; но я подозрѣваю свое „мнѣніе.„

Когда онъ хотѣлъ кого наказать, то казалось, что сей Государь позабывалъ на тотъ случай свое могущество; а вспоминалъ о немъ тогда, когда намѣренъ былъ кого наградить. Слѣдующій анекдотъ неоспоримо сіе докажетъ:

Одинъ Генералъ-Порутчикъ, получившій отставку еще при заключеніи мира въ 1763 году, тщетно старался долгое время войти обратно въ службу, и не получа успѣха въ семъ предпріятіи, отмстилъ за отказъ Королю колкою сатирою. Сей великій Государь, обыкновенно за ничто почитающій такія сочиненія, былъ тронутъ его сатирою, и обѣщалъ 50 луидоровъ, кто сыщетъ сочинителя оной. Генералъ-Порутчикъ явился къ нему самъ: „Карайте ви„нов-

„ новника, сказалъ онъ Королю; но будьте „ тверды въ своемъ словѣ, и пошлите 50 „ луидоровъ, вами обѣщанныхъ, нещастной „ женѣ моей и дѣтямъ.„ Король, пораженный сими словами, почувствовалъ тогда великое сожалѣніе о томъ, что привелъ военнаго человѣка въ такое отчаянное состояніе. Но скрывая свою чувствительность подъ раздраженнымъ видомъ, немедленно написалъ онъ письмо и вручилъ его запечатавши сему Генералъ-Порутчику, съ приказаніемъ, чтобъ онъ отнесъ оное самъ къ правителю города Спандау. Виновникъ надѣясь, что Король подастъ нещастному его семейству помощь, внутренно былъ доволенъ, и съ спокойнымъ духомъ пошелъ къ крѣпости Спандау, предсталъ къ правителю оной и вручилъ ему свой мечь съ Королевскимъ письмомъ. Но въ какое пришелъ онъ тогда удивленіе, какъ услышалъ читающаго правителя сіи слова:

„ Я вручаю правленіе крѣпости Спандау „ Генералъ-Порутчику Н***, подателю сего „ письма; а прежнему градоначальнику пра„ вленіе Б***, въ награжденіе за вѣрныя „ его услуги.„

Фридерикъ.

P. S. „Пятьдесят луидоров будут „вручены женѣ и дѣтям Н*** для вспо„моществованія, чтоб они к нему воз„вратились.„

Снизхожденіе сего Монарха до того простиралось, что он презирал всѣ ругательныя слова, коими его иногда поносили. Он столь мало о сем думал, что еще и сам охотно смѣялся из них, когда они хоть мало были забавны. „Кто меня ру„гает, говаривал он, тот дѣлает мнѣ „сим иногда гораздо большую пользу, не„жели кто хвалит.„

Как нѣкогда разсказывали ему об одном частном гражданинѣ, во зло употребившем его снизхожденіе: „Может ли он „сто тысячь человѣк против меня вы„ставить? спросил Фридерик. – „Нѣт. – „Ну так оставьте его, пускай что хо„чет болтает; он не может меня „обезславить.„

Один фабрикант, желая завести фабрику, совсѣм от сего разорился; ибо не по-

получилъ отъ нее желаемаго доходу; отъ чего впалъ въ крайнюю горесть. „Сколько „онъ потерялъ? спросилъ Король. – „20000 „Ефимковъ (12000 рублей), отвѣтствовано „ему было. — О! что касается до такой „суммы, онъ можетъ говорить о семъ еще „болѣе.„

Нѣкогда представляли ему, что одинъ изъ гайдуковъ, котораго онъ прогналъ, поносилъ его ругательными словами и заслуживалъ добраго въ семъ исправленія. „Вы „правду говорите, сказалъ тогда Король; „я подумаю о семъ. „ Въ скорости послѣ сего оный гайдукъ опредѣленъ былъ къ хорошему мѣсту, и отрицался уже тогда въ прежнихъ поносительныхъ словахъ.

Нѣкогда Король хотѣлъ сдѣлать ученіе своимъ солдатамъ на нѣкоторомъ возвышенномъ мѣстѣ въ Потсдамѣ, на которомъ двѣ маркитантши разложили свои товары; но онѣ не пускали его на оное, говоря, что оно было выгодно для продажи ихъ товаровъ; что онѣ заплатили надлежащую за то подать, и что онъ можетъ свободно занять другое

мѣсто, которое онѣ ему и указывали, для ученія своихъ куколъ. Нѣкоторыя слова, сказанныя при семъ Королемъ, озлобили сихъ госпожъ; онѣ охлестали его такими выразительными словами, что онъ рѣшился отъ нихъ удалиться, говоря притомъ своимъ Офицерамъ: „Не смѣшно ли это, что я могу „по моему произволенію утруждать столь„ко тысячь человѣкъ, и что принужденъ „я уступить мѣсто двумъ С . . .? „

Лакеи Прусскаго Короля столь вѣдали природное его снизхожденіе, что иногда и во зло оное употребляли. Одинъ изъ нихъ, выведши его нѣкогда изъ терпѣнія, получилъ нѣсколько за сіе ударовъ. Головная прическа сего лакея отъ оныхъ немного распортилась, для поправленія которой сѣлъ онъ безъ всякаго учтивства и началъ ихъ поправлять не уважая присутствія Королевскаго. „Бездѣльникъ! сказалъ ему Фриде„рикъ, что ты тамъ дѣлаешь? —— Ваше „Величество! спокойно отвѣчалъ упрямой „лакей, я то дѣлаю, чтобъ люди, въ ближ„нихъ покояхъ находящіяся, не увидѣли, „что съ ними здѣсь недавно произходило.„

Ко-

Король покивалъ головою, замолчалъ и пошелъ въ другую комнату, чтобы не помѣшать ему окончить поправку волосовъ.

Одинъ камерной гусаръ при многихъ прiемахъ казны по нѣскольку рублей воровалъ изъ Королевскаго сундука: отъ сего уменьшенiе денегъ становилось наконецъ весьма примѣтно. Король, не обьявляя ему о своихъ подозрѣнiяхъ, приказалъ ему нѣкогда перечесть остальныя деньги. Бѣдной гусаръ съ трепетомъ повиновался его повелѣнiю; но недоставало столь великой суммы, что онъ угрожаемъ будучи лишенiемъ жизни, бросился къ ногамъ своего Государя, признаваясь, что кралъ изъ оныхъ денегъ для своей корысти; но подъ видомъ займовъ, надѣясь опять оныя возвратить, прежде нежели Его Величество это примѣтилъ бы. Фридерикъ во всемъ гнѣвѣ взялъ ларчикъ съ деньгами, и бросивши оной ему въ лице, сказалъ: „Возьми и остатки! и не кажись болѣе ни„когда предъ моими глазами.„

Въ другой разъ Король примѣтя еще другое подобное сему воровство, сказалъ за

столомъ: „Я достоинъ великаго сожалѣнія, „ что окруженъ ворами. „ Одинъ слуга, при столѣ тогда находившійся, опасаясь быть подозрительнымъ, объявилъ Королю нѣкотораго вора; но онъ, не желая сіе изслѣдовать, притворился, будто о семъ ничего не думаетъ. Донощикъ во увѣреніе принесъ Королю нѣсколько денегъ, найденныхъ имъ у того вора въ потаенномъ мѣстѣ, на что Фридерикъ сказалъ ему съ нетерпѣливостію: „Я не хочу ни видѣть ни пересчитывать „ деньги сего вора. „ Сіе дѣло такъ бы и прошло, естьлибъ Король въ скоромъ послѣ сего времени не встрѣтился съ симъ воромъ, ѣдущимъ въ каретѣ съ одною кокеткою. Фридерикъ, раздраженъ будучи тѣмъ, что сей воръ на такія мерзкія дѣла употреблялъ его деньги, немедленно отослалъ его въ полкъ, откуда онъ былъ взятъ. Такое было обыкновенное наказаніе тѣмъ изъ его лакеевъ и гусаровъ, которые во зло употребляли его къ нимъ довѣренность.

Большая часть Государей не весьма любятъ тѣхъ, которые говорятъ имъ всегда правду. Но чтобъ открыть оную имъ, надле-

лежало бы честному человѣку болѣе употребить къ сему стараний, нежели какъ льстецъ употребляетъ хитрости, для сокрытія оной отъ нихъ. Сверьхъ сего имя доносителя устрашаетъ честнаго человѣка и заставляетъ его воздыхать въ уединеніи о беззаконіяхъ другихъ, которыя онъ видитъ, но не можетъ открыть, не обѣщавъ за то награжденія. Фридерику были не безъизвѣстны сіи неудобства; незабвенно содержалъ онъ то въ памяти, чтобъ никогда не полагаться на одни наружности, всегда обманчивыя; для избѣжанія чего употреблялъ онъ всевозможныя средства къ изслѣдованію истины. Часто объявленіе простаго солдата болѣе открывало ему истину, нежели какъ объявленіе начальника; наконецъ сказать должно, что онъ имѣлъ у себя шпіоновъ, не для большаго распространенія насилій, но паче для прекращенія оныхъ, и употреблялъ ихъ съ желаемымъ успѣхомъ. Чемъ менѣе были они подозрительны, тѣмъ болѣе ему нравились. Онъ мыслилъ, что Государь можетъ получать отъ нихъ пользу какъ во время мира, такъ и во время вой-

ны (*). По сему-то правилу поступалъ онъ такимъ образомъ съ камерными гусарами. Онъ не требовалъ ничего болѣе отъ

нихъ,

(*) Говорили о Фридерикѣ и о нѣкоторомъ Французскомъ Генералѣ, что первой имѣлъ въ войскѣ своемъ двадцать шпіоновъ и двухъ поваровъ, а другой двадцать поваровъ, да двухъ шпіоновъ. Впрочемъ естьли великій Фридерикъ былъ иногда принужденъ въ достоинствѣ Короля употреблять шпіоновъ и истреблять посредствомъ тѣхъ измѣнниковъ: то можно сказать, что въ достоинствѣ Философа онъ уже не весьма оныхъ почиталъ. Вотъ сему примѣры: Баронъ Вирвоцъ, открывшій заговоръ своего господина, учиненной противъ Короля Прусскаго во время войны 1761 года, бывшей въ Силезіи, получилъ только за сіе въ награжденіе сто ефимковъ, то есть 60 рублей годоваго жалованья; ибо Фридерикъ почиталъ его вѣроломнымъ слугою, которой пожертвовалъ своимъ господиномъ своему честолюбію (Виркотцъ былъ подданной Маріи Терезіи, Католическаго исповѣданія).

Одинъ Инженерной Офицеръ, извѣстной подъ именемъ Полковника Калатана, похитилъ по приказанію своихъ начальниковъ планъ пограниченныхъ мѣстъ своего отечества; но вмѣсто того, чтобъ отдать ихъ своимъ начальникамъ, вздумалъ онъ вручить ихъ Королю, которой ему на сіе сказалъ:

нихъ, кромѣ истиннаго чистосердечія безъ всякой лишней учтивости. Сіи люди были ему весьма подозрительны; одинъ изъ нихъ лишился мѣста и именія за то, что укралъ одинъ ливръ. Многіе почитали себя столь хитрыми, что не казались ему быть лукавыми: но прозорливой глазъ Господина скоро проникалъ внутрь сердца ихъ, и нещастія имъ тѣмъ скорѣе послѣдовали.

Впрочемъ прибытки ихъ были довольно велики: каждой Прусской кардонъ Монархомъ имъ

залъ; „Я принимаю вашъ подарокъ; но знайте, „что вы никогда не ступите и ногою въ мо„ихъ крѣпостяхъ.„ Онъ помѣщенъ былъ въ корпусъ подкопщиковъ, гдѣ сверхъ его чаянія жилъ онъ въ праздности, а умеръ въ презрѣніи.

Фридерикъ часто жаловался, что онъ не только принужденъ терпѣть нѣкоторые пороки, но даже и не запрещать оныхъ. Онъ слышалъ о всѣхъ тѣхъ воришкахъ, которые подъ именемъ сборщиковъ государственныхъ податей и повѣренныхъ ограбляли равно какъ Государя, такъ и народъ. Вдова одного повѣреннаго съѣстныхъ воинскихъ припасовъ представляла Королю, что мужъ ея не оставилъ ей ничего для пропитанія, которой отвѣчалъ: „Я привязалъ осла за рѣ„шетку, для чего онъ не ѣлъ?„

имъ врученной, доставлялъ имъ по сту червонцевъ. Многіе изъ нихъ обогатившись оттуда вышли; однакожъ Фридерикъ не могъ терпѣть, чтобъ кто нибудь изъ оныхъ имѣлъ сообщеніе съ женщинами. Онъ не хотѣлъ, чтобъ люди, бывшія всегдашними свидѣтелями его рѣчей и дѣйствій, были предметомъ измѣны любопытнаго и непостояннаго пола.

Столь непроницаемый въ своихъ намѣреніяхъ, сколь твердый въ исполненіи оныхъ, Фридерикъ не хотѣлъ, чтобъ кто старался ихъ предузнать. Когда онъ вознамѣрился начать войну въ 1756 году, то одинъ Оберъ-Офицеръ пришелъ къ нему просить на полгода увольненія: „Другъ мой! сказалъ „ему Король, теперь не такое время; мы „скоро пойдемъ въ походъ.„ Оберъ-Офицеръ недоумѣвая, гдѣ будетъ война, остановился въ передней съ однимъ пажомъ. Фридерикъ чрезъ дверь подслушалъ, что они тамъ спорились „Я объ закладъ бьюсь, говорилъ Оберъ-Офи„церъ, что въ Силезію пойдемъ мы въ по„ходъ.„ — „А я бьюсь объ закладъ, под„тверждалъ пажъ, что въ Саксонію.„ При

сихъ словахъ вошелъ къ нимъ Король: „Нѣтъ, въ походъ пойдемъ мы въ Спан„дау.„ Послѣ сего немедленно приказалъ онъ отвезти туда, въ ожиданіи отшествія войскъ, пронырливаго пажа, которой въ самомъ дѣлѣ отгадалъ его намѣреніе.

Единой взоръ Фридерика внушалъ къ себѣ другихъ почтеніе. Большіе голубые его глаза, устремленные на тѣхъ, которые къ нему въ первой разъ приходили, казались, что проницали во глубину ихъ сердецъ и мнѣній. Злоумышленникъ не могъ стерпѣть единаго взгляду проницательныхъ его глазъ. Одинъ изъ его слугъ, подкупленной измѣнщиками, поднесъ нѣкогда ему кофе съ ядомъ. Фридерикъ смотритъ на него по своему обыкновенію; невѣрной лакей приходитъ въ трепетъ и падаетъ къ ногамъ Монарха, которой съ спокойнымъ духомъ его спрашиваетъ; по томъ призываетъ людей, чтобъ подали инаго ему кофе. За сіе вѣроломство былъ онъ только изгнанъ изъ Королевства, и великій Фридерикъ почиталъ за довольное

ему

ему наказаніе угрызеніе собственной его совѣсти (*).

Баронъ Варкотцъ, котораго земли находились въ сосѣдствѣ съ Стрегленомъ, гдѣ Прус-

(*) Сей слуга, изгнанный тогда изъ всѣхъ Прусскихъ областей, по прошествіи нѣкотораго времени поселился въ Кенигсбергѣ, гдѣ будучи безъизвѣстенъ определился къ мѣсту; чрезъ нѣсколько лѣтъ Судьи той Конторы, при которой онъ находился, представили Королю нѣкоторое предложеніе, на которомъ и онъ между прочими по неосторожности подписался. Фридерикъ, увидя его имя, былъ весьма раздраженъ его дерзновеніемъ: „Какъ! вскричалъ онъ, сей нещастливецъ самъ убѣждаетъ меня, чтобъ его наказать.„ Тогда приказалъ онъ отдать его въ солдаты.

Нѣкогда осматривалъ Король свои войска на смотру, спросилъ между прочимъ о семъ человѣкѣ, приказалъ вызвать его изъ шеренги, и смотрѣлъ нѣсколько минутъ на него въ молчаніи. Но сей дерзкой солдатъ, почитая себя достойнымъ награжденія за то, что не исполнилъ еще намѣреннаго беззаконія, презиралъ суровымъ видомъ Монарха, которой думалъ, что онъ будетъ просить у него прощенія для показанія своего раскаянія. Наконецъ Фридерикъ отошелъ отъ него пожавши плечами съ жалости; а сей нещастной и умеръ солдатомъ.

Прусской Король расположился своею квартирою въ Силезіи во время войны 1761 года; умышлялъ тайно предать сего Монарха Генералу Лаудону за сто тысячь дукатовъ. Король жилъ тогда въ домѣ, отдѣленномъ отъ всѣхъ прочихъ; онъ ежедневно принималъ тамъ Барона Варкотца съ тою искреннею ласковостію, которая была ему сродна. Уже нѣсколько ротъ Австрійцевъ скрывались въ потаенныхъ мѣстахъ около его жилища для похищенія Короля при первомъ знакѣ; и успѣхъ въ семъ предпріятіи тѣмъ болѣе казался вѣроятнѣе, что Король имѣлъ при себѣ только небольшое число гренадировъ.

Баронъ каждую ночь посылалъ съ своимъ слугою Матѳеемъ Каппеломъ записки къ одному Католическому Пастору деревни Сибенгубенской, по имени Чмидту, которой пересылалъ ихъ по томъ къ непріятелю. Но Каппелю сія ночная переписка показалась подозрительною: почему онъ распечаталъ одно письмо, изъ котораго узналъ сдѣланной противъ Короля заговоръ и открылъ его Фридерику.

Гу-

Гусары немедленно посланы были для разогнанія скрывающихся Австрійцевъ, а одинъ Офицеръ отправленъ былъ искать Барона и привесть его къ Королю.

Баронъ Варкотцъ между тѣмъ узналъ, что онъ былъ уже измѣненъ, но поступилъ въ семъ весьма хитро: онъ принялъ весьма ласково Прусскаго Офицера, которой ничего болѣе не зналъ, кромѣ даннаго ему приказа; онъ притворился, будто Король многократно присылалъ за нимъ; много смѣялся о веселости Монарха; потомъ подъ видомъ необходимой нужды пошелъ въ кабинетъ, а Офицеру приказалъ смѣючись побыть у дверей немного. Офицеръ, долгое время тщетно ожидая Барона, началъ его кликать, и наконецъ выломивши дверь у кабинета, никого не нашелъ въономъ, кромѣ отвореннаго окошка, которое было сдѣлано на поле, и принужденъ былъ возвратиться оттуда съ великимъ стыдомъ, что поддался въ обманъ.

Фридерикъ, сердечно радуясь, видя, что сего измѣнника, котораго ему не чего было

уже опасаться, не можешъ наказать, сказалъ только трепещущему Офицеру: „Ступай въ свой полкъ, ты весьма нерасторопенъ; я впредь не поручу тебѣ подобнаго „сему дѣла.„

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ сего, какъ принесенъ былъ ему приговоръ, осуждающій Барона Варкотца и Католическаго Пастора, чтобъ они были четвертованы, то Фридерикъ подписывая оной сказалъ: „Въ доброй часъ! ибо ихъ изображенія по видимому не лучше ихъ самихъ.„

XIII.

О его твердости.

Фридерикъ имѣлъ наипаче такую твердость въ нравѣ, которая нераздѣльна съ истиннымъ геройствомъ, и которая отличаетъ великаго человѣка во всѣхъ его дѣйствіяхъ отъ обыкновеннаго. Непремѣненъ въ своихъ намѣреніяхъ, равно какъ и во всѣхъ рѣшеніяхъ, такъ ли, или нѣтъ, Фридерикъ никогда уже не перемѣнялъ, что единожды опредѣлилъ, и чрезъ сію добродѣтель по-

истинне Царскую пріобрѣталъ онъ всегда довѣренность у своего народа. Она не менѣе отличала его на Марсовыхъ поляхъ, гдѣ по природной своей неустрашимости столь часто подвергалъ онъ въ опасность самую жизнь свою, что солдаты были иногда принуждены противъ воли его исторгнуть его изъ средины огня. „Фридерикъ! говорили „они ему, естьли ты погибъ, то и мы всѣ „погибли.„ — Вы правду говорите„ отвѣчалъ онъ имъ; а чрезъ минуту послѣ сего видѣли уже они его предъ собою предводителемъ.

Ядро летящее убиваетъ одного солдата, стоящаго подлѣ Короля, котораго всѣ неотступно просятъ сойти съ того мѣста; между тѣмъ другое ядро опять убиваетъ солдата: „Вы теперь сами видите, „говоритъ Герой, что здѣсь или тамъ „стоять, все равно; а быть позади васъ, „я былъ бы вамъ безполезенъ.„

Тѣ, которые находились при немъ въ его юношествѣ, безъ сомнѣнія могли предвидѣть, что сей Принцъ прославится нѣкогда своимъ разумомъ и знаніями, но большая

часть

часть изъ оныхъ могли такъ же думать, какъ и его отецъ, что любовь къ ученію и Философіи мало бы оставила мѣста въ его душѣ для той дѣйствительной и громкой славы, которая дѣлаетъ людей героями. Однакожъ лишь только возшелъ онъ на престолъ, то видѣлся держащимъ въ рукѣ молнію и возобновляющимъ въ видѣ побѣдителя права своихъ предковъ (*); седмь недѣль довольны были ему для завоеванія Силезіи (**).

(*) Онъ послалъ Графа Готтера въ Вену для возобновленія своихъ требованій; но получа отъ Венгерской Царицы дружеские протесты, приказалъ ей сказать, что онъ недоволенъ былъ сею учтивостію. Онъ оставляетъ въ половинѣ Декабря мѣсяца 1740 года великой балъ въ Берлинѣ, и уѣжжаетъ въ Бреслау, чтобы и въ семъ городѣ слѣдующаго Генваря мѣсяца открыть другой балъ. Онъ открываетъ оный наипріятнѣйшимъ образомъ съ Графинею Члегенберскою въ присутствіи удивленныхъ жителей Силезіи, которые не знаютъ, чему болѣе удивляться пріятности ли или скорости ихъ побѣдителя.

(**) Выключая крѣпостей Грос-Глогау, Нiессъ и Бріегъ, которые взяты были въ слѣдующую весну, Грос Глогау была осаждаема десять недѣль Принцемъ Леопольдомъ Ангальтомъ Дессау: Какъ

Фридерикъ скоро нашелъ случай показать въ себѣ оную твердость духа, которая изображала всѣ его свойства во всѣхъ опасностяхъ и воинскихъ оборотахъ. Его конница начала было обращаться въ бѣгство въ бывшемъ сраженіи при Молвитцѣ, какъ онъ

Какъ артиллерія не довольна была ее взять, то гарнизонъ, пришедшій къ ней на помощь, общимъ приступомъ принудилъ оную къ сдачѣ ночью седьмаго числа Марта на восьмое въ 1741 году. Такое взятіе сей крѣпости примѣчанія достойное какъ по нерадѣнію осаждающихъ, такъ не менѣе по храбрости четырехъ Прусскихъ гренадировъ, которые взлѣзши на городской валъ, и не нашедши тамъ своихъ товарищей, пришли къ бастіону защищаемому пятьюдесятью Австрійцами. Они хотѣли было оттуда удалиться, какъ одинъ изъ нихъ вздумалъ закричать имъ: „Клади ружья!„ Ночь и незнаніе, что тогда происходило, внушили 50 Австрійцамъ, что вся Прусская армія на нихъ напала; отъ чего пришли они въ толикую радость, что не думали болѣе ни о чемъ, какъ только чтобъ предложить побѣдителямъ выгодной для себя договоръ; а между тѣмъ одинъ изъ четырехъ гренадировъ побѣжалъ возвѣстить сіе прочему войску. 850 Человѣкъ гарнизона были взяты въ плѣнъ съ крѣпостію, взятою безъ всякихъ пушечныхъ выстрѣловъ.

онъ летитъ къ нимъ на помощь и ободряетъ сими словами. „Братцы! честь Пруссаковъ! „жизнь вашего Государя!„ Отъ сихъ словъ всѣ бросаются въ слѣдъ за Героемъ, которой ведетъ ихъ къ непріятелю и одерживаетъ побѣду (*).

(*) Онъ одержалъ побѣду при Молвитцѣ 10 числа Апрѣля 1741 года; и это была первая его побѣда. Тогда лошадь подъ нимъ была убита. А 28 Генваря 1742 года и Олмуцъ былъ взятъ: уже переднія войска Фридериковы и шли изъ Моравіи къ Венѣ, и не извѣстно, что бы произошло съ молодымъ Героемъ столь скорымъ въ завоеваніяхъ, естьлибъ затрудненія Саксонскихъ Генераловъ не воспрепятствовали слѣдовать сильному его желанію. Наконецъ сраженіе при Краслау или Хотузитцѣ, выигранное 17 Маія 1742, окончило сію первую войну въ Силезіи. Не задолго до сего Фридерикъ приказалъ сказать Маршалу Брогліо, но которой стоялъ у границъ Мулды и столицы Богемской, чтобъ онъ съ нимъ соединился. Но Маршалъ отвѣчалъ ему, что для сего надобно было ему получить прежде приказъ отъ Парижскаго Двора; между тѣмъ Фридерикъ, не имѣя времени его дожидаться самъ, одинъ одержалъ побѣду; и какъ Венгерская Царица уступила ему все, чего онъ ни желалъ, дабы только отъ него избавить-

Никакой Офицеръ не подвергалъ себя толикимъ опасностямъ, какъ Фридерикъ, когда онъ ходилъ осматривать мѣстоположенія и силу непріятельскую; что онъ обыкновенно дѣлывалъ поутру и ввечеру. При осадѣ города Праги (*) пошелъ онъ нѣкогда осматривать

ся: то онъ заключилъ миръ Бреславской одиннатцатаго числа слѣдующаго Іюня мѣсяца. Тогда всѣ Австрійскія силы устремились на Французовъ, которые ни мало сего не ожидали; а Прусаки съ своей стороны были въ семъ случаѣ спокойны. Маршалъ Белизлъ, зная заключенной Брезлувской миръ, прибѣгнулъ просить помощи къ Королю, которой сказалъ ему въ отвѣтъ: „Г. Маршалъ! я сдѣлалъ уже все, что только могъ; а теперь остальное надлежитъ дѣлать Г. Брогліо; онъ имѣлъ свои причины, „когда не хотѣлъ напослѣдокъ соединиться со „мною; а я теперь имѣю свои, которыя не допускаютъ меня съ нимъ соединиться.„

(*) Въ началѣ второй войны въ Силезіи въ 1744 году, которую Фридерикъ предприняхъ въ защищеніе Карла VII, котораго дѣла были тогда весьма въ худомъ положеніи. Но какъ Лудвигъ XV, идущій къ нему на помощь, занемогъ въ Метцѣ: то Король Прусской, не имѣя вспомоществованія, принужденъ былъ оставить Богемію. 17 Сентября того же года взялъ онъ Прагу съ 10,000 человѣкъ гарнизона.

вать производимыя работы, вошелъ изъ последней траншеи на брустверъ, съ котораго пошелъ и далѣе. Тогда примѣтя, что всѣ ядры изъ крѣпости летѣли къ его сторонѣ, сказалъ онъ оборотясь къ находившимся тогда при немъ Офицерамъ: „Останьтесь назади; вы видите сами, что по насъ стрѣляютъ.„ Нѣсколько минутъ спустя послѣ сего, пошелъ онъ обратно къ своему стану; но на дорогѣ остановился, при чемъ господинъ Кувиллъ, Французской Волонтеръ, взошелъ на одинъ пригорокъ, съ котораго утверждалъ онъ, что видѣлъ средину города; куда вошелъ и Принцъ Вилгеймъ Бранденбургской, сынъ Марграфа Алберти; но лишь только будучи тамъ началъ смотрѣть, какъ ядро, изъ батареи прилетѣвшее, разбило ему голову; пажъ Принца Генрика былъ убитъ тѣмъ же ударомъ позади Короля.

Послѣ побѣды Гогенфріендберской (*) Маркизъ Валори, Французской Посланникъ, находившійся тогда при Королѣ, представлялъ

 ему,

(*) Побѣда, при Гогенфріендбергѣ или Стригау, одержанная 4 числа Іюня 1745 года, стоила непріятелю отъ 18 до 20,000 человѣкъ.

ему, что во время сраженія подвергалъ онъ себя крайней опасности: „Государь мой! „отвѣчалъ ему Фридерикъ, я долженъ по„казать храбрымъ моимъ солдатамъ, что „и я достойный ихъ товарищъ„

Въ 1757 году Король Прусской съ небольшимъ числомъ своего войска защищался противъ многочисленныхъ непріятелей, и не смотря на уронъ, полученной приРолленъ, Фридерикъ одерживалъ побѣду при Росбахѣ и Лейтенѣ. Весьма прилично привести сюда мѣсто изъ Цезаря: Veni, vidi, vici; то есть: пришелъ, видѣлъ, побѣдилъ. При взятіи Росбаха (*) имѣлъ онъ только 22,000 про-

(*) Фридерикъ увѣдомлялъ тогда письменно сестру свою Варейтскую, что идетъ на войну въ намѣреніи, или побѣдить или погибнуть; и дѣйствительно убѣждалъ ее, что говорилъ это не въ шутку. Увѣряютъ также, что онъ при сей эпохѣ принялъ опіумъ, какъ надежное средство въ своемъ паденіи, и что всегда предохранялъ себя онымъ въ послѣднихъ годахъ. Онъ тогда же написалъ письмо и къ Волтеру, которое окончилъ слѣдующими строфами достойными великаго Коронелла:

„Вол-

прошивъ 50,000 непріяшелей; но онъ хошѣлъ или умерешь, или побѣдишь. — Послушаемъ сего Героя, увѣщевающаго малое свое войско:

„Часъ уже приближился, друзья мои, „въ которой все, что есть дражайшаго для „насъ въ свѣтѣ, зависитъ отъ нашего ору„жія и отъ храбросши. Время не позволяетъ „мнѣ говоришь вамъ пространную рѣчь; и „она пришомъ была бы излишня. Вы сами „знаете, что всякое неудобство, гладъ, „холодъ, караулы и всѣ опасносши по сіе „время я съ вами раздѣлялъ; и вы видише „меня желающаго жершвовашь своею жизнію „вмѣстѣ съ вами и для васъ. Все, что я „отъ васъ требую, есть взаимная дружба и „вѣрность. Позвольтежъ еще прибавишь не „такъ какъ необходимое ободреніе, но какъ „знакъ моей къ вамъ благодарносши, что

„Волтеръ въ своей пустынѣ, въ той землѣ, „которой наслѣдство есть прежнее его добро„душіе, можетъ въ покоѣ предашься добродѣ„тели мудреца, котораго законъ открылъ „намъ Платонъ. Чтожъ касается до меня, „угрожаемъ будучи погибелью, долженъ я „презирать бурю, на меня восстающую, ду„машь, жишь и умерешь по Королевски.

„ съ сего самаго числа до того времени, „ какъ пойдемъ мы на зимнія квартиры, „ ваше жалованье будетъ удвоено. А теперь поступайте мужественно и положитесь во всемъ на Бога. „

Сія рѣчь, столь простая, но Фридерикомъ произнесенная, вселила его геройство въ души всѣхъ Пруссаковъ; всеобщее восклицаніе было знакомъ побѣды.

Естьли мы послѣдуемъ за нимъ на поля Лейтенскія, то услышимъ, что онъ говоритъ своимъ солдатамъ не въ видѣ побѣдителя, гордящагося покореніемъ нѣкоторой части своихъ непріятелей, но въ видѣ премудраго воина, которой уступаетъ мѣсто должности побѣдителя и готовится показать всѣмъ собою примѣръ. „ Государи мои! говорилъ онъ тогда своимъ Офицерамъ; я „ завтра дамъ сраженіе. Сіе поле отъ онаго „ зависитъ, и оно рѣшитъ жребій Силезіи. „ Я собралъ васъ для того, чтобъ сказать, „ дабы каждый изъ васъ исполнялъ въ самой „ точности въ семъ случаѣ свою должность „ и все, что ему возможно будетъ дѣлать.

„ Я

„Я требую, чтобъ каждой изъ васъ въ своемъ полку управлялъ солдатами съ величайшею точностію, и подавалъ бы онымъ собою примѣръ храбрости и непоколебимаго мужества. Наконецъ чтобъ каждой изъ васъ выходилъ на непріятеля въ твердомъ намѣреніи, побѣдить или умереть. Естьли вы всѣ безъ выключенія оживлены такими чувствованіями, какъ я, то можно мнѣ надѣяться о побѣдѣ. Я довольно освѣдомился уже о силѣ и слабости непріятельской, и поведу туда свои войска, гдѣ съ успѣхомъ сражаться можно. Тогда отъ васъ единственно зависѣть будетъ показать неустрашимое мужество и храбрость прежнихъ Пруссаковъ. Кто изъ васъ чувствуетъ въ себѣ страхъ или не расположенъ жертвовать своею жизнію и кровію, пусть тотъ изъ шеренги выдетъ, чтобы во время бою не привелъ онъ и другихъ въ страхъ; пускай тотъ теперь выдетъ: онъ безъ выговору и безъ всякой трудности получитъ отставку." Тогда примѣтя Король, что Генералъ Рогръ плакалъ, прервалъ рѣчь свою, об-

обнимаетъ его и говоритъ: „ Любезный Рогръ! „ это я не о васъ говорю. „ При сихъ словахъ нѣкоторой Офицеръ, въ чину Маiорскомъ, громко сказалъ: „ Одинъ бездѣльникъ „ выдетъ изъ шеренги; ибо онъ боится „ жертвовать своею жизнiю Вашему Величеству. „ — Король, удовольствованный симъ увѣренiемъ, котораго свидѣтельство читалъ онъ у всѣхъ въ глазахъ, началъ опять говорить: „ И такъ я вижу, что нѣтъ здѣсь „ никого, кто бы не оживленъ былъ истинною „ храбростiю. Но съ моей стороны я всячески буду стараться примѣчать тѣхъ, „ которые хорошо будутъ исполнять свое „ обѣщанiе. Я буду и впереди и назади, „ съ одного крыла буду ѣздить на другое; никакое войско, никакой полкъ не „ утаится отъ моего зрѣнiя. Кто будетъ „ мужественно сражаться, тотъ получитъ „ честь и милость; но кто напротивъ того „ будетъ дѣйствовать трусливо, будетъ исключенъ изъ полку; и тотъ долженъ „ весьма остерегаться показываться мнѣ „ впредь на глаза. „

За сею славною побѣдою, одержанною при Лейтенѣ 5 числа Декабря 1757 года; а мѣсяцъ спустя по томъ при Розбахѣ послѣдовало, какъ Фридерикъ сіе предвидѣлъ завоеваніе всей Силезіи. Какъ представляли ему въ самую ту минуту, когда хотѣлъ онъ дать оное сраженіе, что непріятельскаго войска вдвое больше его: „Я это самъ „знаю, отвѣчалъ онъ на сіе; но мнѣ не „остается другой надежды, какъ или побѣ„дить, или погибнуть: и я буду съ ними „сражаться, хотябъ они были на колоколь„няхъ Бреслаувскихъ.„

Австрійцы ругались надъ Фридерикомъ и малочисленнымъ его войскомъ, однакожъ побѣдители смѣялись о семъ въ городѣ Лиссѣ, гдѣ Фридерикъ проводилъ цѣлую ночь послѣ побѣды. И тогда-то онъ сказалъ: „Я охотно прощаю имъ тѣ глупости, ко„торыя говорили они въ похвалу тому, „что сами сдѣлали (*).„

Послѣ

(*) Конечно немало это значило, осмѣять такого Принца, которой умѣлъ толь храбро защищаться противъ непріятелей. Докторъ Априлъ пер-

Послѣ нещастнаго сраженія, при Гошкиршѣ случившагося (*), Король, собравши своихъ Офицеровъ, говорилъ имъ: „Государи „мои!

первой въ Ратисбонне дерзнулъ обѣявить Барону Плофо, тогдашнему Прусскому Посланнику, на Сеймѣ; но не успѣлъ онъ еще начать предисловія своего дѣла, какъ Баронъ приказалъ вывесть его вонъ изъ комнаты; а между тѣмъ Король Прусской продолжалъ сражаться съ своими непріятелями. Императоръ съ 1756 году именнымъ указомъ повелѣлъ Германскимъ округамъ въ скоромъ времени послать вспомогательное войско къ Саксонской арміи, окруженной Королемъ. Но типографическая погрѣшность обратила оной указъ и войско Нѣмецкихъ округовъ въ смѣхъ чрезъ одно опущеніе буквы I: вмѣсто eilende Hülfe, то есть скорое вспомогательное войско, напечатано было въ Венскомъ изданіи: elende Hülfe, бѣдное вспомогательное войско.

Однакожь сіе вспомогательное войско не весьма пособствовало; ибо послѣ многихъ оборотовъ въ 17 числа Октября 1756 года послѣдовало завоеваніе всей Саксоніи.

(*) Пруссаки были нечаянно окружены непріятелемъ въ своемъ стану 14 Октября 1758 года. Король довольно зная невыгодное своего войска положеніе, хотѣлъ оное оставить на канунѣ нещастнаго дня; но воинскіе съѣстные припасы, которыхъ ожидали, принудили его еще пробыть на томъ мѣстѣ одинъ день. Въ сіе-

„мои! непріятели на насъ нечаянно напали;
„ночная темнота весьма много пособство-
„вала

то время будучи онъ атакованъ непріятелемъ, принужденъ былъ сражаться съ онымъ въ самыхъ лагеряхъ. Лаудонъ во время ночи завладѣлъ батареями и всѣми возвышенными мѣстами. Однакожъ Прусскія войска обратили въ бѣгство Австрійцевъ при Гошкирхѣ; но по томъ и сами отъ нихъ были прогнаны, при чемъ Король удалился въ Добершуцъ и располагался войскомъ 10 дней безъ ретраншаментовъ въ видѣ непріятеля. Онъ потерялъ свою артиллерію (101 пушку и 30 знаменъ) и весь свой обозъ. Фельдмаршалъ Кейтъ и Французскій Герцогъ Брюзвикъ были убиты; Принцъ Маврикъ Ангалтъ-Дессау былъ плѣненъ. На другой день послѣ сего неудачнаго сраженія сказалъ Фридерикъ: „Австрійцы не умѣли воспользоваться „своею удачею; мы здѣсь останемся, и возобновимъ опять осаду Нисы. Да и дѣйствительно Принцъ Генрикъ, соединясь съ 6000 человѣкъ съ Королемъ, принудилъ Австрійцевъ сдать городъ Ниссу и Козель, и они въ половинѣ Декабря были выгнаны изъ всей Вышней Силезіи. Достойно примѣчанія также и сіе, что Фридерикъ въ самой сей нещастной день лишился сестры своей Барейтской; извѣстно, какую онъ имѣлъ къ ней привязанность; онъ часто говаривалъ, что сей день былъ самой нещастливѣйшій въ его жизни, и что онъ самъ не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ стерпѣть сіи столь жестокіе два удара.

„вала нашимъ врагамъ. Подумайте вы те-
„перь, гдѣ мы находимся. Мы уже въ Выш-
„шей Лузаціи; наши имѣнія, наши семейства
„позади насъ, и естьли мы еще отсту-
„пимъ, то все сіе погибло. Что до меня
„касается, то я не только не отступлю,
„но готовъ еще умереть здѣсь и съ остат-
„комъ моего войска. Я уповаю, что и вы
„такихъ же мыслей; но кто изъ васъ сего
„сдѣлать не намѣренъ, долженъ теперь
„объявиться и возвратиться въ свое жи-
„лище. Нѣтъ ли кого нибудь изъ васъ та-
„кого?„ — Какъ всѣ его увѣрили, что
они были одного съ нимъ мнѣнія: то онъ
развеселился и не думалъ болѣе ни о чемъ,
какъ только чтобъ хорошо отмстить не-
пріятелямъ за уронъ, недавно ему причинен-
ной. Сія рѣчь проста, но довольно пока-
зываетъ, сколько Фридерикъ умѣлъ узна-
вать человѣческое сердце и возбуждать свою
бодрость въ робкихъ солдатахъ.

Онъ никогда самъ себѣ не льстилъ; пись-
мо его къ Маркизу д' Аржансу, писанное
послѣ сраженія при Лигницѣ бывшаго, слу-
житъ сему доказательствомъ. „Его жребій,
„ пи-

„писалъ онъ къ нему, зависитъ отъ сра-
„женія. Послѣдняя побѣда стоила мнѣ ло-
„шади и платья (*); не надобно большаго
„чуда, какъ преодолѣть отчаянное его со-
„стояніе. — Вы не знаете еще хорошо,
„присоединилъ Фридерикъ, положеніе вещей,
„не вѣдаете еще опасностей, грозящихъ
„всему королевству; а я ихъ знаю, одна-
„кожъ утаиваю отъ васъ. Я скрываю весь
„ужасъ во мнѣ, а другихъ питаю лестною
„надеждою. — Впрочемъ дѣла мои при-
„водятъ меня въ задумчивость; остатокъ мо-
„его времени посвящаю я Музамъ, меня
„утѣшающимъ. — Я не знаю, переживу ли
„я сію войну; но естьли это сдѣлается,

К „то

(*) Это было при сраженіи при Лигницѣ, бывшемъ 14 на 15 число Августа 1760 года. Король, угрожаемой съ одной стороны Австрійцами, а съ другой Россіянами, приказалъ безпрестанно стрѣлять ночью изъ своего стана; а между тѣмъ шелъ онъ противъ Австрійцевъ, и сражался раздѣльно съ Лаудономъ, между тѣмъ какъ Даунъ устремился въ его станъ. Сей оборотъ воспрепятствовалъ соединенію двухъ армій, Россійской и Австрійской въ Силезіи. Въ семъ сраженіи лошадь подъ Фридерикомъ была убита, и все его платье было прострѣлено пулями.

„ што рѣшился я проводить остатокъ дней „ моихъ въ уединеніи, въ нѣдрахъ Филосо„ фіи и Дружества.„ Извѣстно, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Воинскіе повороты привели только въ большее сіяніе твердость и силы безсмертнаго Фридерика. Троекратно собиралъ онъ и самъ приводилъ войска свои къ плачевному сраженію, бывшему при Кунерздорфѣ (*); двѣ лошади подъ нимъ были убиты; все платье его было прострѣлено пулями; почти

(*) Или при Франкфуртѣ произшедшее 12 числа Августа 1759 года. Прусаки, преслѣдуя съ великимъ жаромъ за Русскими войсками, которыя собравшись во рвы, откуда артиллерія ихъ чинила ужасное кровопролитіе въ Королевскихъ баталіонахъ и обратила ихъ въ бѣгство, проиграли побѣду. Лаудонъ прибѣжалъ замѣнить такое злоключеніе; но учинилъ только единое кровопролитіе. Король собралъ самъ нѣсколько разсѣянныхъ баталіоновъ своего войска, для удержанія погони, но вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ непріятельскою конницею, и надлежало быть чрезвычайной силѣ, чтобъ освободить его оттуда. 7485 Человѣкъ Прусскаго войска были убиты на самомъ мѣстѣ, а 11,119 были ранены.

чти всѣ предводители были убиты или ранены; онъ только одинъ поддерживалъ сраженіе, и съ великимъ трудомъ едва могли его исторгнуть изъ онаго. Послѣ сего злоключенія одинъ Прусской Офицеръ писалъ въ Берлинъ: „ Теперь нѣтъ и 5000 солдатъ у „ Короля; полки походятъ на роты; сего „ утра видѣлъ я Короля въ крестьянской „ хижинѣ, въ которой Козаки не оставили и „ крышки. Онъ спалъ на соломѣ такъ, какъ „ естьлибъ онъ былъ въ совершенной без„ опасности: надѣвъ на лице шляпу, поло„ живъ съ одной стороны обнаженную шпа„ гу, а съ другой двухъ адьютантовъ, ко„ торые также спали у ногъ его, почивалъ „ онъ спокойно. Одинъ только гренадиръ „ стоялъ на караулѣ у дверей. Сей Монархъ „ казалось спалъ столь крѣпко, сколь бодр„ ственно дѣйствовалъ онъ на сраженіи „ и проч.

И такъ послѣ сего нещастія Прусское королевство было все покорено: Саксонія досталась Австрійцамъ; Россійскія войска прошли даже до Брандебурга; Царская фамилія принуждена была удалиться въ Магдебургъ;

бургѣ; но Фридерикъ, котораго почитали погибшимъ, препятствуетъ побѣдителямъ возпользоваться побѣдою, и удерживаетъ ихъ двѣ недѣли въ недѣйствіи подлѣ Франкфурта; оттуда принуждаетъ удалиться въ Лузацію; между тѣмъ населяетъ остатокъ своихъ областей жителями въ виду двухъ армій, вдвое по крайней мѣрѣ большихъ, нежели его. Наконецъ непріятели, не могши его преодолѣть, обратились въ Глогау; и они тамъ находятъ они Короля, расположившагося войскомъ своимъ на возвышенныхъ мѣстахъ Невкерсдорфа. Въ скоромъ времени переходитъ онъ Одеръ, преслѣдуя за ними; повсюду обращаетъ въ ничто всѣ ихъ умыслы. Между тѣмъ Россійскія войска возвращаются на зимнія квартиры въ Польшу, Австрійскія въ Богемію (*).

Сра-

(*) Мы имѣемъ планы 26 регулярныхъ сраженій, учиненныхъ Прусаками въ трехъ войнахъ, то есть въ 1740, 1744 и въ 1756 годахъ. Король самъ производилъ 14 сраженій, и изъ оныхъ потерялъ только три; первое при Коллинѣ въ 1757 году, которое однакожъ наградилъ онъ по томъ славными побѣдами, при Розбахѣ и Лиссѣ одержанными; второе при Гошкиршѣ въ 1758 году,

Сраженіе, при Цорндорфѣ или Кистринѣ произшедшее 25 Августа 1758 года, было нерѣшительно, на которомъ всѣ его пажи и адьютанты были убиты, а нѣкоторые изъ нихъ взяты были въ плѣнъ. Сіе сраженіе было весьма кровопролитное: неустрашимость Россіянъ и мщеніе Прусаковъ привели войска съ двухъ сторонъ въ жестокость. Не задолго до сего сраженія, Генералъ Даунъ писалъ къ Генералу Фермору, предводительствовавшему Россійскою арміею, чтобъ „онъ „не дерзалъ сразиться съ хитрымъ непрія„телемъ, котораго онъ еще не зналъ; но „чтобъ всячески вилялъ, заманивая притомъ „его въ новую Маршу, и чтобъ Австрійцы „старались завладѣть Саксоніею.„

 Но

ду, которое обратилось ему же въ пользу; и третіе сраженіе при Франкфуртѣ или Куперздорфѣ въ 1759 году. Должно примѣчать, что въ самыхъ своихъ сраженіяхъ Фридерикъ почти всегда сражался съ половиною, и часто гораздо съ меньшею частію своего войска, нежели какое имѣли его непріятели. Сіе сраженіе, продолжающееся съ 9 часовъ утра до одиннатцатаго часа, стоило побѣдившимъ Прусакамъ 10,000 человѣкъ мертвыхъ и раненыхъ.

Но по нещастію курьерЪ, посланной отЪ Дауна, былЪ пойманЪ Прусаками и приведенЪ кЪ Фридерику, которой отвѣчалЪ Дауну послѣ побѣды: „Вы не безЪ причины увѣ„домляли Генерала Фермора, чтобЪ онЪ „остерегался воевать сЪ непріятелемЪ хит„рымЪ и искуснымЪ, котораго вы знаете „лучше, нежели онЪ; ибо хотя онЪ и хра„бро оборонялся, но былЪ побѣжденЪ.„

ВЪ то самое время, когда по видимому не имѣлЪ никакихЪ средствЪ кЪ поправленію своего злоключенія, одинЪ изЪ его гранодеровЪ Французской націи приведенЪ былЪ кЪ нему какЪ бѣглецЪ, котораго спросилЪ Король: для чего хотѣлЪ онЪ его оставить? „Ей Богу! Ваше Величество, отвѣчалЪ „гранодерЪ, для того, что ваши дѣла на„ходятся теперь вЪ худомЪ состояніи. — Хо„рошо, отвѣчалЪ ему Король, я до завт„раго подожду; и естьли они не будутЪ „лучше, то мы вмѣстѣ убѣжимЪ.„

„Жизнь моя не столь мнѣ нужна, какЪ „побѣда! вскричалЪ ФридерикЪ, не согла„шаясь оставить сраженія, какЪ вдругЪ

„пуля

пуля ранила его въ грудь при Торгау (*); онъ видитъ, что начался безпорядокъ въ его войскѣ, вырывается изъ рукъ тѣхъ солдатъ, которые исторгли его изъ крайней опасности; летитъ предводительствовать своими солдатами, приводитъ всѣхъ въ порядокъ и одерживаетъ побѣду.

Въ другомъ случаѣ, когда его солдаты обращались въ бѣгство, то онъ ихъ также поощряетъ къ побѣдѣ говоря: „Хотите ли „вы остаться живыми?„

Толикая твердость въ самыхъ крайнихъ опасностяхъ была ему столь сродна, что говорили иногда, что сдѣлался игрою безпокойства, въ которомъ соучаствовали также и его сопровождающіе. Когда онъ пошелъ съ малочисленнымъ войскомъ противъ безчисленной Россійской арміи въ новую Маршу, то вышелъ нѣкогда изъ своего стана

(*) Третьяго Ноября 1760 года Король и Даунъ были ранены, и за недостаткомъ пороху съ одной и другой стороны обѣ арміи истощивши свои силы, всю ночь проводили стоя въ ружьѣ. На другой день Прусаки не нашли уже болѣе непріятелей.

на въ провожанія одного адьютанта, пажа и одного слуги, для узнанія числа войскъ и положенія своихъ непріятелей, и приближился даже къ берегамъ одного озера, за которымъ стояли Россійскія войска. Пажъ, которой несъ за нимъ зрительную трубку, былъ самой Пирхъ, умершій Генераломъ во Французской службѣ. Фридерикъ сошелъ съ лошади, и положа зрительную трубку на плечо Пирха, началъ смотрѣть. Но Россійскіе канонеры лишь только примѣтили нашихъ обозрителей, какъ немедленно выстрѣлили по нихъ изъ пушекъ. Пули летящія упадали на Короля, которой однакожъ продолжалъ спокойнымъ духомъ свои наблюденія. Адьютантъ почелъ себѣ за нужное представить ему опасность, въ коей онъ тогда находился; но Фридерикъ, оборотясь къ нему, сказалъ: „Естьли ты боишься, то „пойди отсюда прочь.„ Чрезъ минуту лошадь, на которой Пирхъ сидѣлъ, была убита на томъ же мѣстѣ. „Эта кляча, а не ло„шадь была, сказалъ тогда Фридерикъ сво„ему пажу; я дамъ тебѣ хорошую ло„шадь.„ Наконецъ Король, осмотрѣвши все,

что

что желалъ, отдалъ зрительную свою трубку Пирху, сѣлъ опять на лошадь, и возвращаясь обратно въ свой станъ, остановился на дорогѣ и сказалъ пажу: „а сѣдло взять „ты конечно позабылъ?„ Пирхъ принужденъ былъ воротиться назадъ и снять съ убитой лошади сѣдло, а Король между тѣмъ въ ожиданіи его смѣялся и продолжалъ тихонько свой путь, не смотря на пули Россійскія, его сопровождающія.

Примѣръ Марія, которой видя себя окруженнаго тѣлохранителями Циллы, однимъ словомъ и взглядомъ обратилъ ихъ въ бѣгство, не менѣе доказываетъ превосходство нашего Героя предъ прочими людьми, какъ и слѣдующіе примѣры. Нѣкогда Фридерикъ, осматривая непріятельской станъ по своему обыкновенію, столь близко, сколько могъ, подошелъ, совсѣмъ того не примѣтя, къ одному полку Пандуровъ, которыхъ не льзя бы ему было никакъ избѣгнуть, естьлибъ не почтеніе, какое внушилъ имъ взоръ сего великаго мужа, перемѣнило прежнія ихъ мысли: „Смотрите, смотрите, говорили они другъ другу: вотъ это онъ; видишь ли ты его? это Прусской Король. „Наконецъ онъ не-

неотмѣнно достался бы имъ въ добычу, какъ вдругъ пришло имъ на умъ, что отъ нихъ единственно зависѣло его поймать.

Въ другомъ подобномъ сему случаѣ одинъ Пандуръ, спрятавшись за дерево, мѣтилъ въ Короля, которой былъ отъ него на 20 шаговъ, и разсматривалъ расположеніе Австрійскаго стана. Офицеръ сопровождающій его, примѣтя это! вскричалъ: „Ваше Величество! „отойдите отсюда, вотъ Венгерецъ мѣ„тится васъ застрѣлить.„ Король спокойно смотритъ на непріятеля, поднимаетъ свою палку, и угрожая оною Пандуру, закричалъ: „Ду! ду (*)!„ Онъ немедленно бросаетъ изъ рукъ свое ружье, снимаетъ шляпу и стоитъ въ такомъ почтительномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Король оттуда удалился.

Самая старость и злоключенія, приводящія къ концу его жизнь, не могли уменьшить присутствія разума въ семъ Героѣ.

На-

(*) То есть ты! ты! слово Нѣмецкое; оно употребляется также и въ брани и заключаетъ въ себѣ великую силу.

Находится сему доказательство въ послѣднемъ его путешествіи въ Силезію, когда его кибитка опрокинулась въ болото: „Вотъ это „скверная дорога!„ сказалъ тогда онъ ни мало не осердясь.

Твердость духа, которую всегда показывалъ онъ въ величайшихъ опасностяхъ, имѣлъ также онъ и въ самыхъ маловажнѣйшихъ дѣйствіяхъ приватной своей жизни; самая политика не могла ее истребить. Такимъ-то образомъ, не взирая ни на какія обстоятельства; не взирая на прозьбы Рима и Вены, приказалъ онъ посадить въ темницу Кардинала Синзендорфа, Епископа Бреславскаго, за то, что онъ въ противность повелѣнія имѣлъ переписку съ Австрійцами; и съ онымъ Кардиналомъ поступаемо было не иначе, какъ съ обыкновеннымъ шпіономъ, безъ всякаго снизхожденія сроднаго Королю, которой наконецъ освободилъ его изъ оной, совѣтуя притомъ ему немедленно выйти изъ Силезіи; а наипаче: „не вмѣшиваться „болѣе никогда въ мірскія дѣла.„

Одинъ

Одинъ Пасторъ Реформатскаго исповѣданія вздумалъ оспорить его Моисеевыми законами въ разводѣ мужа съ женою. „ Моисей, „ отвѣчалъ ему на сіе Король хладнокровно, „ велъ Іудеевъ по своей воли, а я управляю „ Прусаками, какъ мнѣ хочется. „

Пасторъ Клечко, первой Священникъ Прусскаго войска, писалъ къ Королю о учрежденіи другихъ полковыхъ Священниковъ, приписывая, что сей выборъ лучше ему приличествовалъ, нежели какъ Генераламъ. Фридерикъ, весьма ненавидя гордости въ преемникахъ Апостольскихъ, отослалъ ему обратно его челобитную, написавъ внизу оной сіи слова: „ Ваше царство нѣсть отъ міра сего. „

XIV.

О его пріятности.

Снизхожденіе Фридериково было столь крайнее, что всякому гораздо свободнѣе можно было приходить къ нему, нежели его Секретарямъ. Какое обузданіе утѣсненію, когда бѣднякъ увѣренъ найти у ногъ Отца оте-

отечества правосудіе, въ которомъ отказано ему въ другихъ мѣстахъ!

Довольно было держать въ рукахъ челобитную подъ Королевскими окошками. Пажъ немедленно приходилъ брать челобитныя и назначалъ время отвѣта.

Такое позволеніе иногда доходило и до чрезмѣрной вольности; но Фридерикъ никогда сего не покидалъ: онъ никогда не забывалъ словъ, сказанныхъ одною бѣдною женщиною Филиппу Македонскому: „Есть„ ли ты не имѣешь времени сдѣлать мнѣ „ правосудія, то перестань называться Ко„ ролемъ.„

Отецъ своихъ подданныхъ, Фридерикъ, всегда исполнялъ прозьбы своихъ дѣтей; и о такихъ-то Государяхъ по справедливости можно сказать, что они на земли Боги, когда на подобіе Боговъ все они сами видятъ, все слушаютъ и покровительствуютъ слабымъ смертнымъ. А другихъ Государей, каковы суть въ Азіи самовластные владѣтели, которыхъ вся власть заключается толь-

шолько въ ихъ сераляхъ, поистиннѣ можно сравнишь съ шѣми шщешными идолами, бывшими въ язычествѣ, которые служили шолько къ честолюбію жрецовъ.

Въ одинъ день, какъ возвращался Прусской Король изъ города въ Сан-Суси, крестьяне сосѣдней деревни стали на шой дорогѣ, по которой надлежало ему ѣхашь, и видя, что онъ не остановился, какъ обыкновенно бывало дѣлывалъ, осмѣлясь изъ нихъ нѣкоторые, сами остановили за узду его лошадь и просили освободишь отъ тиранства ихъ старосты. Фридерикъ обѣщалъ ихъ въ семъ удовольствовашь, и устоялъ твердо въ своемъ словѣ; ибо по прошествіи нѣскольких дней послѣ сего, встрѣтившись съ обвиненнымъ старостою, далъ ему нѣсколько ударовъ палкою за худые его поступки съ крестьянами. На другой день крестьяне и староста были позваны въ Сан-Суси. Тамъ Монархъ, приказавши поставить ихъ въ полкруга, сѣлъ по срединѣ ихъ, повелѣлъ предлагать имъ свои жалобы, слушалъ всѣхъ ихъ терпѣливо, и удовольствовавъ ихъ сво-

имъ правосудіемъ, обратно отослалъ въ деревню.

Солдатамъ не дозволено было пользоваться симъ утѣшительнымъ позволеніемъ. Не значитъ сіе однакожъ, чтобъ Фридерикъ оное имъ вовсе запретилъ; но они были удерживаемы страхомъ своихъ Офицеровъ, которые не любили столь короткаго средства. Однакожъ за сіе съ избыткомъ награждали они себя въ походѣ; что наипаче пособствовало имъ предпочитать тягости и воинскія опасности строгимъ наказаніямъ мирнаго времени. Въ походахъ столь вольно обходились они и съ самымъ Королемъ, что всегда называли его *ты*, или просто Фридерикомъ; спрашивали его, каково онъ поживаетъ, скоро ли начнетъ сраженіе, а наипаче доволенъ ли онъ былъ ими.

И что можетъ быть столь трогательно, какъ видѣть сего Государя, побѣдителя, окруженнаго храбрыми его гранодирами, которой искалъ въ удовлетворенныхъ ихъ глазахъ цѣпь той крови, которой они не щадили для него!

Послѣ сраженія, бывшаго при Торгау, Король сходитъ съ лошади подлѣ одного Гвардейскаго полку, и находитъ Офицеровъ своихъ и солдатъ безъ всякаго разбору грѣющихся около огня, въ ожиданіи, что наступающій день разгонитъ ночную темноту; онъ идетъ также грѣться вмѣстѣ съ ними, всѣмъ на вопросы отвѣтствуетъ, похваляетъ ихъ за храбрость и благодаритъ за новые лавры, ему пріобрѣтенные. Одинъ солдатъ спрашиваетъ его, гдѣ находился онъ во время бою, и для чего не предводительствовалъ по обыкновенію своею Гвардіею? Фридерикъ съ учтивостію разсказываетъ имъ причины, принудившія его быть на правомъ крылѣ своего войска. Говоря такимъ образомъ, отъ излишняго зною скидаетъ онъ съ себя сюртукъ; пуля, прострѣлившая оной и все прочее его платье, падаетъ у ногъ его; солдатъ ее поднимаетъ, и показывая всѣмъ съ восхищеніемъ говоритъ: „Фридерикъ! Фри„дерикъ! ты однакожъ всегда нашъ старой „Фридерикъ! ты участвуешь съ нами въ опа„сностяхъ; мы съ радостію за тебя умремъ.„ Вдругъ слышно всеобщее желаніе ему много-

лѣтія, восхищенія, тѣлодвиженія, восклица-нія и слезы всѣхъ храбрыхъ воиновъ смѣшиваютъся, и въ сію минуту Фридерикъ есть нѣчто большее человѣка и самаго Царя.

По прошествіи сего перваго восторга одинъ солдатъ говоритъ ему: „Ты конечно „поставишь насъ на хорошія зимнія квар-„тиры.„ -- „Что за чортъ! отвѣчаетъ „Фридерикъ смѣючись; намъ еще должно пре-„жде взять Дрезденъ.„ Вторично vivat объ-являетъ единодушное согласіе.

Въ продолженіи такого военнаго ихъ разговора нѣкоторые солдаты, подлѣ Короля стоявшіе, курили табакъ; одинъ изъ нихъ сказалъ имъ, чтобъ сошли съ того мѣста: „Нѣтъ! нѣтъ! останьтесь здѣсь, дѣти мои, „сказалъ имъ Монархъ; я люблю табачной „запахъ.„ По правдѣ объявить, онъ не могъ терпѣть табаку, но не хотѣлъ единственно для сего запретить имъ курить оной.

Всѣ походы сего Героя преизобилуютъ таковыми анекдотами. Часто утрудившись, пучекъ соломы, принесенной конюхомъ, слу-

жилъ ему постелїю, на землѣ постланною въ какой нибудь траншеѣ. Иногда проводилъ онъ ночь на подобїе Аннибала между своими караульными, или съ солдатами, грѣющимися ночью около огня. Такимъ-то образомъ жилъ онъ въ походѣ 1761 года съ малочисленнымъ своимъ войскомъ въ траншеяхъ при Бунзелвицѣ въ видѣ 120,000 непрїятелей, которыхъ привелъ онъ въ недѣйствїе.

Нѣкогда одинъ караульной солдатъ, весьма далеко стоящїй отъ лагеревъ, весьма при немъ негодовалъ и по видимому силился противиться крайней нуждѣ, его угнѣтающей. Фридерикъ, примѣтя сїе, беретъ у него ружье, отсылаетъ его прочь и стоитъ вмѣсто его на караулѣ. Однакожъ тотъ солдатъ не возвратился уже болѣе на караулъ, и Король терпѣливо ожидалъ смѣны. Но узнавши тогда, что тотъ солдатъ заболѣлъ, самъ пошелъ къ нему, приказалъ Маїору, довольно искусному въ лѣчебной наукѣ, дать себѣ нѣсколько крѣпительнаго лѣкарства, равно какъ и занемогшему солдату. Сей послѣднїй, выздоровѣвши послѣ сего лѣкар-

царства, сказалъ Королю въ шушку, что онъ былъ его Докторомъ, а Маіоръ Аптекаремъ.

Фридерикъ показывалъ себя не менѣе снизходительнымъ къ своимъ непріятелямъ. Завладѣвши Дрезденомъ въ 1745 году, находитъ онъ тамъ двухъ сыновей и столько же дочерей Польскаго Короля; онъ ихъ обнимаетъ, успокоиваетъ отъ напраснаго страха; и здѣсь-то называли его Александромъ, посреди семействѣ Даріевыхъ ходящимъ. Монархъ дѣлаетъ для нихъ балы; приказываетъ сыграть оперу Арменія; ласково обращается со всѣми иностранными Министрами, собравшимися въ Дрезденѣ; заставляетъ пѣть Тебе Бога хвалимъ музыкантамъ Польскаго же Короля; чрезъ двѣ недѣли заключаетъ по томъ миръ и торжественно возвращается въ Берлинъ.

Какъ пришелъ онъ вторично осаждать Дрезденъ въ 1760 году, то самые знатные жители сего города, убѣжденные его учтивостію, приходили въ его станъ, какъ въ нѣкоторое надежное пристанище, отъ всякой опасности.

Съ какою уже ласковостію не поступалъ нашъ Герой съ плѣненными и ранеными Французскими Офицерами по взятіи Росбаха? Говорятъ, что превзошедши ихъ храбростію, хотѣлъ онъ еще превзойти ихъ и въ учтивости. „Я не могу къ сему привыкнуть, „чтобъ почитать Французовъ своими не„пріятелями,„ говорилъ онъ Маркизу Густину, вручая ему шпагу его. Въ одной сосѣдней деревнѣ встрѣчается съ Французскимъ Офицеромъ, которой по причинѣ воспы тамъ находился; сей Офицеръ охотно идетъ въ плѣнъ: но Фридерикъ говоритъ ему, что онъ всякому плѣннику даетъ въ руки шпагу.

Генералъ Ромеръ, будучи плѣненъ на сраженіи, бывшемъ съ Австрійцами, на другой день послѣ онаго обѣдалъ вмѣстѣ съ Королемъ, которой сказалъ ему за столомъ: „Какъ я теперь побѣдилъ уже ваше войско, „то и впредь вездѣ, гдѣ только ни нападу, „буду оное побѣждать., Ромеръ, котораго имя съ Нѣмецкаго языка значитъ Римлянина, отвѣчалъ ему: „Ваше Величеств ! Аннибалъ „четыре раза побѣждалъ Римлянъ; но въ

„пятой

„ пятой разъ потерялъ сраженіе, и тогда „ вся война кончилась однимъ ударомъ.„ — „ Правда, отвѣчалъ Король, показавъ притомъ, что одного удара для побѣжденія „ его было недовольно; но Аннибалъ не Пру„ саками, а Римлянами предводительство„ валъ.„ Должно признаться, что побѣдитель показалъ въ семъ случаѣ болѣе снизхожденія, нежели какъ побѣжденный.

По заключеніи мира въ Рубертсбургѣ 15 Февраля 1763 года Графомъ Герцбергомъ, Король сказалъ ему: „ Вы одни заключили „ миръ, такъ какъ и я одинъ же имѣлъ вой„ ну противъ всѣхъ непріятелей.„

Онъ передъ всякимъ гражданиномъ снималъ шляпу. Нѣкогда, какъ онъ жаловался, что ѣхавши чрезъ Берлинъ, принужденъ онъ былъ безпрестанно держать въ рукахъ свою шляпу, то Баронъ Полницъ отвѣчалъ ему на сіе, что онъ, будучибъ на его мѣстѣ, не снималъ бы для всякаго шляпы. „ А для „ чегожъ бы это? спросилъ Король, развѣ „ эти люди не такія, какъ вы и я?„

Одинъ Голландской купецъ, пріѣхавшій смотрѣть Сан-Суси, встрѣтился съ Фридерикомъ, которой не имѣлъ тогда никакого отличнаго знака, и по сему оной купецъ, почитая старымъ слугою сего замка, просилъ его показать ему все, что ни было тамъ любопытнаго. Король повсюду его водилъ, и наконецъ хотѣлъ отъ него удалиться; но любопытной купецъ остановясь говоритъ ему, что паче всего желаетъ онъ посмотрѣть Прусскаго Короля, и неотступно проситъ, чтобъ онъ поставилъ его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могъ бы онъ удовольствовать своему любопытству. Фридерикъ привелъ его къ дверямъ, гдѣ и приказалъ ему стоять молчаливо, а самъ пошелъ въ замокъ. Но какъ выходилъ уже оттуда, будучи окруженъ своими Генералами: то одинъ слуга, видя у дверей стоящаго иностранца, прибѣжалъ къ нему, приказывая ему оттуда уйти. Фридерикъ, недоволенъ будучи такою неучтивостію, кликалъ лакея грозя ему своею палкою. Но простосердечной Голландецъ въ удивленіи, причиненномъ ему отъ взору Фридерикова, подумалъ, что ему грозитъ,

зитъ, и по тому поспѣшно убѣжалъ не слушая Короля, которой помирая со смѣху кричалъ ему, чтобъ онъ воротился.

Встрѣтившись нѣкогда съ Гвардейскимъ Порутчикомъ, которой прогуливался по саду въ Сан-Суси въ мѣщанскомъ платьѣ въ противность имяннаго повелѣнія, притворился, будто его не узналъ и спросилъ: кто онъ таковъ? „Я Офицеръ, отвѣчалъ ему По„рутчикъ; но я здѣсь хожу incognito, въ „скрытномъ видѣ. — Убирайтесь же от„сюда поскорѣе, отвѣчалъ Фридерикъ, чтобъ „васъ Король здѣсь не увидѣлъ.„

Какъ онъ нѣкогда пересматривалъ свои бумаги, то одинъ изъ его Офицеровъ, будучи великой охотникъ до Испанскаго табаку, увидя Королевскую табакерку открытую, не могъ удержаться, чтобъ изъ нее не понюхать. Король, видя сіе въ зеркалѣ, возвратясь взялъ въ руки табакерку, которая была весьма дорога, и показывая оную ему спросилъ, нравится ли ему оная табакерка. Другая не столь удобна, отвѣчалъ онъ Королю, какъ эта. „Возьмитежь ее себѣ, ска-

 „залъ

„залъ ему Фридерикъ улыбаясь, она весь„ма мила для двоихъ насъ.„

Когда искусный Математикъ Ламбертъ принятъ былъ въ Берлинскую Академію, то Фридерикъ приказалъ призвать его вечеромъ къ себѣ. Но Ламбертъ, привыкшій болѣе смотрѣть на звѣзды, нежели на Государей, былъ столь робокъ предъ Монархомъ, что заикался отвѣчая на его вопросы. Фридерикъ, чтобъ привести его въ смѣлость, вздумалъ, затушить двѣ свѣчи, въ комнатѣ у нихъ горѣвшія; тогда въ темнотѣ продолжали они свои разговоры.

Во время походу въ 1759 году, Король, не могши спать нѣсколько ночей по причинѣ шуму, производимаго его гвардіею, то одинъ Офицеръ изобрѣлъ средство сіе прекратить, удаливши отъ его палатки все, что только могло нарушать его спокойствіе, не умаляя однакожъ его безопасность. Фридерику показалось сіе изобрѣтеніе, и онъ приказалъ призвать Офицера въ свою палатку, котораго спросилъ, ѣлъ ли онъ, зная недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, находив-

шійся тогда во всемЪ его войскѢ. ОфицерЪ отвѢчалЪ, что уже ѢлЪ, но сЪ такимЪ видомЪ, которой означалЪ, что нѢтЪ. Тогда ФридерикЪ взялЪ бутылку, поднесЪ ее кЪ свѢчи, чтобЪ увидѢть, сколько вЪ ней осталось еще водки, налилЪ половину рюмки водки и самЪ выпилЪ; по томЪ, наливши полную, поднесЪ Офицеру, говоря притомЪ: „у меня больше нѢтЪ.„

XV.

О его благодарности.

ФридерикЪ умѢлЪ возблагодарить за оказанныя ему услуги, которыя большая часть Государей обыкновенно принимаютЪ какЪ долгЪ своихЪ подданныхЪ. ОнЪ зналЪ всю цѢну ревности и почтеніе людей, которыхЪ онЪ сЪ своей стороны также уважалЪ.

ВсѢ старые его воины, Офицеры и солдаты были удостовѢрены о полученіи хорошихЪ гражданскихЪ должностей, когда приходили вЪ несостояніе болѣе служить вЪ полку. Дѣти ихЪ были воспитываемы,

обучаемы и снабжаемы всемъ, а вдовыя ихъ жены жили въ казенныхъ квартирахъ и получали пенсiю: Аөиняне никогда не были столь благодарны къ своимъ защитникамъ.

Отъ нѣкотораго стараго Сержанта требовано было 2000 ефимковъ (1,200 рублей) за должность, при которой онъ находился. Онъ доложилъ Королю, что по причинѣ неимущества не можетъ выплатить сихъ денегъ. Монархъ тотъ же часъ написалъ къ одному изъ своихъ Министровъ: „Вы сами „были солдатомъ, а я еще и теперь служу; „я хочу, чтобъ мои старые товарищи были „снабжены всемъ.„

Генералъ Форкадъ, раненой нѣкогда въ ногу, опперся въ одинъ день у Фридерика объ окошко. Фридерикъ лишь только сiе примѣтилъ, то побѣжалъ, взялъ кресло и самъ оное ему поставилъ. Сей великiй Государь почиталъ себѣ за большую честь видѣть сидящаго подлѣ него воина, которой въ его службѣ былъ изувѣченъ, нежели оставить его стоять въ рабскомъ и мучительномъ положенiи.

По-

Подобно сему нѣкогда Генералъ Цифенъ, согбенной подъ бременемъ лавровъ, заснулъ у Короля за столомъ. Монархъ не хотѣлъ, чтобъ кто осмѣлился его разбудить. „Оставь„те его, пускай спитъ, сказалъ Король; „онъ прежде долговременно для насъ бодр„ствовалъ.„

Мы видѣли великаго Фридерика, воздвигающаго статуи въ честь знаменитѣйшимъ своимъ Генераламъ. Сей Законодатель почтилъ такою же честію Кокцея, умершаго на 78 году отъ роду при осадѣ Ѳемиса (*).

На

(*) Находятся въ Берлинѣ на мѣсто Вильгельма статуи, воздвигнутыя въ честь Шверина, Зейдлица, Кейтга и Винтерфельда. Три послѣднія сдѣланы художествомъ славнаго Тассарта. Шверинъ представленъ держащимъ въ рукѣ знамя и своею смертію возвращающимъ честь Пруссаковъ на 73 году отъ роду. Статуя государственнаго Казначея Кокцея поставлена въ Коллегіи Фридриштадѣ. Между тѣмъ какъ Фридерикъ воздвигалъ такія трофеи справедливости, написалъ онъ утѣшительное письмо ко вдовѣ Кокцеевой и увѣралъ ее о своемъ покровительствѣ.

На сраженіи при Торгау Генералъ Лестевицъ оказалъ такую услугу отечеству, которая рѣшила побѣду. Непріятель сдѣлалъ рѣшительное движеніе. Лестевицъ увѣдомляетъ о семъ Короля, которой въ самомъ жару сраженія посылаетъ его къ дьяволу. А гдѣ онъ? спрашиваетъ Лестевицъ. Король указываетъ ему на вышину, откуда Австрійцы по немъ стрѣляли. Лестевицъ летитъ туда съ 500 или 600 человѣкъ въ скорости собранныхъ, совсѣмъ того не зная, что Генералъ Зитгенъ сражался уже съ противоположенной стороны. Сіи два отчаянныя нападенія обратила въ бѣгство непріятеля и одержали побѣду.

Въ сраженіи, при Кинерсдорфѣ или Франкфуртѣ бывшемъ, когда лошадь подъ Королемъ была убита, Генералъ Притвицъ далъ ему свою и прогналъ съ малымъ числомъ храбрыхъ Пруссаковъ великое множество Козаковъ, которые устремлялись на Короля желая его захватить. Лестевицъ и Притвицъ чрезъ нѣсколько лѣтъ казались быть забвенными до самаго того времени, какъ

Фри-

Фридерику досталось наслѣдство Маркрафа Карла; тогда онъ далъ первому недвижимаго имѣнія на 200,000 ефимковъ, то есть на 120,000 рублей, написавши ему: „ *Любезной* „ *Лестевицъ* ! я не забылъ важной услуги, вами мнѣ оказанной, и долгое время ожидалъ „ случая наградить васъ за оную, но до сихъ „ поръ сдѣлать сего не могъ. Теперь возьмите во владѣніе земли, которыя я вамъ „ дарую. „

Генералъ Притвицъ получилъ недвижимаго имѣнія на 300,000 ефимковъ (180, 000); при чемъ сказалъ Фридерикъ: „ Лестевицъ спасъ Государство, а Притвицъ „ Государя. „ Естьли когда сей Монархъ медлилъ своими награжденіями, то сіе означало, что вся казна были уже на что нибудь опредѣлена, и что онъ принужденъ былъ ожидать, пока будетъ излишнее сокровище, дабы не привести въ безпорядокъ государственныхъ доходовъ; и по сему часто жаловался онъ на свою бѣдность, и что не имѣлъ одного ефимка, которой бы могъ онъ по волѣ употребить. Такая бѣдность

не

не достойна ли большаго почтенія, нежели какъ великолѣпія Персидскаго Государя?

Такимъ-то образомъ одинъ изъ его Адьютантовъ, которой нѣкогда служилъ ему съ отмѣнною похвалою, ни мало не ласкалъ себя надеждою получить отъ него награду: какъ вдругъ получилъ отъ Фридерика письмо, наполненное благодарностію, и съ онымъ 60,000 ефимковъ, что составляетъ 36,000 рублей.

XVI.

О его благотвореніи.

Первое дѣйствіе Фридериково по возшествіи на Престолъ (*) было благотвореніе, по которому заслужилъ онъ имя Отца отечества. Великое множество бѣдныхъ его подданныхъ претерпѣвали прежде всякія безпокойства въ зимнее время; но Фридерикъ повелѣлъ немедленно открыть магазины и уменьшить гораздо цѣну съ хлѣба; охотникамъ отданъ былъ приказъ раздавать дичь; гот-

(*) 31 Маія 1740 года.

гошпишаль сдѣлалась пристанищемъ бѣдныхъ женщинъ, и училища повсюду были учреждены въ пользу неимущимъ Студентамъ; словомъ, убожество изчезло при взорѣ благотворительнаго Государя.

Коль-крашно подавалъ онъ руки помощи нещасшному! Коликая истощена сумма для исправленія разореній, отъ наводненія причиняемыхъ, и для прекращенія онаго посредствомъ плотины, мостовой, каналовъ, которые повсюду сдѣлали землю плодоносною!

Онъ сѣялъ, можетъ кто скажетъ, для собиранія плодовъ; но жатва его подданныхъ не умножила ли его жатву соразмѣрно?

Городскіе и деревенскіе жители взирали на воздвигнутыя богатыя палаты своихъ сосѣдей, вмѣсто разоренныхъ хижинъ пожаромъ или чемъ другимъ.

Граждане города Грейфенберга послали къ нему Пословъ, для возблагодаренія за ту милость, что онъ возставилъ городъ ихъ изъ пепла: „Вы не должны меня благо-

„да-

„ дарить, отвѣчалъ онъ имъ; вспомоществовать „ нещастнымъ подданнымъ есть первая моя должность, и не для того ли я „ Королемъ?„

Въ походѣ 1778 года Фридерикъ расположился квартирою въ Франкенштейнѣ, а самъ квартировалъ у одной старой госпожи, которой шестеро сыновей были убиты на войнѣ, въ 1756 году бывшей. Увидя ихъ портреты въ одной залѣ, пристально смотрѣлъ онъ на одинъ изъ оныхъ, и вспомнилъ объ немъ: „Естьлибъ этотъ еще былъ „ живъ, сказалъ онъ: онъ теперь былъ бы „ Генераломъ.„ По томъ узнавши, что мать ихъ имѣла еще двухъ дочерей, приказалъ немедленно выдать ей 18000 ефимковъ (10, 800 рублей) для приданаго.

По смерти Генерала, Трошке называемаго, самъ Король писалъ къ его вдовой женѣ, чтобъ узнать состоянie ея дѣлъ; онъ опредѣлилъ ей годовую пенсiю по 500 ефимковъ (300 руб.), купилъ для трехъ ея сыновей землю за 20000 ефимковъ въ новой Маркѣ, наградилъ двухъ ея дочерей приданымъ, когда онѣ вы-

выходили за мужъ; и шакія благотворенія оказалъ онъ не задолго передъ своею смершію (въ 1786 году).

Онъ опредѣлилъ 1500 ефимковъ (900 руб.) годовой пенсіи вдовѣ Генерала Форкада; вдова Полковника Квинша получила отъ Короля 6000 ефимковъ чистыхъ денегъ (3,600 руб.), 400 (240 руб.) пенсіи, и 12000 (7200 руб.) за библіотеку ея супруга, которая не стоила и половины сихъ денегъ.

Вдова одного изъ его Офицеровъ была больна, и имѣла притомъ еще двухъ дочерей при смерти находившихся, которыхъ потеря угрожала ей крайнею бѣдностію. Находясь въ такой крайности, прибѣгла она къ Королю, которой тотчасъ написалъ ей письмо, въ которомъ выговаривалъ за долговременное ея молчаніе: „Для чего ты въ скорости мнѣ о семъ не объявила? Хотя теперь и нѣтъ лишней пенсіи, но я долженъ „помочь вдовѣ храбраго человѣка, о смерти „котораго я сожалѣю. Я уменьшу одно „блюдо изъ моего кушанья, что составитъ „въ годъ 365 ефимковъ (219 руб), которыя вы

„получите съ перваго числа слѣдующаго „мѣсяца, въ ожиданіи лишней пенсіи.„

Фридерикъ.

Жизнь Фридерикова наполнена подобными сему благотвореніями, и я преступилъ бы границы, мнѣ предписанныя въ семъ изображеніи удивительнаго Государя, естьлибъ предпріялъ всѣ оныя здѣсь вычислять; и такъ довольно будетъ еще нижеслѣдующихъ.

Въ одномъ смотру 1775 года Капитанъ просилъ у Короля позволенія продать свои земли, которыя были заложены за 24,000 ефимковъ: Фридерикъ, по возвращеніи своемъ въ Потсдамъ освѣдомившись, что бѣдность сего Капитана произошла не отъ худаго его поведенія, послалъ ему, чемъ бы выкупить заложенныя земли, и еще 6000 ефимковъ для поправленія своего состоянія.

Одинъ изъ его Генераловъ имѣлъ многочисленное семейство, великіе долги и получалъ весьма небольшую пенсію. Сей честной человѣкъ сокрушался отъ печали, никому

кому о семъ не объявляя. Король лишь только о семъ провѣдалъ, што немедленно приказалъ призвать его къ себѣ, и ласково его спрашивалъ о причинѣ его меланхоліи. Генералъ не могъ отвѣчать ему ни слова; наконецъ Король, огорченный его молчаніемъ, сказалъ ему: „Друзья должны соучаствовать въ „горестяхъ своихъ друзей; я знаю, что вы „задолжались: вотъ вамъ деньги, которыми „можете выплатить свои долги; а этими „деньгами (прибавилъ Монархъ, подавая ему „другой кошелекъ) можете поправить свое „состояніе, чтобы впредь не скоро могли „задолжиться.„

Всѣ тѣ, которые жили съ симъ великимъ Государемъ, утверждаютъ, что онъ никогда не былъ столь благополученъ, какъ когда оказывалъ какія нибудь благотворенія; но онъ умѣлъ оказывать оныя безошибочно; справедливость не позволяла ему являть оныя такимъ людямъ, которыя во зло ихъ употребилибъ.

Нѣкоторой Генералъ, вошедшій въ долги, какъ вышеупомянутой Полковникъ, но не

 столь-

столько убогой, какъ послѣдній, испыталъ сіе на себѣ: „Вы много задолжились, ска-„залъ ему нѣкогда Фридерикъ за столомъ.„ Генералъ льстился воспользоваться симъ случаемъ, и немедленно сказалъ ему великую сумму своихъ долговъ: „Отвѣдайте этого „соусу, тотчасъ перервалъ рѣчь его Мо-„нархъ; увѣряю васъ, что онъ весьма „вкусенъ.„

Кто высоко о себѣ думаетъ, тотъ ничего не заслуживаетъ.

Фридерикъ, занимаясь дѣлами наединѣ въ своемъ кабинетѣ, позвонилъ въ колокольчикъ, чтобъ кого нибудь призвать. Но какъ никто не приходилъ, то пошелъ онъ самъ въ переднюю комнату, въ которой не нашелъ онъ никого, кромѣ одного спящаго Пажа. Какъ подошелъ онъ, чтобъ его разбудить, то увидѣлъ писаную бумажку, которая до половины выставилась изъ его кармана; онъ тихонько вынимаетъ ее и видитъ, что это было письмо отъ матери сего Пажа, въ которомъ благодарила она его, что онъ своею бережливостію ей вспомоще-

ство-

ствовалъ, и окончила письмо, приказывая ему рачительно исполнять свою должность къ Государю. Король немедленно идетъ искать мѣшечка для денегъ, и наполнивши оной деньгами, кладетъ его съ письмомъ въ карманъ сего Пажа; потомъ, возвратившись въ свой кабинетъ, началъ звѣнѣть въ колокольчикъ столь громко, что пробужденной отъ сего Пажъ, вскочивши отъ сна, прибѣжалъ къ Королю протирая глаза; но примѣтя бѣжучи нѣчто тяжелое въ его кармань, посмотрѣлъ онъ въ оной, когда Король отворотился, чтобы узнать, что такое это было. Въ какое пришелъ тогда онъ удивленіе, какъ вытащилъ изъ кармана мѣшечекъ золотыхъ! Бѣдной молодой Пажъ подумалъ, что кто нибудь хочетъ испытать его вѣрность, дабы чрезъ сіе сдѣлать его подозрительнымъ; онъ бросается къ ногамъ Монарха, увѣряя его о своей невинности. Богатство приходитъ во снѣ, сказалъ ему Фридерикъ; но наконецъ не могши удержаться отъ смѣху, захохаталъ о безпокойствіи сего Пажа; онъ успокоиваетъ его отъ напраснаго страха и говоритъ: „Отошли эти

„деньги своей матери; свидѣтельствуй ей „отъ меня поклонъ, и увѣрь ее, что я буду „имѣть попеченіе о тебѣ и о ней.„

Одинъ Дворянинъ чрезмѣрно бѣдной, родомъ изъ Польши, недавно соединенной къ Прусской націи, писалъ къ Фридерику письмо, въ которомъ просилъ Порутчическаго чину; а получивши оной, пришелъ онъ съ своими дѣтьми благодарить Короля, которой находился тогда въ Силезіи. Но Фридерикъ лишь только его увидѣлъ, то съ удивленіемъ сказалъ ему: „Ты меня и не увѣдомилъ, что „ты уже столь старъ и слабъ; ниже, что „имѣешь столько дѣтей. Порутчическое „жалованье для тебя будетъ мало; твои „сыновья всѣ будутъ приняты въ Кадеты, „а ты возвратись домой: время тебѣ въ „такія уже лѣта успокоиться; я буду „имѣть попеченіе о твоемъ благосостояніи.„

XVII.

О его чувствительности.

Пріятное чувствованіе дружбы не могло лишиться своихъ правъ въ нѣжной и благо-

творящей душ҆ великаго Фридерика. Какъ Король Фридерикъ никогда не имѣлъ такъ называемыхъ любимцевъ; предпочтеніе его къ тому или другому не имѣло никогда вліянія на правленіе его областей; но какъ Философъ, онъ имѣлъ у себя друзей, и обращаясь съ ними, позабывалъ Королевское свое величество, дабы тѣмъ благополучіе свое усугубить. Онъ ихъ любилъ, да и самъ отъ нихъ любимъ былъ, что казалось совсѣмъ невѣроятнымъ въ его крови; но онъ умѣлъ ихъ выбирать, и гнусная корысть не оскверняла сіе соединеніе: такимъ-то образомъ жили съ нимъ Алгоротти, Милордъ Маршалъ (*), Ге-

(*) Милордъ Кейтъ Маршалъ, наслѣдникъ Екоссы, обыкновенно называемой Милордомъ Маршаломъ. Онъ пожертвовалъ своимъ имѣніемъ вѣрности Англинскаго просителя. Король Прусской приказалъ разорвать Судейской приговоръ, осуждающій его на изгнаніе въ Англію, и опредѣлилъ ему домъ не подалеку отъ Сан-Суси. Милордъ Маршалъ говорилъ о Королѣ, своемъ другѣ: „Нашъ „отецъ Аббатъ человѣкъ мірской, и съ нимъ „весьма пріятно жить. Однакожъ естьлибъ я „былъ въ Испаніи, то почелъ бы себя принуж-„ден-

Генералъ Кейтгофтъ (*), Винтерфелдъ, Рошембургъ, Фуке, а въ последніе года Маркизъ Луххезини. Искренность, которою почтилъ ихъ сей великій Король, довольна къ ихъ славѣ, и приноситъ также и ему не меньшее почтеніе. Мы уже видѣли его покоющагося съ ними отъ Царскихъ своихъ дѣлъ, и свободно позволяющаго говорить остроумныя изреченія. Посмотримъ же его

„ деннымъ донести на него (т. е. въ Инквизицію) „ какъ на колдуна; ибо естьли бы онъ меня не „ околдовалъ, то я остался бы здѣсь, гдѣ вижу „ я единой только образъ солнца, когда я „ могъ бы жить и умереть въ прекрасномъ климатѣ Валенціи. Когда старость не позволяла „ болѣе Милорду Маршалу выходить со Двора, „ то Фридерикъ самъ къ нему хаживалъ его „ посѣщать, и почиталъ его столь честнымъ „ человѣкомъ, что говорилъ, что хотя онъ „ почти всегда былъ обманутъ, то часто покушался онъ не вѣрить болѣе ему. Простосердечной Милордъ еще убѣдилъ меня сему вѣрить; сіе чувствованіе меня утѣшаетъ, и я „ вамъ одолженъ.„ Милордъ Маршалъ умеръ въ отсутствіе Короля въ 1778 году, имѣя уже около 93 лѣтъ.

(*) Братъ Милорда Маршала.

его еще уступающаго движенію своей души, чтобы наслаждаться прелестями такой пріятной бесѣды и чувствовать благополучіе быть чувствительнымъ и признательнымъ.

Во время войны Генералу Винтерфельду было вручено отправленіе важнѣйшаго дѣйствія, для произведенія котораго опредѣлено было 40,000 человѣкъ, но онъ нашелъ только изъ оныхъ 12000; и какъ на сіе жаловался онъ Королю: „Этого довольно, отвѣчалъ тогда ему Фридерикъ: „командуйте вы ими.„ Монархъ хотѣлъ было уже съ нимъ разстаться, какъ обратно воротился и сказалъ ему: „Я позабылъ было „дать вамъ наставленія.„ По томъ взявши его за руку, смотритъ, ни слова не говоря, на Винтерфельда, и смягчившись говоритъ: „Я „даю вамъ одно наставленіе: берегите себя „для меня.„ Нѣсколько дней послѣ сего Винтерфельдъ былъ убитъ, и Фридерикъ долговременно грустилъ, что его друзья кровію своею доставляли ему лавры.

Графъ Ротембургъ получилъ убѣдительнѣйшіе знаки Королевскаго къ нему друже-

 ства.

сшва. Во время послѣдней своей болѣзни Фридерикъ по нѣскольку часовъ сидѣлъ возлѣ его кровати; онъ ободрялъ его и утѣшалъ, нечувствительно разгоняя его печаль. Какъ скоро сказали ему о его смерти, Король, будучи еще не совсѣмъ убранъ, выбѣжалъ изъ Дворца, нѣсколько улицъ бѣжитъ пѣшкомъ, и безъ всякихъ провожатыхъ летитъ къ своему другу и старается еще возвратить ему жизнь, приказывая при себѣ отворить ему кровь. Наконецъ видя, что всѣ человѣческія попеченія были излишни, Фридерикъ, удрученный горестію, ушелъ домой съ заплаканными глазами, и долгое время проводилъ въ уединеніи тѣ часы, въ которые не отправлялъ Царскія должности.

Извѣстно, сколь любилъ онъ Фуке, перваго своего сотоварища воинскихъ упражненій. Сей старой Воинъ, жившій въ Бранденбургѣ, часто былъ утѣшаемъ и любимъ Монархомъ, которой никогда не пропускалъ, ѣзжавши на смотръ въ Магдебургъ, посѣщать своего друга.

Без-

Безпрестанная переписка между сими двумя друзьями вознаграждала ихъ въ отсутствіе. Все, что ни производили ранжереи въ Сан-Суси, Фридерикъ раздѣлялъ съ Фуке. Онъ желалъ знать самыя маловажныя обстоятельства его состоянія и посылалъ ему самыя полезнѣйшія лѣкарства. Фуке лишился употребленія языка и слышалъ съ великимъ трудомъ; но то не могло уничтожить искренней Фридериковой къ нему дружбы: тѣлодвиженія употребляемы были вмѣсто словъ и слышанія. Фридерикъ часто его поддерживалъ, водилъ его за руки. Дружба все награждала. Нѣтъ, единому токмо Фридерику можно было являть такіе примѣры на земли! и естьлибъ онъ былъ одинъ такой человѣкъ, которой находилъ слабость въ такой подробности, я буду о немъ сожалѣть говоря ему: примижъ и мою душу и чувства.

Я намѣренъ былъ представить своего Героя подъ различными видами, изображающими свойство удивительнаго въ своемъ вѣкѣ Государя. Наподобіе блестящей звѣзды, испускающей свѣтъ во время ночи, видѣли

мы

мы сего Героя сражающагося и преодолѣвающаго всѣ препоны противоположенныя первымъ его успѣхамъ; вопервыхъ объявляющаго себя выборомъ своихъ образцевъ, и открывшагося по томъ въ бесѣдахъ съ благоразумными людьми. Такъ какъ трудолюбивая пчела, летающая съ цвѣтка на цвѣтокъ, и собирающая въ одно мѣсто свои сокровища, Фридерикъ обогащаетъ и усугубляетъ свой духъ, и въ скорости соединя въ себѣ раздѣльныя качества, показываетъ онъ намъ собою однимъ разомъ Человѣколюбца, разумнаго Философа, одною рукою приносящаго жертву пріятностямъ, а другою истребляющаго жестокое нетерпѣніе разныхъ вѣръ; человѣколюбиваго Законодателя, трудолюбиваго Правителя; но что всего болѣе, нѣжнаго Друга. . . . и благодарнаго Государя.

Каждая его добродѣтель выполнена самымъ дѣломъ. Украшать оныя есть сверьхъ силъ моихъ; притомъ всякое украшеніе можетъ только ихъ обезобразить. Довольствуясь представить ихъ таковыми, какими всякое современное ему государство оныя

при-

признаешъ, я только ихъ собралъ и издалъ въ свѣтъ; а въ оныхъ изображенъ самъ Фридерикъ.

Для окончанія изображенія Монарха, поистиннѣ названнаго Великимъ и единымъ, приведемъ еще сюда его съ плачущими глазами взирающаго на бездушное тѣло безсмертнаго Шверина, по окончаніи знаменитаго сраженія, но весьма кровопролитнаго, бывшаго при Прагѣ (*); или, когда, забывши одержанную имъ побѣду при Торгау, сказалъ онъ прискорбнымъ духомъ, взирая на умирающаго Ангалта: „Мои друзья меня покидаютъ!„

Посмотримъ еще его послѣ одержанной имъ побѣды при Левтенѣ, когда онъ, отворотясь отъ множества убитыхъ своихъ солдатъ, окропляетъ слезами свои лавры и говоритъ: „Когда же кончатся мои мученія (**)?„

По-

(*) Въ 1757 году.

(**) Мысль изъ Фронтисписа.

Послѣдуемъ еще за симъ Героемъ въ могилу новой Соборной церкви въ Берлинѣ, когда онъ тамъ приказалъ вынять гробъ Фридерика Вилгейма (*) и открыть оной, чтобы воздать знаменитѣйшему изъ своихъ предковъ достойный долгъ (**).

Фридерикъ беретъ руку своего прадѣда, смотритъ на него нѣсколько времени въ молчаніи, но вдругъ глаза его наполняются слезами; онъ выходитъ изъ сего сильнаго восторга и говоритъ его сопровождающимъ съ выраженіемъ того чувства, коимъ онъ былъ тронутъ: „Государи мои! . . . .
„онъ много сдѣлалъ! -- закройте гробъ,„ присовокупилъ онъ отирая слезы и удаляясь отъ сего печальнаго мѣста.

(*) Названнаго великимъ Курфирстомъ; онъ умеръ въ 1688 году.

(**) Тѣло его лежало убрано, по гражданскому обыкновенію, въ Курфиршеской епанчѣ съ обшлагами, обшитыми золотою бахрамою, въ желтыхъ сапогахъ и въ большомъ парикѣ; черты лица его были еще нѣсколько примѣтны.

О Фридерикъ! . . . шакимъ-шо можешъ бышь образомъ въ послѣдствіи времени какой нибудь Герой, столь же чувсшвишельной, какъ шы, превознесешъ себя, разсмашривая смершныя швои осшашки.

КОНЕЦЪ.



